

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 1 (136)

Гуманитарные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **С.А. ХАХОМОВ**,
д-р. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора **О.М. ДЕМИДЕНКО**,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора **М.В. СЕЛЬКИН**,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-кор. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
чл.-кор. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабунцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
Н.Н. Мезга, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук, проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus High-
er Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main re-
sults for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **S.A. KHAKHOMOV**,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief **O.M. DEMIDENKO**,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief **M.V. SELKIN**,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D., Professor
A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
N.N. Mezga, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2023, № 1 (136) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

История

Беляева А.В. <i>Американо-китайские отношения в 1993–2020 гг.: основные направления развития в соответствии с предвыборными программами Демократической и Республиканской партий</i>	5
Бароўская В.М. <i>Пытанне выканання V артыкула Рыжскага мірнага дагавора ў савецка-польскіх адносінах 1921–1922 гг.</i>	11
Гарматны В.П. <i>Развіццё прамысловасці Драгічынскага павета Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг.</i>	17
Дубровко Е.Н. <i>«Записка Остина Чемберлена» от 20 февраля 1925 года и её анализ в советской историографии</i>	22
Краўчанка І.В. <i>Эвалюцыя дзяржаўна-палітычнага ладу Вялікага княства Літоўскага ў даследаваннях выкладчыкаў вышэйшай школы Расійскай імперыі</i>	27
Марданов А.В. <i>Карибский кризис 1962 года: ракетно-ядерное противостояние СССР и США и его исторические уроки</i>	31
Рожкова С.Н. <i>Внешняя культурная политика Советской России и Германии в белорусской постсоветской историографии</i>	36
Скрябина Л.С. <i>Возрождение религиозной жизни на Гомельщине в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.)</i>	41

Филология

Азарова И.Б., Писпанен М.А. <i>Повесть А.И. Куприна «Поединок» и рассказ Ядвигина Ш. «Мустафа»: опыт сравнительного анализа</i>	47
Богатикова Л.И. <i>Проблемы перевода в лингвокультурном аспекте</i>	51
Болтовская Е.А. <i>Вариантность как объект лингвистического исследования</i>	56
Гулевич Е.В. <i>Творческий метод Р. Брэдбери</i>	61
Кахно Т.А. <i>Тыпы і віды гадонімаў горада Калінкавічы</i>	66
Лавицкий А.А. <i>Тенденции в современном белорусском деструктивном дискурсе</i>	71
Лешкевич И.В. <i>Аргументативная составляющая аналитической статьи в британской прессе</i>	75
Лешчанка Л.А. <i>Будучыня ва ўяўленні нацыянальных рамантыкаў (Ян Баршчэўскі і Эдгар По)</i>	81
Ляшчынская В.А. <i>Культурна-моўная спецыфіка фразеалагізмаў-характарыстык чалавека паводле ўжывання ежы</i>	86
Серигов Г.В. <i>Энклитика сѣ в структуре возвратных глаголов Лаврентьевской летописи</i> .	91

Собко А.В. <i>Онимикон произведений из сборника повестей и рассказов «Великий Гусляр» Кира Булычёва</i>	100
Станкевіч А.А. <i>Метафарычнае мадэляванне вобраза чалавека ў беларускіх народных загадках</i>	105
Стрижак А.Л. <i>Поликодовые газетные заглавия в русскоязычной прессе Китая</i>	109
Хазанава К.Л. <i>Дэмінутывы ў беларускіх народных прыказках і прымаўках</i>	116
Чарнавокая А.М. <i>Функцыянаванне паняцця «мастацкі характар» у савецкім і сучасным літаратуразнаўстве</i>	121

ФИЛОСОФИЯ

Габинская А.А. <i>От виртуального эскапизма до цифрового слабоумия: проблемы человека в информационном мире</i>	126
Калмыков В.Н. <i>Закономерность возникновения философии</i>	130
Одиноченко В.А. <i>Трактовка гуманизма в современной католической церкви: проблема понимания</i>	135
Семерник С.З. <i>Трансформация системы образования в условиях смены укладов общественной жизни: история и современность</i>	139

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2023, № 1 (136) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

Belyaeva A.V. <i>China-United States relations in 1993–2020: the main directions of development in accordance with Democratic and Republican Parties' platforms</i>	5
Barouskaya V.M. <i>The issue of implementation of Article V of the Riga Peace Treaty in Soviet-Polish relations of 1921–1922</i>	11
Garmatny V.P. <i>The development of industry in the territory of Dragichzyn powet of the Polesie Voivodeship in 1921–1939</i>	17
Dubrovko E.N. <i>Austin Chamberlain memorial dated February 20, 1925 and its analysis in Soviet historiography</i>	22
Krauchanka I.V. <i>The evolution of the state-political system of the Grand Duchy of Lithuania in the research of higher school teachers of the Russian Empire</i>	27
Mardanov A.V. <i>Caribbean crisis of 1962: nuclear missile confrontation between the USSR and the USA and its historical lessons</i>	31
Rozhkova S.N. <i>Foreign cultural policy of Soviet Russia and Germany in Belarusian post-Soviet historiography</i>	36
Skryabina L.S. <i>Revival of religious life in the Gomel region during the Great Patriotic War (1941–1944)</i>	41

PHILOLOGY

Azarova I.B., Pispänen M.A. <i>The story by A.I. Kuprin «The Duel» and the story by Yadvigin Sh. «Mustafa»: the experience of comparative analysis</i>	47
Bahatsikava L.I. <i>Translation issues in the aspect of cultural linguistics</i>	51
Boltovskaya E.A. <i>Variance as an object of linguistic research</i>	56
Hulevich A.V. <i>R. Bradbury's literary method</i>	61
Kakhno T.A. <i>Types and species of godonyms of the city of Kalinkavichi</i>	66
Lavitski A.A. <i>Trends in modern Belarusian destructive discourse</i>	71
Leshkevich I.V. <i>The argumentative component of the analytical article in the British press</i> ..	75
Leshchanka L.A. <i>The future in the imagination of national romantics (Jan Barszewski and Edgar Poe)</i>	81
Liashchynskaya V.A. <i>Cultural and linguistic specificity of phrases characteristic of a person according to food consumption</i>	86
Serikov G.V. <i>Enclitic <i>ca</i> in the structure of reflexive verbs of the Laurentian Chronicle</i>	91
Sobko A.V. <i>Onymikon of works from the collection of novels and short stories «Great Guslar» by Kir Bulychev</i>	100
Stankevich A.A. <i>Metaphorical modeling of the human image in Belarusian folk riddles</i>	105
Strizhak A.L. <i>Polycode newspaper headlines in the Russian-language press of China</i>	109

Khazanava K.L. <i>Diminutives in Belarusian folk proverbs and sayings</i>	116
Tscharnavokaya A.M. <i>Functionality of the concept of «literary character» in Soviet and modern literary studies</i>	121

PHILOSOPHY

Gabinskaya A.A. <i>From virtual escapism to digital dementia: human problems in the information world</i>	126
Kalmykov V.N. <i>The pattern of philosophy emergence</i>	130
Odinochenko V.A. <i>The interpretation of humanism in the modern Catholic Church: the problem of understanding</i>	135
Semernik S.Z. <i>Transformation of the education system in the conditions of changing ways of social life: past and present</i>	139

История

УДК 94:327(73:510)«1993-2020»

Американо-китайские отношения в 1993–2020 гг.: основные направления развития в соответствии с предвыборными программами Демократической и Республиканской партий

А.В. БЕЛЯЕВА

В статье на основе предвыборных программ Демократической и Республиканской партий США рассмотрено их видение основных направлений американо-китайских отношений. Источниковую базу составили документы, подготовленные к президентским кампаниям 1992 г., 1996 г., 2000 г., 2004 г., 2008 г., 2012 г., 2016 г. На их основе сделаны выводы о сходствах и различиях в подходах двух партий, а также о развитии взглядов на американо-китайские отношения в течение 1993–2020 гг. Выводы подкреплены результатами частотного анализа наиболее употребляемых слов в отношении Китая в предвыборных программах обеих партий.

Ключевые слова: предвыборная программа, Демократическая партия, Республиканская партия, США, Китай, американо-китайские отношения.

The article is about the Democratic and Republican parties' visions of the main directions of China–United States relations based on their parties' platforms. These parties' platforms were prepared for 1992, 1996, 2000, 2004, 2008, 2012, 2016 president elections. Based on them, the conclusions were drawn about similarities and differences in the approaches of the two parties, as well as about the development of views on China–United States relations during 1993–2020. The conclusions are supported by the results of a frequency analysis of the most used words in relation to China in the platforms of both parties.

Keywords: party's platform, Democratic Party, Republican Party, USA, China, China–United States relations.

Введение. Президентские выборы в США являются событием, которое определяет дальнейшее развитие страны, ее внутреннюю и внешнюю политику. Две ведущие партии, Демократическая и Республиканская, готовят предвыборные программы, в которых излагают свое видение будущего США. Важную часть в данных документах занимает международная повестка.

Среди внешнеполитических вопросов, поднимавшихся в предвыборных программах в 1993–2020 гг., обязательно присутствовали отношения с Китаем – направление, которое в эти годы стало одним из наиболее актуальных для США. В связи с этим предвыборные программы позволяют не только сопоставить мнения двух партий о развитии американо-китайских отношений, но и проследить эволюцию взглядов каждой из них. В рамках данной статьи были проанализированы предвыборные программы Демократической и Республиканской партий к президентским выборам 1992 г. [1, с. 8], 1996 г. [2, с. 9], 2000 г. [3, с. 10], 2004 г. [4, с. 11], 2008 г. [5, с. 12], 2012 г. [6, с. 13], 2016 г. [7, с. 14].

Основная часть. В 90-е гг. XX в. президентское кресло два срока подряд занимал Б. Клинтон. В преддверии его кампаний приоритетом Демократической партии была внутренняя политика. В связи с этим Китай в предвыборных программах упоминался эпизодически – в основном в разделе под названием «Распространение демократии». Помимо этого, в предвыборной программе 1992 г. в отдельный пункт документа был вынесен вопрос об улучшении торговых условий для него «с целью укрепления прав человека в Китае и Тибете, улучшения доступа американских товаров на китайский рынок и уважительного отношения к вопросу распространения оружия» [1], а в тексте 1996 г. подчеркивалось, что Демократическая партия поддерживает курс действующей администрации по развитию отношений с ним [2].

На выборах 2000 г. кандидатом от демократов был А. Гор, основой программы которого была внутренняя политика. Несмотря на это, в предвыборной программе Демократической партии было уделено больше внимания американо-китайским отношениям в сравнении с 1992 г. и 1996 г., о чем свидетельствуют данные о количестве упоминаний Китая в текстах

предвыборных программ Демократической партии, представленные на рисунке 1. В частности, отношениям двух стран была дана следующая характеристика: «Схожим образом мы должны взаимодействовать с Китаем, государством обладающим населением в 1,3 млрд чел. и ядерным арсеналом, государством, которому суждено стать одним из основных факторов международной жизни в XXI в. Мы должны искать пути сотрудничества по широкому кругу вопросов, таких как охрана окружающей среды и торговля, настаивать на соблюдении международных стандартов в области прав человека, прекращении преследования религий, подавления Тибета, воинственных угроз в адрес Тайваня. Китай нельзя игнорировать, как нельзя игнорировать и указанные проблемы. Ухудшение американо-китайских отношений принесет больше вреда, чем пользы американским национальным интересам и распространению наших ценностей» [3]. В документе Демократическая партия подчеркивала, что считает соответствующей национальным интересам политику в отношении Китая в годы президентства Б. Клинтона, несмотря на критику со стороны Республиканской партии [3].

Необходимо отметить, что в рамках данной программы впервые была четко обозначена позиция Демократической партии по тайваньскому вопросу: «Администрация Гора будет выполнять свои обязательства по «Закону об отношениях с Тайванем». Администрация Гора также будет придерживаться политики «одного Китая». Мы поддерживаем мирное решение проблемы, соответствующее желаниям жителей Тайваня» [3].

Рисунок 1 – Количество упоминаний Китая в текстах предвыборных программ Демократической и Республиканской партий

Несмотря на успехи демократов в 90-е гг. XX в. и то, что А. Гор набрал на выборах больше голосов избирателей, чем его оппонент Дж. Буш-мл., победу на выборах одержал представитель Республиканской партии. Вследствие этого выборы 2004 г. Демократическая партия проводила в качестве оппозиции. Тем не менее, она не изменила свой подход, вновь кратко коснувшись отношений США и Китая (рисунок 1).

В рамках предвыборной программы 2004 г. демократы затронули новые для себя темы в американо-китайских отношениях: «Мы будем отстаивать интересы американских рабочих и потребителей, опираясь на достигнутый при Билле Клинтоне прогресс во включении обязательных к исполнению международных трудовых и экологических стандартов в торговые соглашения. Наши торговые соглашения будут строиться на основе плана, предусматривающего полный пересмотр существующих соглашений и немедленное расследование притеснения прав китайских рабочих и валютных манипуляций» [4]. Также Демократическая партия подтверждала свою приверженность политике «одного Китая» [4].

Но Дж. Буш-мл. победил на выборах и остался на второй срок. Кандидат от Демократической партии вернулся в Белый Дом в 2008 г. и продлил свое пребывание в нем в 2012 г.

В ходе двух указанных предвыборных кампаний в программах Демократической партии Китаю уделено наибольшее внимание за весь рассматриваемый период (рисунок 1). В документах было отмечено, что странам необходимо сотрудничать, несмотря на наличие противоречий: «Вместе с тем президент намерен продолжать прикладывать усилия, чтобы построить отношения сотрудничества с Китаем, которые будут оставаться ясными и откровенными, несмотря на наличие противоречий. Мир глубоко заинтересован в расцвете мирного и процветающего Китая, но Китаю нужно понимать, что он должен соответствовать международным стандартам и правилам» [6]. В качестве основных направлений назывались снижение напряженности на Корейском полуострове, противодействие Ирану, торговля, энергетика и борьба с изменением климата. Последнее стало новой темой в американо-китайских отношениях. Вместе с тем Демократическая партия не убрала из партийных про-

грамм претензии к Китаю: «Мы продолжим настаивать на изменениях к более открытому обществу и рыночной экономике, на уважении прав человека, к которым относятся свобода слова, прессы, собраний, вероисповедания, свободное пользование Интернетом, право китайских рабочих на профсоюзы, а также соблюдение прав жителей Тибета» [5].

В предвыборной программе Демократической партии 2016 г. исчезли слова о стремлении к американо-китайскому сотрудничеству, несмотря на противоречия, а последним было уделено больше внимания. Особенно это коснулось экономической сферы: «Китай и другие страны используют нечестные методы торговли, чтобы сместить американский бизнес и рабочих. Когда они заваливают дешевыми товарами наши магазины, субсидируют государственные предприятия, девальвируют свою валюту и дискриминируют американские компании, расплачивается за это наш средний класс. Это нужно остановить. Демократы будут использовать все доступные меры, чтобы привлечь к ответственности Китай и других наших торговых партнеров, потому что ни одна страна не должна использовать манипуляции с валютой для получения конкурентных преимуществ» [7]. Кроме того в отношениях с Китаем Демократическая партия обещала противостоять цензуре Интернета, пиратству и кибератакам, а также «настаивать на большем уважении прав человека, в том числе прав жителей Тибета» [7]. Неизменной осталась позиция по вопросу Тайваня и по сотрудничеству в сфере борьбы с изменением климата: «Дональд Трамп говорит, что изменение климата это «ложь», придуманная китайцами и для китайцев, Демократическая партия же признает катастрофические последствия изменения климата, с которыми сталкивается наша страна, наша планета и цивилизация» [7].

Таким образом, в течение рассматриваемого периода Демократическая партия постепенно стала больше внимания уделять такому направлению внешней политики США, как отношения с Китаем. Начиная с президентства Б. Клинтона она взяла курс на развитие торговли с Китаем, чтобы с ее помощью привлечь его к соблюдению международных норм и правил в различных областях. Об этом открыто заявлялось в предвыборной программе демократов 1992 г., а в 2012 г. говорилось о сотрудничестве двух стран, несмотря на противоречия. Помимо торговли партия стремилась к налаживанию взаимодействия с Китаем в борьбе с изменением климата, видела в нем партнера в процессе переговоров по северокорейской ядерной программе. При этом демократы не скрывали своей озабоченности состоянием прав человека в Китае, положением китайских рабочих, а также экономической политикой правительства, направленной на повышение конкурентоспособности китайских товаров за счет валютного курса, поддержки местных производителей и усложнения доступа американцам на китайский рынок. Кроме того, отношения США и Китая в программах Демократической партии связаны с тайваньской проблемой и правами жителей Тибета.

Подтверждают сделанный вывод данные на рисунке 2, где представлена выборка результатов частотного анализа наиболее употребляемых слов в частях предвыборных программ Демократической партии, где речь идет о Китае. Как видно из рисунка, в число наиболее употребляемых попали такие слова, как «trade» (торговля), «rights» (права), «Taiwan» (Тайвань), «climate» (климат) и «workers» (рабочие), что кратко отражает основные темы, направления и противоречия в американо-китайских отношениях в понимании Демократической партии в рассматриваемый период.

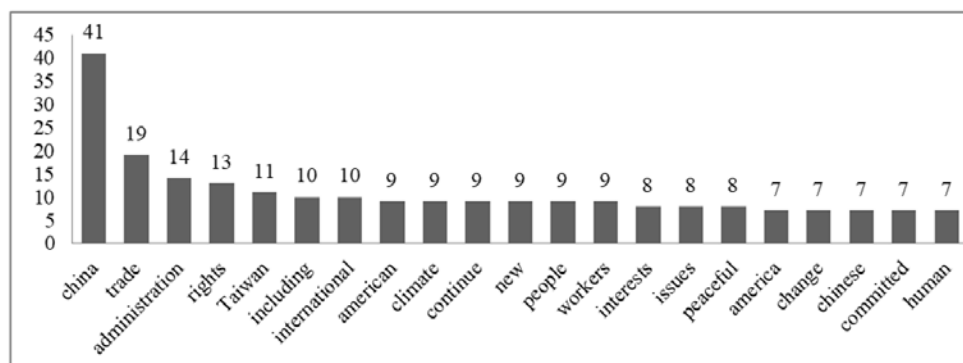

Рисунок 2 – Наиболее часто употребляемые слова в предвыборных программах Демократической партии в 1993–2020 гг.

Республиканская партия традиционно занимала более агрессивную в сравнении с Демократической позицию во внешней политике. В связи с этим она уделяла больше внимания Китаю, который постепенно набирал экономическую мощь и международное влияние (рисунок 1).

В предвыборной программе 1992 г. республиканцы высказались об отношениях с Китаем следующим образом: «Наша политика в отношении Китая основывается на поддержке демократических реформ. Нам нужно поддерживать отношения с Китаем, чтобы эффективно способствовать таким преобразованиям. Мы будем продолжать работать навстречу тому дню, когда китайский народ, наконец, завершит свой путь к открытому обществу и станет свободен от неутешительных ограничений личных свобод» [8]. В данном документе Республиканская партия обозначила свою позицию по Тайваню тем, что заявила об одобрении инициативы Дж. Буша поддержать его вступление в ГАТТ [8].

В 1996 г. Республиканская партия жестче охарактеризовала свои намерения в отношении с Китаем: «Наши отношения с китайским правительством будут основываться на бдительности в отношении их военного потенциала, деятельности по распространению оружия и их отношении к правам человека, особенно в Гонконге» [9]. Она обратила внимание на рост торгового дефицита с Китаем и на угрозу ракетного удара по городам западного побережья США «в случае, если мы останемся верны нашему историческому соглашению с Китайской Республикой Тайванем» [9]. В связи с этим республиканцы открыто высказали критику действиям Б. Клинтона, назвав выбранную им линию поведения в американо-китайских отношениях провальной и снижающей престиж США [9].

Потерпев неудачу в 1996 г., Республиканская партия на следующих выборах в своей программе вновь выступила с критикой действующей администрации. В частности, это коснулось официального визита Б. Клинтона в Пекин вскоре после Третьего кризиса в Тайваньском проливе, стремления связать торговые отношения двух стран с соблюдением прав человека в Китае, а также была затронута тема кражи американских ядерных технологий китайской стороной [10].

В предвыборной программе Республиканской партии 2000 г. отмечалось, что политика США в отношении Китая должна быть «твердой и устойчивой», пока китайская экономика находится на переходном этапе своего развития [10]. Свое видение американо-китайских отношений она обозначила следующим образом: «Китай является стратегическим конкурентом США, а не стратегическим партнером. Мы будем вести переговоры с Китаем без неприязни, но и без иллюзий. Новое республиканское правительство будет понимать важность Китая, но не ставить его в центр своей азиатской политики» [10]. В документе, с одной стороны, указывалось, что Китай является ключевой проблемой США в Азии, с другой стороны, делалось заявление, что США не представляет угрозу для Китая и конфликт между двумя странами не неизбежен [10].

В документе 2000 г. впервые нашла отражение поддержка Республиканской партией политики «одного Китая», также была вновь подтверждена приверженность обязательствам по «Закону об отношениях с Тайванем»: «Президент от Республиканской партии будет уважать обещания жителям Тайваня, давнему другу США и подлинной демократии. Всего несколько месяцев назад они на свободных и честных выборах избрали нового президента. Тайвань заслуживает сильную поддержку со стороны США, включающую своевременную продажу оборонительных вооружений для укрепления тайваньской безопасности» [10].

В предвыборной программе 2004 г. они также остались верны данной позиции, но изменили подход к американо-китайским отношениям: «Под руководством Дж. Буша Соединенные Штаты стремились к конструктивным отношениям с меняющимся Китаем. Наши страны находят общий язык там, где наши интересы пересекаются, в том числе, в проходящей сейчас Войне против террора и в продвижении стабильности на Корейском полуострове. Например, мы координировались относительно будущего Афганистана и инициировали всеобъемлющий диалог по контртерроризму. Общие угрозы в сфере здравоохранения и экологии, такие как ВИЧ/СПИД, атипичная пневмония и другие инфекционные заболевания, заставляют нас принимать совместные меры по благосостоянию наших граждан. Устранение этих международных угроз заставит Китай стать более открытым информации, будет способствовать развитию гражданского общества, укреплению индивидуальных прав человека и прекращению давления на СМИ» [11]. Здесь также была дана положительная оценка вступлению Китая в ВТО, так как это позитивно сказалось на торговых отношениях двух стран, расширив экспортные возможности американских компаний и фермеров и создав новые рабочие места [11].

Республиканцы не отказались от критики политики китайского правительства в области прав человека и нераспространения ядерного оружия, а также в военной сфере, где расширение их потенциала угрожает американским союзникам. К сфере «глубоких разногласий» были отнесены американские обязательства по «закону об отношениях с Тайванем» [11].

Схожим образом американо-китайские отношения были рассмотрены в контексте партийной программы 2008 г. В тексте документа был кратко поднят ряд новых тем – политика одного ребенка, необходимость введения в Китае гибкого валютного курса, разрешение свободного движения капитала, состояние окружающей среды [12].

Однако сохранение умеренности в критике Китая не помогло Республиканской партии вновь одержать победу на выборах. И в предвыборной программе 2012 г. они вернулись к обвинениям действующей администрации в проявлении слабости в американо-китайских отношениях и к критике политики китайского руководства, оставив неизменной позицию по тайваньскому вопросу.

В тексте документа претензии к Китаю представлены следующим образом: «Китайское правительство вовлечено в ряд действий, которые мы осуждаем: стремление к передовым военным технологиям без очевидной необходимости; подавление прав человека в Тибете, Синьцзяне и других регионах; религиозные преследования; подрыв демократии в Гонконге; дестабилизирующие претензии в отношении Южно-Китайского моря. Наши серьезные торговые споры и особенно неспособность Китая соблюдать международные стандарты по защите интеллектуальной собственности и авторского права, а также манипуляции с курсом валюты вынуждают дать решительный ответ со стороны новой республиканской администрации» [13]. Несмотря на претензии, Республиканская партия, согласно предвыборной программе 2012 г., поддерживала расширение торговых и образовательных связей между США и Китаем.

В программе 2016 г. помимо традиционной критики действий действующей администрации и осуждения действий Китая содержалась критика собственной предыдущей предвыборной программы: «Поведение Китая перечеркнуло оптимистичный язык нашей последней предвыборной программы относительно наших будущих отношений с ним. Политика либерализации последних десятилетий была резко обращена вспять, инакомыслие жестко подавлялось, усилились религиозные преследования, Интернет ограничен, продолжается варварская, приводящая к принудительным абортam и стерилизации политика по ограничению рождаемости, разрешающая семье иметь только двух детей, кроме того, возродился культ Мао» [14]. К перечисленным обвинениям можно также добавить кражу интеллектуальной собственности, похищение находящихся за границей представителей оппозиции, расширение военной мощи и претензии в Южно-Китайском море, ограничение американским компаниям и услугам доступа на китайский рынок [14].

Республиканская партия в своей программе подчеркивала стремление к сотрудничеству с китайским обществом: «Возвращение нынешнего китайского руководства к маоизму это не причина прекратить взаимодействие с китайским народом или его организациями. Мы приветствуем студентов, туристов и инвесторов, которые могут своими глазами увидеть нашу здоровую американскую демократию и то, как она работает. Однако мы предостерегаем от академических или культурных мероприятий под контролем китайского правительства и призываем американские учебные заведения оградить себя от этой растущей угрозы академической свободе и честным исследованиям» [14].

Таким образом, Республиканская партия не связывала между собой экономические отношения с Китаем и вопрос прав человека. Она поддерживала развитие двусторонней торговли, но при этом активно критиковала действия китайского правительства во многих сферах. При рассмотрении американо-китайских отношений в рамках предвыборных программ республиканцев можно выделить три наиболее встречающихся темы – поддержка Тайваня, критика политики правительства Китая и критика администрации президента от Демократической партии (в случае, когда Республиканская партия была в оппозиции). Это подтверждают данные частотного анализа на рисунке 3, где среди наиболее употребляемых слов в предвыборных программах Республиканской партии можно увидеть слова «Taiwan» (Тайвань), «trade» (торговля), «administration» (администрация), «rights» (права).

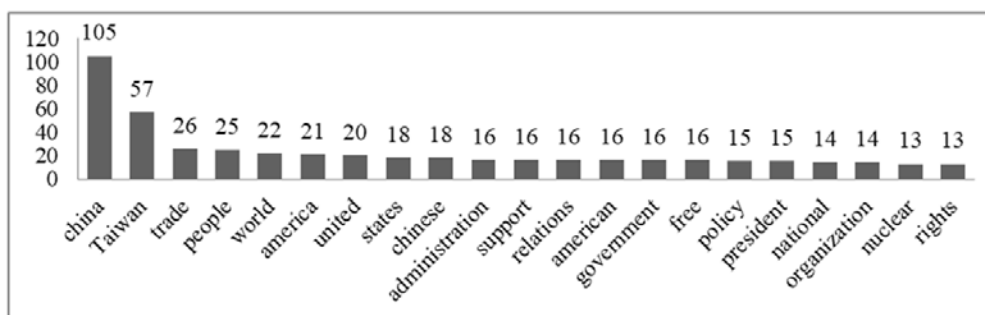

Рисунок 3 – Наиболее часто употребляемые слова в предвыборных программах Республиканской партии в 1993–2020 гг.

Заключение. В рассматриваемый период Демократическая и Республиканская партия схожим образом видели основные направления развития американо-китайских отношений, о чем свидетельствуют предвыборные программы. Они поддерживали экономические связи между двумя странами, придерживались политики «одного Китая» и в тоже время «Закона об отношениях с Тайванем», выступали за соблюдение прав человека в Китае. Кроме того, они считали необходимым сотрудничать по вопросам окружающей среды и Северной Кореи. Имеющиеся отличия в подходах к американо-китайским отношениям связаны с идеологическими установками самих партий: так, поддерживающие профсоюзы демократы обращают внимание на положение китайских рабочих, а выступающие за сохранение семейных ценностей республиканцы – на политику ограничения рождаемости.

Литература

1. The Democratic Party Platform (1992) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/1992-democratic-party-platform>. – Date of access : 10.06.2022.
2. The Democratic Party Platform (1996) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/1996-democratic-party-platform>. – Date of access : 10.06.2022.
3. The Democratic Party Platform (2000) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-democratic-party-platform>. – Date of access : 10.06.2022.
4. The Democratic Party Platform (2004) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2004-democratic-party-platform>. – Date of access : 10.06.2022.
5. The Democratic Party Platform (2008) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2008-democratic-party-platform>. – Date of access : 10.06.2022.
6. The Democratic Party Platform (2012) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2012-democratic-party-platform>. – Date of access : 10.06.2022.
7. The Democratic Party Platform (2016) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2016-democratic-party-platform>. – Date of access : 10.06.2022.
8. The Republican Party Platform (1992) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1992>. – Date of access : 10.06.2022.
9. The Republican Party Platform (1996) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1996>. – Date of access : 10.06.2022.
10. The Republican Party Platform (2000) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-republican-party-platform>. – Date of access : 10.06.2022.
11. The Republican Party Platform (2004) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2004-republican-party-platform>. – Date of access : 10.06.2022.
12. The Republican Party Platform (2008) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2008-republican-party-platform>. – Date of access : 10.06.2022.
13. The Republican Party Platform (2012) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2012-republican-party-platform>. – Date of access : 10.06.2022.
14. The Republican Party Platform (2016) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2016-republican-party-platform>. – Date of access : 10.06.2022.

УДК 94:327((47+57):438)«1921-1922»:341.24((47+57):438)«1921»

Пытанне выканання V артыкула Рыжскага мірнага дагавора ў савецка-польскіх адносінах 1921–1922 гг.

В.М. БАРОЎСКАЯ

У артыкуле даследуецца праблема выканання V артыкула Рыжскага мірнага дагавора і ўплыў на савецка-польскія адносіны 1921–1922 гг. Напружаная сітуацыя на памежнай тэрыторыі, рост бандытызму прыводзілі да амаль поўнага разладу двухбаковых адносін, спынення дзейнасці змешаных камісій (рэпатрыяцыйнай, памежнай). Нотная перапіска паміж РСФСР і Польшчай зводзілася да выстаўлення ўльтыматумаў. Звяртаецца ўвага на меры органаў Надзвычайнага камітэта БССР па барацьбе з палітычным бандытызмам.

Ключавыя словы: бандытызм, Рыжскі мірны дагавор, нотная перапіска, савецка-польскія адносіны.

The article examines the problem of implementation of Article V of the Riga Peace Treaty and the impact on Soviet-Polish relations of 1921–1922. The tense situation in the border area, the growth of banditry led to an almost complete breakdown of bilateral relations, the suspension of the work of mixed commissions (reparations, border). The note correspondence between the RSFSR and Poland was reduced to issuing ultimatums. The attention was drawn to the measures taken by the bodies of the Emergency Committee of the BSSR to combat political banditry.

Keywords: banditry, Riga Peace Treaty, note correspondence, Soviet-Polish relations.

Заканчэнне польска-савецкай вайны 1919–1920 гг., заключэнне Рыжскага мірнага дагавора ў сакавіку 1921 г. унеслі змены ў геапалітычную сітуацыю Цэнтральна-Усходняй Еўропы. Усталяванне мірных двухбаковых адносін паміж Савецкімі рэспублікамі і Польшчай сутыкалася са шматлікімі праблемамі. Выкананне асноўных артыкулаў міжнародна-прававых актаў, падпісаных у Рызе, прадугледжвала стварэнне асобных змешаных камісій, якія павінны былі правесці тэрытарыяльнае размежаванне, усталяваць памежную лінію паміж бакамі (пагранічная); ажыццявіць рээвакуацыю маёмасці і выплату кантрыбуцыі (золатам або каштоўнасцямі), вярнуць культурныя рарытэты (рээвакуацыйная і спецыяльная); рэпатрыіраваць ваеннапалонных, бежанцаў, заложнікаў, грамадзянскіх палонных, правесці аптацыю насельніцтва (камісія па рэпатрыяцыі); вырашыць спрэчныя памежныя пытанні, якія ўзніклі паміж ваеннымі і грамадзянскімі ўладамі (ваенна-ўзгадняльная і ўзгадняльныя камісіі па ліквідацыі памежных інцыдэнтаў). Зразумела, што праца ўсіх змешаных камісій знаходзілася ў цеснай узаемасувязі з існуючым становішчам савецка-польскіх адносін. Напрыклад, невыкананне фінансавых абавязкаў савецкім бокам выклікала замаруджванне дзейнасці камісіі па рэпатрыяцыі, што прыводзіла да спынення працэсу транспарціроўкі бежанцаў, ваеннапалонных. Так і змешаная пагранічная камісія не магла прыступіць да працы ў штатным рэжыме па прычыне масавых выпадкаў бандытызму ў памежнай зоне, якія не маглі быць канчаткова ліквідаваны з-за неэфектыўнай дзейнасці Польска-расійска-ўкраінскай ваенна-ўзгадняльнай камісіі, з-за нежадання польскага боку прыступіць да згортвання акцыі па патырмцы так званых «рускіх армій», Народнага саюза абароны айчыны і свабоды, Рускага палітычнага камітэта ў Варшаве.

Гістарыяграфія савецка-польскіх адносін міжваеннага перыяду пачалася яшчэ ў 1920-я гг., калі былі створаны першыя працы па гэтай праблеме [1]. Гэтыя працы, як і наступныя савецкія публікацыі 1920–1930-х гг. аб палітыцы СССР у адносінах заходніх суседзяў, насілі палемічны характар. У савецкай гістарычнай навуцы як міжваеннага, так і пасляваеннага часу Польшча прадставала як дзяржава, якая мае агрэсіўныя памкненні супраць Савецкай дзяржавы, гатова захапіць савецкія рэспублікі Беларусі і Украіны. У працах савецкіх гісторыкаў кіруючыя колы Польшчы абвінавачваліся ў жаданні стварыць антысавецкі блок уздоўж заходніх межаў СССР, невыкананні асноўных палажэнняў Рыжскага дагавора. Пры гэтым цалкам замоўчваліся факты невыканання гэтай дамовы савецкім бокам. У 1950-я гг. пытанне аб савецка-польскіх адносін разглядалася па-ранейшаму з класавых пазіцый [2].

У 1960-я гг. былі ўведзены ў навуковы зварот новыя крыніцы па гісторыі польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. П.Н. Альшанскі, паважаючы ацэнкі 1950-х гг., прывеў раней

невядомыя матэрыялы аб ваенных дзеяннях і палітычным баку савецка-польскіх адносін 1918–1921 гг., а таксама аб пазіцыі краін Антанты, якія ўлічвалі пры рашэнні пытання ўсходняй польскай мяжы этнаграфічныя і эканоміка-геаграфічныя фактары [3].

У польскай гістарыяграфіі ў міжваенны перыяд сфарміравалася канцэпцыя «двух ворагаў», у рамках якой РСФСР (СССР) і Германія разглядаліся як непрымірныя супернікі Польшчы на міжнароднай арэне, якія трымаюць Польшкую дзяржаву ў «геапалітычных цісках». Працы ў асноўным насілі палемічны характар, не ставілася пытанне аб абгрунтаванасці ўваходжання ў склад Польскай дзяржавы ўкраінскіх, беларускіх і літоўскіх зямель. Гісторыкі і палітыкі пісалі, што заходнія дзяржавы заплацілі Польшчы пры вырашэнні праблемы яе межаў недастаткова высокую цану [4]. Наадварот, М. Бабжынскі [5] крытыкуе канцэпцыю нацыянал-дэмакратаў, бо яна ў аснову тэрытарыяльнага размежавання заклала этнічны прынцып, што ў выніку прывяло да страты для Польшчы часткі зямель на ўсходзе, якія ўваходзілі ў склад Рэчы Паспалітай да яе падзелаў у XVIII ст. У перыяд да дзяржаўнага перавароту 1926 г. у працах польскіх гісторыкаў канкуруравалі як канцэпцыя інкарпарацыі эндэкаў, якія выступалі за незалежнасць Польшчы ў межах яе другога падзела, так і погляды прыхільнікаў Ю. Пілсудскага па стварэнні федэратыўнай Польшчы.

Польскія гісторыкі, якія працавалі ў часы існавання Польскай народнай рэспублікі (ПНР), у сваіх ацэнках развіцця савецка-польскіх адносін паўтаралі вывады савецкай гістарыяграфіі. Такія даследчыкі, як В. Гастынская [6], А. Дзяруга [7], Е. Куманецкі [8], В. Матэрскі [9] пісалі аб характары савецка-польскіх адносін пасля стварэння Польскай дзяржавы; аб выніках польска-савецкай вайны 1919–1920 гг., тэрытарыяльных праблемах, якія ўзніклі і па віне польскага боку. Яны адзначалі супярэчлівы характар польскай знешняй палітыкі: імкненне да захопаў тэрыторый на ўсходзе і абарончую пазіцыю ў пытанні аб звароце заходніх польскіх зямель. Афіцыйная гістарыяграфія ПНР не выступала супраць магчымай саветызацыі краіны ў 1920 г. і рэвалюцыйных планаў СССР у 1923 г. Новыя ўмовы для даследавання праблемы з'явіліся пасля заканчэння «халоднай вайны» і зменаў геапалітычнай сітуацыі ў Еўропе, на змену пераадаленым фальсіфікацыям прыйшлі міфы даваенных гадоў. Добрым пацвярджэннем гэтаму сталі матэрыялы канферэнцыі ў Варшаве (1990 г.), прысвечанай польска-савецкай вайне 1919–1921 гг. [10].

На мяжы 1980–1990-х гг. пачынаецца новы этап у развіцці гістарыяграфіі праблемы. У сувязі з адкрыццём доступу да масіва архіўных дакументаў аб знешняй палітыцы Савецкай Расіі (СССР) на новых пазіцыях разгарнуліся дыскусіі аб польска-савецкай вайне 1919–1920 гг. Так, І.У. Міхуціна [11] тлумачыць канфлікт паміж Савецкімі рэспублікамі, Польшчай і Літвой існаваннем у польскай грамадскай думцы ўпэўненасці, што польскі бок зможа набыць былую магутнасць і супрацьстаяць Германіі і Расіі пры ўмове ўключэння ў яе склад значных тэрыторый на ўсходзе. Геапалітычную пераемнасць палітыкі Савецкай Расіі ў адносінах да суседніх заходніх дзяржаў і параўнальна малы ўплыў на яе ідэалогіі падкрэсліваюць сёння шматлікія гісторыкі. В.А. Зубачэўскі дэманструе пераемнасць расійскай нацыянальнай і геапалітычнай традыцыі у розныя адрэзкі часу [12]. Т.М. Сіманава яскрава паказала шматлікія супярэчнасці двухбаковых адносін паміж Савецкай Расіяй (СССР) і Польшчай па праблеме ліквідацыі Рускага палітычнага камітэта, спынення дзейнасці Б.В. Савінкава на польскай тэрыторыі [13]. Беларуская гістарыяграфія па праблеме прадстаўлена працамі М.М. Мязгі [14], Р.Р. Лазько [15], В. Цынкевіча [16]. Нягледзячы на наяўнасць дастаткова значных напрацовак у айчыннай і замежнай гістарыяграфіі, да сённяшняга моманту праблема выканання V артыкула Рыжскага мірнага дагавора ў савецка-польскіх адносінах 1921–1922 гг. не была вылучана ў якасці самастойнага аб'екта для вывучэння.

Найбольш актуальным і зладзённым пытаннем у савецка-польскіх адносінах 1921–1922 гг. стала праблема ліквідацыі палітычнага бандытызму першапачаткова ў нейтральнай зоне (пасля заключэння Прэлімінарнага мірнага дагавора), і ў памежнай паласе цалкам. Шматлікія бандыцкія напады на мясцовае насельніцтва, часткі савецкай міліцыі, кіраўніцтва рэвалюцыйных камітэтаў турбавалі ў першую чаргу савецкі бок, але і наносілі шкоду змешанай пагранічнай камісіі. Так, згодна з лістом старшыні польскай часткі пагранічнай камісіі Л. Васілеўскага ва ўсходні аддзел Міністэрства замежных спраў Польшчы, рэквізіцыі, забойствы і іншыя праявы дзейнасці бандытаў прымушалі часова спыняць тэхнічную працу па абследванні памежнай тэрыторыі і ўстаноўцы слупоў [17, с. 66–67].

Палітычны бандытызм быў галоўнай тэмай нотнай перапіскі паміж бакамі. Народны камісарыят замежных спраў (НКЗС) РСФСР, савецкі ўрад неаднаразова накіроўвалі польскаму кіраўніцтву шэраг дыпламатычных пасланняў з выказваннем пратэстаў супраць «контррэвалюцыйнай дзейнасці» ў памежнай паласе. Падпісаны ў Рызе мірны дагавор

абавязваў польскае кіраўніцтва адмовіцца ад падтрымкі арганізацый і груп, якія ў палітычных адносінах пагражалі боку, які дамаўляецца. У артыкуле V Рыжскага мірнага дагавора ўказвалася, што абодва бакі, што дамаўляліся, узаемна гарантуюць поўную павагу суверэнітэта іншаму баку і ўстрыманне ад любога ўмяшальніцтва ў яе ўнутраныя справы, у прыватнасці ад агітацыі, прапаганды і любога віду інтэрвенцыі, або іх падтрымкі. Абодва бакі, якія дамаўляюцца, бяруць на сябе абавязак не ствараць і не падтрымліваць арганізацыі, якія ставяць сваёй мэтай узброеную барацьбу з іншым бокам, які дамаўляецца, або якія замахваюцца на тэрытарыяльную цэласнасць, або рыхтуюць звяржэнне яе дзяржаўнага ці грамадскага ладу шляхам сілы ці часткі яе тэрыторыі. Па гэтай прычыне бакі абавязваюцца не даваць дазвол на знаходжанне на сваёй тэрыторыі такіх арганізацый, іх афіцыйных прадстаўніцтваў і іншых органаў, забараніць вярбоўку, так і увоз на сваю тэрыторыю і правоз праз сваю тэрыторыю ўзброеных сілаў, зброі, баявых прыпасаў, амуніцыі і ўсялякага віду ваенных матэрыялаў, прадугледжаных для гэтых арганізацый [18, с. 612].

Так, пачынаючы з мая 1922 г. савецкі ўрад і НКЗС РСФСР звярталіся да польскага ўраду з просьбамі высласць са сваёй тэрыторыі арганізатараў мяцяжоў і паўстанняў, якія працягвалі сапраўдную вайну супраць савецкіх рэспублік. Іх дзейнасць з'яўляецца парушэннем умоў Рыжскага мірнага дагавора. 5 верасня Польшча закрыла ўсходнюю мяжу, сцягнуўшы да пунктаў пераходу дадатковыя сілы жандармерыі. 8 верасня 1921 г. польскі павераны ў Маскве прыняў ноту Г.В. Чычэрына, у якой указвалася, што варожая арганізацыя Б.В. Савінкава фактычна цалкам захавана, але пад іншай назвай [19, с. 8–9]. 11 верасня 1921 г. НКЗС РСФСР зноў уручыў польскаму прадстаўніку ў Маскве чарговую ноту, у якой польскія ваенныя колы і польскі ўрад абвінавачваліся ў садзеянні і патуранні рускім контррэвалюцыйным арганізацыям. 15 верасня НКЗС РСФСР паведаміў аб намеры Францыі ўцягнуць Польшчу ў вайну супраць савецкіх рэспублік. На наступны дзень паступіла польская вербальная нота з патрабаваннем да 1 кастрычніка вызваліць і даставіць да мяжы ўсіх польскіх заложнікаў і палонных; перадаць Польшчы золата і каштоўнасці, якія ёй належаць па Рыжскаму дагавору; тэрмінова ўзнавіць працу рээвакуацыйнай і спецыяльнай змешаных камісій. Варшава пагражала разрывам дыпламатычных зносін [20, с. 17].

Адказная нота 16 верасня ад імя Л.М. Карахана ўтрымлівала доказы супрацоўніцтва «рускіх контррэвалюцыянераў» з Генеральным штабам Польшчы. У чарговай ноце 17 верасня Масква заявіла аб згодзе да 1 кастрычніка ўнесці першы ўзнос золата і прыступіць да працы рээвакуацыйнай і спецыяльнай камісіі, калі Польшча да гэтага часу вышле са сваёй тэрыторыі найбольш вядомых лідэраў белагвардзейцаў і пакарае віноўных у іх падтрымцы – супрацоўнікаў II аддзела Генеральнага штаба [19, с. 334–335]. У адказ 18 верасня павераны па справам Польскай Рэспублікі ў Маскве Т. Філіповіч накіраваў Г.В. Чычэрыну ноту ў форме ультыматума з пагрозай разрыву дыпламатычных адносін па прычыне невыканання савецкім бокам трох пунктаў Рыжскага дагавора, перш за ўсё – аб нявыплаце першага транша золата. Адначасова Польшча паведаміла аб гатоўнасці паведаміць аб мерах, якія яна прадпрыняла супраць пераходу мяжы непажаданымі элементамі. Польскі ультыматум быў адхілены савецкім бокам, намеснік народнага камісара замежных спраў М.М. Літвінаў ацаніў адказ Польшчы ў адносінах да савецкага патрабавання аб ліквідацыі Б.В. Савінкава і бандытызма як фактычную адмову ад яго выканання [21, арк. 24–27]. 22 верасня 1921 г. у ноце НКЗС РСФСР было падкрэслена, што ўрад не можа «спакойна адносіцца да сістэматычнай падрыхтоўкі дробнай партызанскай вайны» на памежнай тэрыторыі супраць мірнага насельніцтва. Было падкрэслена таксама, што патрабаванне ліквідаваць «бандыцкія арганізацыі Савінкава, Балаховіча і Пятлюры» заснавана на ўмовах Рыжскага дагавора. У ноце асоба падкрэслівалася жаданне польскага ўраду скрыць факт «фарміравання, навучання, узбраення, забеспячэння грашымі бандыцкіх шаек» пры яўным заступніцтве польскіх ваенных уладаў, асабліва II аддзела Генеральнага штаба [21, арк. 71–73].

У справаздачы аб барацьбе з бандытызмам Надзвычайнай камісіі (НК) Беларусі з 1 студзеня па 15 лістапада 1921 г., накіраванай на адрас намесніка страшыні ўпраўлення НК І.С. Уншліхта, указвалася, што «ўсе банды, якія дзейнічалі на тэрыторыі Беларусі, былі замежнага паходжання за выключэннем некалькіх адзінкавых выпадкаў». Да сакавіка 1921 г. бандытызм насіў неарганізаваны характар і праяўляў сябе галоўным чынам у Мазырскім павеце (банды С.Н. Булак-Балаховіча) [22]. З 40 зарэгістраваных выпадкаў налётаў, пагромаў на тэрыторыі Беларусі большасць адбылася да заключэння Рыжскага мірнага дагавора. 30 выпадкаў прыходзіцца на Мазырскі павет, пры гэтым 29 з іх ажыццявілі рэшткі банды С.Н. Булак-Балаховіча. Зімой

1920–1921 гг. бандытызм на тэрыторыі БССР не меў шырокага развіцця. У гэты час праходзіла падрыхтоўка груп на тэрыторыі Польшчы, пры актыўнай падтрымцы польскага ўраду пад кіраўніцтвам Народнага саюза абароны радзімы і свабоды і Беларускага палітычнага камітэта. Імі былі арганізаваны налёты, разгром рэўкомаў, крадзяжы і гвалт над мясцовым насельніцтвам, распаўсюджванне антысавецкай літаратуры. Акрамя таго, у прыфрантавой паласе адбываліся крадзяжы сіламі дэзерціраў. Вясной лічба налетаў дасягнула 53 [22].

Супрацьстаялі ім сілы Асобага аддзела XVI арміі, 40 батальён войск упраўлення надзвычайнага камітэта (УНК), 5 і 8 дывізіі, сілы міліцыі. 25 мая 1921 г. загадам 43Ф была створана Камісія па барацьбе з бандытызмам у межах Мінскай губ. (Камбандрасбел). Згодна з інструкцыямі штаба Заходняга фронту Камбандрасбел не з’яўляўся аператыўным органам і не мог даваць распараджэнняў аб выкарыстанні ўзброеных сілаў. Аператыўнае кіраўніцтва па барацьбе з бандытызмам па лініі палявых частак адбывалася ад Камандуючага Заходняга фронту, адпаведных органаў УНК. 8 ліпеня 1921 г. быў створаны Глаўваенсавет Мінскага раёна. Уся тэрыторыя БССР была падзелена на 6 участкаў, межы якіх супадалі з межамі паветаў. Былі вылучаны лятучыя і знішчальныя атрады. Вайсковая і агентурная разведка былі аб’яднаны пад кіраўніцтвам НК Беларусі. Пры кожным участку была створана Паліткамісія, якая павінна была аказваць шырокую падтрымку ваеннаму камандванню і органам НК, праводзіць мабілізацыю і выдзяленне максімуму камуністычных сілаў на барацьбу з бандытызмам, умацаванне савецкай улады і органаў на месцах.

Атрады пры патуранні польскіх улад безперашкодна пераходзілі мяжу, ажыццяўлялі рабаванне, нападлі на памежныя пасты, грамілі рэўкомы, растрэльвалі савецкіх працаўнікоў і камуністаў, распаўсюджваліся контррэвалюцыйныя лістоўкі і сыходзілі ў адваротным напрамку. Сярод раёнаў, якія сталі месцам засяроджвання антысавецкіх атрадаў у памежнай паласе з польскага боку, адзначаюцца раён Докшыцы, м. Будслаў – м. Даўгінаў (6000 чал.), раён Крайску (савецкі бок) атрады К. Райцэвіча (100 чал.) і А. Чорнага, раён Радашковічы–Ракаў–Рубяжэвічы (М. Паўлаў 700 чал.), раён Нясвіжа (2500 чал. маёр Гомін, Бунаў, Марцэла, Беларускі ваенны паўстанцкі камітэт), раён Лунінец (каля 4000 чал., беларуская арганізацыя «Зялёнага Дуба» В. Адамовіч, атрады Караткевіча раён в. Князь, Іваноў – Мазыр, Чорны – м. Тонеж). Атрады папаўняюцца за кошт мясцовых жыхароў, незадаволеных палітыкай савецкай улады (харчразверсткай). На 1 мая 1921 г. на тэрыторыі Барысаўскага павяту дзейнічалі банды Галавейка (100 чал.), шэраг нявызначаных бандаў; у Ігуменскім павеце – банды агульнай колькасцю 250 чал., у Мінскім – 4 банды пад кіраўніцтвам партызан 200 чал., у Слуцкім – банда паручыка Ларына 60 чал. і шэраг дробных атрадаў па 15–30 чал., у Бабруйскім і Мазырскім паветах – нявызначаныя банды ад 20 да 60 чал. Такім чынам агульная колькасць актыўных бандытаў у Мінскай губерні па дадзеных на 12 мая дасягала 2000 чал. [22].

Загадам Асобага аддзела Заходняга фронту ад 22 мая 1921 г. была створана Камісія па барацьбе з бандытызмам Заходняга фронту «Камбандзап» у складзе: старшыня І.А. Муклевіч (член РВС Заходняга фронту), члены аператыўнага ўпраўлення М.С. Перамытаў, упаўнаважаны УНК А.В. Мядзведзь. Мэты камісіі: садзейнічанне камандванню ў барацьбе з бандытызмам і аб’яднанне палітычных мерапрыемстваў з ваеннымі (распрацоўка аператыўных заданняў і камандвання часткамі ў іх кампетэнцыю не ўваходзіла). Пры гэтым барацьба з праяўленнем дробнага бандытызму павінна весціся выключна сіламі, якія знаходзяцца ў распараджэнні мясцовых уладаў (міліцыі, органамі НК) і толькі ў сапраўды неабходных выпадках выкарыстоўваць вайсковыя часткі. Былі прыняты наступныя меры па прадухіленні развіцця бандытызму: 1) развіць шырокую агітацыю пры дапамозе партыйных сілаў і Народнага камісарыята асветы, праводзячы яе праз настаўнікаў, па тлумачэнні сярод сялян тых негатыўных момантаў, якія прыносяць бандытызм, правядзенне агітацыі супраць антысмітызму; 2) умацаваць сілы валасных сельскіх саветаў (магчыма поўная змена асабовага складу); 3) выкарыстоўваць метады канфіскацыі маёмасці бандытаў і іх сямей; 4) камісіі па барацьбе з бандытызмам неабходна выкарыстоўваць усе рэальныя сілы: войскі, міліцыю і атрады асобага пазначэння; 5) праводзіць выяздныя сесіі рэўтрыбуналаў, праводзіць публічныя суды, выносіць жорсткія прысуды; рэпрэсіі павінны быць не толькі накіраванымі, а і служыць агітацыяй і папярэджаннем; 6) прыняць меры па прадухіленні прасочванню праз мяжу бандаў. Характар дзейнасці бандаў быў наступны: яўрэйскія пагромы, налёты на валасныя выканкамы і органы мясцовай улады, крадзяжы, забойствы, тэарызацыя яўрэйскага насельніцтва і прадстаўнікоў улады, контррэвалюцыйная агітацыя.

22 верасня 1921 г. Народны камісар замежных спраў РСФСР накіраваў ноту паверанаму па справах Польшчы ў Маскве Т. Філіповічу аб мерах па прадухіленні крызісу паміж РСФСР і Польшчай [23, с. 71]. У ёй утрымлівалася патрабаванне выдаліць з тэрыторыі Польшчы, ліквідаваць арганізацыі варожых расійскаму ўраду, асобы, якія прымалі ўдзел у варожых налётах на савецкую тэрыторыю, павінны быць арыштаваны і асуджаны; перавесці інтэрніраваныя атрады «контррэвалюцыянераў» з памежных тэрыторый углыб Польшчы. Прадугледжвалася, што прадстаўнікі Міністэрства замежных спраў Польшчы сумесна з савецкім прадстаўніком у Варшаве тэрмінова прыступяць да разгляду матэрыялу, які маецца ў савецкага боку, для ўстанаўлення віноўнасці чыноў польскай арміі і абмеркавання далейшых мераў па прадухіленні паўтору ўстаноўленых выпадкаў у будучым.

26 верасня 1921 г. паступіў адказ з боку ўрада Польшчы, у якім адмаўляліся намеры па развязванні вайны з савецкімі рэспублікамі. Любое выступленне як грамадзянскіх асоб, так і ваеннаслужачых, накіраванае супраць дзяржавы, з якой Польская рэспубліка знаходзіцца ў мірных адносінах, трактуецца з усёй рашучасцю згодна з патрабаваннямі службовай дысцыпліны, і любыя матэрыялы па гэтым пытанні, якія трапяць у рукі Польскага ўраду, будуць выкарыстаны ў адпаведнасці з дзеючымі законамі.

З 30 верасня па 6 кастрычніка 1921 г. адбываліся савецка-польскія перагаворы па прадухіленні крызіснай сітуацыі ў двухбаковых адносінах. Іх вынікам стала падпісанне 7 кастрычніка 1921 г. Пратакола аб умовах выканання Рыжскага мірнага дагавора, падпісанага віцэ-міністрам замежных спраў Польшчы Я. Домбскім і паўнамоцным прадстаўніком РСФСР у Варшаве Л.М. Караханам. Было вырашана, што не пазней 8 кастрычніка 1921 г. польскую тэрыторыю павінны пакінуць В. В. Савінкаў, Д. М. Адзінец, М.В. Яраслаўцаў, А.А. Дыкгоф-Дэрэнталь, А. Рудзін, не пазней 20 кастрычніка – А. Мяркоў, У.А. Улянцікі, М.М. Гніларыбаў, М.Р. Эрдман, С.В. Пятлюра, Ю.В. Цюцёнік, П. Паўленка, П.А. Зялінскі, С.Н. Булак-Балаховіч. У артыкуле VI указвалася, што бакі згаджаюцца прыступіць да перагавораў па пытанні аховы мяжы ад пераходу непажаданымі элементамі і партызанскімі бандамі любога роду. Польскі ўрад выказаў згоду тэрмінова перавесці рабочыя дружны, якія складаліся з былых інтэрніраваных салдат, з абласцей, якія прылягалі да ўсходняй мяжы, углыб краіны. У ходзе сустрэч былі сфарміраваны тры групы контррэвалюцыйных элементаў – Б.В. Савінкова, С.В. Пятлюры і С.Н. Булак-Балаховіча. З групы апошняга Л.М. Карахан выкрэсліў В.А. Адамовіча і Дзяргача (В.В. Адамовіч).

Згодна з перыядычнай зводкай аб бандытызме разведвальнага аддзела штаба войск Мінскага раёна з 20 кастрычніка па 20 лістапада 1921 г. адзначаецца змяншэнне колькасці банд, якія высылаліся на тэрыторыю так званага «замежнага раёна». Аўтар зводкі пры гэтым указвае, што, нягледзячы на вывад за межы Польшчы Б.В. Савінкава і Народнага саюза абароны радзімы і свабоды, ёсць падставы думаць, што найбольш зручным грунтам для новай ідэалогіі бандытызму з'яўляецца гульня Польшчы на нацыянальнай струнцы беларусаў, шляхам патрымкі ідэі Адзінай Беларусі, якая, як самастойная рэспубліка, увайшла ў Расійскую Федэрацыю. У якасці падтрымкі будучага паўстання з'яўляўся бандытызм на памежнай тэрыторыі Расіі [22, арк. 151–154]. «Нягледзячы на высылку па-за межы Польшчы Б.В. Савінкава ў выкананне патрабаванняў нашай дыпламатыі, гэтым не замаскіравалася яўная зацікаўленасць польскага ўраду ў поспеху руху бандытызму». Паступаюць звесткі аб працягу расфарміравання банд, камплектаванні з іх рэгулярных польскіх частак (арышт В.В. Адамовіча, Дзяргача), пераход асабістага складу банд на службу паліцыі і афензівы. Такія фарміраванні адзначаюцца на Лунінецкім напрамку, дзе часткі арміі Балаховіча ўваходзяць у склад I палка «Татарскай Язды», штаб якога знаходзіцца ў м. Лунінец і м. Лахва, II полк «Татарскай Язды» на чале з былым афіцэрам царскай арміі А. Багданавым [23]. Галоўная мэта бандытаў – падрыў гаспадарчай дзейнасці Савецкай Расіі шляхам нападу на кааператывы, склады харчу, савецкія гаспадаркі, ліквідацыя нарыхтовак хлеба, сена, дрў, зрыў збору харчпадатку. Як бачна з гэтага данясення, падпісанне Пратакола аб умовах выканання Рыжскага мірнага дагавора ў кастрычніку 1921 г. некалькі зменшыла агульную колькасць бандыцкіх нападаў, аднак не ліквідавала напружаную сітуацыю на савецка-польскай мяжы.

Пасля падпісання Рыжскага мірнага дагавора штаб ваеннага міністэрства Польшчы павінен быў адмовіцца ад стварэння ваенных атрадаў і арганізацый ваеннага тыпу, але прызнаваў неабходнай падтрымку канспіратыўнай працы Б.В. Савінкава ў Савецкай Расіі. Гэту працу было вырашана праводзіць у форме, якая не супярэчыць умовам Рыжскага дагавора. У першую чаргу ваеннае камандаванне прыняло рашэнне ліквідаваць лагеры інтэрніраваных.

Аднак дзейнасць на тэрыторыі Польшчы Народнага саюза абароны радзімы і свабоды, ажыццяўленне ім вярбоўкі на базе лагераў інтэрніраваных і ваеннапалонных; рабочых з атрадаў з іх колькасці, а таксама ў пунктах абмену ў Баранавічах і Роўна, цалкам разыходзілася з палажэннямі мірнага дагавора. У памежных раёнах была сфарміравана сетка прадстаўнікоў і гурткоў саюза. Акрамя гэтага планавалася ствараць атрады партызан-тэрарыстаў на тэрыторыі БССР і УССР з мэтай дэарганізацыі транспарту і сродкаў зносін. На тэрыторыі Беларусі прадугледжвалася стварэнне аддзелаў саюза ва ўсіх савецкіх установах і на прадпрыемствах, у вёсках, вайсковых частках і штабах Чырвонай Арміі. Члены саюза павінны былі праводзіць антысавецкую агітацыю, арганізоўваць і аб'ядноўваць незадаволеныя савецкай уладай масы, кіраваць беспартыйнымі на выбарах у Саветы, перашкаджаць савецкаму будаўніцтву, праводзіць антысавецкія дэманстрацыі [24]. Разгарнуць шырокую дзейнасць на тэрыторыі савецкіх рэспублік не ўдалося. Сіламі УНК былі раскрыты аддзяленні саюза ў Кіеве, Адэсе, Брэсце, Гомелі, Петраградзе, арыштаваны каля 50 актыўных дзеячоў. Заключэнне Рыжскага мірнага дагавора ў сакавіку 1921 г. не прынесла супакоення і стабілізацыі ў савецка-польскія адносіны. Шматлікія ўмовы дагавора не выконваліся на практыцы. Найбольш напружанай сітуацыя была з выкананнем артыкула V, які прадугледжваў забарону на падтрымку арганізацый і груп, якія ў палітычных адносінах пагражалі боку, які дамаўляецца.

Літаратура

1. Мархлевский, Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией / Ю. Мархлевский. – М. : Госполитиздат, 1921. – 42 с.
2. История Польши / под ред. Ф. Г. Зуева [и др.]. – М., 1958. – Т. 3. – 667 с.
3. Ольшанский, П. Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 гг.) / П. Н. Ольшанский. – М. : Наука, 1969. – 260 с.
4. Dmowski, R. Polityka polska i odbudowanie państwa / R. Dmowski. – Warszawa, 1926. – 496 s.
5. Bobrzyński, M. Wskrzeszenie Państwa Polskiego / M. Bobrzyński. – Kraków, 1926. – Т. II : 1918–1923. – 300 s.
6. Gostyńska, W. Stosunki polsko-radzieckie. 1918–1919 / W. Gostyńska. – Warszawa, 1981. – 397 s.
7. Deruga, A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919) / A. Deruga. – Warszawa, 1969. – 331 s.
8. Kumaniecki, J. Po traktacie ryskim / J. Kumaniecki. – Warszawa : Książka i wiedza, 1971. – 282 s.
9. Materski, W. Polska a ZSSR. 1923–1924 / W. Materski. – Wrocław, 1981. – 380 s.
10. Wojna polsko-sowiecka 1920 roku : Przebieg walk i tło międzynarodowe. – Warszawa, 1991. – 178 s.
11. Михутина, И. В. Польско-советская война 1919–1920 гг. / И. В. Михутина. – М., 1994. – 323 с.
12. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века) : геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. – 278 с.
13. Симонова, Т. М. Советская Россия (СССР и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.) / Т. М. Симонова. – М., 2013. – 368 с.
14. Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения 1921–1926 годов : новый этап противостояния / Н. Н. Мезга. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 229 с.
15. Лазько, Р. Р. Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.) / Р. Р. Лазько. – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.
16. Цынкевіч, В. Праблема рэпатрыяцыі бежанцаў і адкрыццё польскага консульства ў Мінску (1921–1924 гг.) / В. Цынкевіч // Беларускі журнал міжнароднага права і міжнародных адносін. – 2001. – № 3. – С. 76–83.
17. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. / склад. А. Ф. Вялікі [і інш.]. – Мінск : Юніпак, 2012. – Т. 2 : 19 сакавіка 1921 г. – 31 жніўня 1939 г. – 480 с.
18. Документы внешней политики СССР : в 24 т. / редкол.: Г. А. Белов [и др.]. – М., 1959. – Т. 3 : 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. – 723 с.
19. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М., 1960. – Т. 4 : 19 марта – 31 декабря 1921 г. – 836 с.
20. Советская Россия и Польша : сб. документов. – М. : Издательство НКВД, 1921. – 34 с.
21. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі. – Ф. 5814. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 24–27.
22. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 671. Арк. 34.
23. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 11 т. / под ред. И. А. Хренов, Т. Цесляк. – М., 1966. – Т. 4 : апрель 1921 г. – май 1926 г. – 562 с.
24. Расійскі дзяржаўны ваенны архіў. – Ф. 461к. Воп. 1. Спр. 130. Арк. 41.

УДК 947,6 (“1921–1939”)

Развіццё прамысловасці Драгічынскага павета Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг.

В.П. ГАРМАТНЫ

У артыкуле на падставе аналізу айчынных і замежных навуковых прац і крыніц разглядаецца развіццё прамысловасці на тэрыторыі Драгічынскага павета Палескага ваяводства пад час знаходжання ў складзе міжваеннай Польшчы, адзначаюцца асноўныя асаблівасці і галоўныя галіны, падкрэсліваюцца найбольш выразныя асаблівасці рэгіёна ў гэтым плане.

Ключавыя словы: Драгічынскі павет, прамысловасць, млын, электрастанцыя, дрэваапрацоўка, ткацтва.

In the article, based on the analysis of domestic and foreign scientific works and sources, the development of industry in the territory of Dragichzyn powet of the Polesie Voivodeship during its stay as part of interwar Poland is considered, the main features and main industries are noted, the most distinct features of the region are emphasized in this regard.

Keywords: Dragichzyn powet, industry, mill, power plant, woodworking, weaving.

Уводзіны. На працягу 1921–1939 гг. Драгічын з’яўляўся цэнтрам павета Палескага ваяводства, у цэлым гэта быў самы малы па тэрыторыі павет у ваяводстве (на 1931 г. 2 351 км², большая частка тэрыторыі сучасных Драгічынскага і Іванаўскага раёнаў) з насельніцтвам каля 97 000 чалавек. У параўнанні з іншымі Драгічынскі павет характарызаваўся высокай заселенасцю: на 1921 г. згодна ўсеагульнага польскага перапісу сярэдня шчыльнасць насельніцтва тут складала 26,8 чалавекі на 1 км² (па ваяводстве – 20,8), а на 1931 г. – 41,3 (30,9) [1, с. 13], [2, с. 17].

Драгічынскі павет развіваўся паводле спецыяльна распрацаванага ўладамі эканамічнага плана, дзякуючы чаму спрабавалася дасягнуць скаардынаваных намаганняў [3, с. 73]. Адносна тэрытарыяльна-адміністрацыйнага ўладкавання тут налічваліся наступныя гміны: Адрыжын, Бездзеж, Брашэвічы, Валавель, Варацэвічы (пазней далучана да Драгічына), Драгічын, Дружылавічы (да 1928 г.), Імянін (скасавана), Моталь, Осаўцы, Хомск, Янава [4, с. 20–21], [5, с. 34].

Асноўная частка. «Палескасць» у той перыяд час ад часу выступала як маркер рэгіянальнай адметнасці, палешукі ў многім расцэньваліся сучаснікамі як майстры на ўсе рукі, напрыклад, у спісе помнікаў Палескага ваяводства сярод капліц, касцёлаў і «польскіх двароў» фігуруе сціплая «хата ў мястэчку Янаў Драгічынскага павета – адна з шэрагу старэйшых, характэрных для Палесся, хат у Янаве» [6, с. 643].

Галоўную ролю ў мясцовай эканоміцы рэгіёну адыгрывала сельская гаспадарка, аб чым сведчыць той факт, што на 1931 г. 88,7 % насельніцтва складалі сяляне, якія ў сваіх асабістых гаспадарках выраблялі ўсё самае неабходнае, напрыклад, вопратку, абутак, посуд і асноўныя сельскагаспадарчыя прылады. Акрамя таго, як падкрэслівалі сучаснікі апісваемых падзей, палешукі былі настолькі прывязаны да зямлі, што польскія ўлады вымушаны завазіць сюды рабочых з іншых рэгіёнаў [1, с. 55, 63].

На 1932 г. у цэлым па павеце налічвалася ўсяго 58 прамысловых прадпрыемстваў. Асноўную частку рамеснікаў складалі яўрэі, напрыклад, у 1929 г. у Драгічынскім павеце налічана 39 рамеснікаў-хрысціян і 256 яўрэяў [7, с. 79]. Пашывам шапак і абутку, кушнерствам, гарбарствам і вырабам шораў для коней тут займаліся толькі яўрэі [8, с. 310]. У цэлым яўрэі складалі каля паловы мясцовых прамысловых рабочых, якія працавалі на невялікіх прадпрыемствах і ў майстэрнях, што таксама належалі ў асноўным яўрэям [9, с. 37].

Польскія ўлады, відавочна, надавалі недастаткова ўвагі развіццю мясцовай прамысловасці ў сувязі з памежным становішчам рэгіёна, адсутнасцю буйных залежаў карысных выкапняў і нізкай кваліфікацыяй мясцовых рабочых, з-за гэтага па сутнасці на працягу 1921–1939 гг. на землях Заходняй Беларусі не было пабудавана ніводнага буйнога прадпрыемства. Сітуацыю таксама ўскладняла даволі высокая забалочанасць і адносна слаба

развітая транспартная сетка, што істотна замаруджвала таваразварот [10, s. 19], [11, s. 149]. У выніку прамысловасць на Драгічыншчыне адыгрывала другарадную ролю і перш за ўсё тут найбольш паспяхова развіваліся галіны, цесна звязаныя з сельскай гаспадаркай, рамёствамі і промысламі, заснаваныя на перапрацоўцы мясцовай сыравіны, а менавіта харчовая, тэкстыльная, дрэваапрацоўчая і гарбарная [12, с. 5], [13, с. 299].

Паводле ўсепольскіх перапісаў на 1921 г. на абшары Драгічынскага павета толькі 700 чалавек было занята ў сферы прамысловасці (4 % ад працуючых), на 1931 г. – ужо 1 500 (4,5 %) [14, s. 106]. На той час працоўны дзень у міжваеннай Польшчы быў адносна слаба рэгламентаваны, нягледзячы на тое, што згодна заканадаўства ён абмяжоўваўся 8 гадзінамі, на практыцы частую складаў па 10–12 гадзін, узровень механізацыі заставаўся даволі нізкім, шырока выкарыстоўвалася ручная праца і ўначы час, не былі забяспечаны ўсе санітарныя нормы [15, с. 18], [16, с. 85], [17, s. 285].

Пасля разбурэнняў Першай Сусветнай і Савецка-польскай войнаў вельмі востра стаяла пытанне аднаўлення жылых і гаспадарчых пабудов, у сувязі з гэтым у павеце дзейнічала 11 цагелен з сярэдняй колькасцю па 3 рабочыя, але абсталяванне напачатку было тут даволі прымітыўным, а якасць і колькасць цаглін недастатковай [18, с. 117]. Разам з тым паводле звестак статыстыкі на 1 ліпеня 1923 г. на тэрыторыі Драгічынскага павета з 16 816 разбураных пабудов было адноўлена 4 017, што складала 23,9 % (па ваяводстве ў сярэднім 21,8 %) [19, s. 56]. Таму па ацэнках сучаснікаў цагляная прамысловасць развівалася тут хуткімі тэмпамі, акрамя таго, варта падкрэсліць, што па ўсім Палескім ваяводстве толькі на Драгічыншчыне існавала 5 майстэрняў па вытворчасці бетону [8, с. 310].

Сінонімам тэхнічнага прагрэсу на той час па праву стала распаўсюджванне электрычнасці. Сярод іншага неабходна адзначыць існаванне ў Драгічыне электрастанцыі магутнасцю ад 100 да 1 000 кВт (усяго па Палескім ваяводстве іх налічвалася 24). Першапачатковы кошт вырабу 1 кВт-г у 1 злоты ў выніку на 1933 г. удалося знізіць да 80 грошаў, што можна расцаніць як істотны поспех. Паводле справаздачы на 1 жніўня 1933 г. электрастанцыя працавала на дровах, у месяц для гэтага патрабавалася 60 м³ драўніны, а ў разлічаным на 2 000 м³ сховішчы налічвалася 600 м³ дроў. У месяц на змазку дэталей станцыі ішло 60 кг змазачных масел, сховішча магло змясціць 800 кг, на момант праверкі налічвалася 160 кг запasu [20, Арк. 7], [21, Арк. 22].

У якасці найбольш распаўсюджаных своеасаблівых прамысловых прадпрыемстваў на землях Драгічыншчыны неабходна адзначыць наяўнасць шэрагу буйных млыноў, перш за ўсё ветракоў. Усяго на землях павета налічвалася 12 ветракоў, на якіх у сярэднім працавала па 2 рабочыя. Так, мястэчка Бездзеж было далёка вядома адмысловым млынам вышынёй 11,3 м і шырынёй 6,5 м з матарам маркі «Deus» магутнасцю 25 конскіх сіл, які абслугоўвалі 3 працаўнікі [22, Арк. 7]. Акрамя таго, на двох вуліцах суседняга мястэчка Хомск пры садзейнічання мясцовых яўрэяў у 1938 г. была праведзена электрыфікацыя, дзякуючы чаму тут запрацавалі паравыя млыны [3, s. 74], [23, s. 63]. Адзін з такіх млыноў дайшоў да нас і з'яўляецца маўклівым сведкам той эпохі, але на дадзены момант вельмі востра стаіць пытанне аб магчымасці яго далейшага захавання [24, с. 73]. Паводле статыстычных дадзеных на 1930 г. у Драгічынскім павеце за год было змелена 105 тон пшаніцы, 3 164 жыта, 199 ячменю, 21 кармавых сумесяў і 50 тон іншага збожжа [25, с. 97].

У 1929 г. памешчык П. Шалкоўскі ў маёнтку Броннае пабудаваў млын з дызельным рухавіком, зманціраваў электрагенератар магутнасцю 35 кВт і атрымаў дзяржаўную ліцэнзію на пабудову электрастанцыі, якая ўведзена ў эксплуатацыю на пачатку 1930-ых гг. і ў 1933 г. прададзена Х. Памяранцу і стала працаваць пры яго паравым млыне ў Янаве з дапамогай двух рабочых. Паводле дзяржаўнай справаздачы на 4-ы квартал 1937 г. магутнасць мясцовага газавага генератара складала 80 конскіх сіл і электрагенератара – 57 кВт. Выпрацоўка электраэнергіі складала ў кастрычніку 1937 г. 7 110 кВт, лістападзе – 8 466, снежні – 8 833. Дзякуючы электрастанцыі асвятляліся і бліжэйшыя вёскі (Ляскавічы, Магільна, Астравок), усяго колькасць спажыўцоў электрычнасці на той час складала тут 427 чалавек, а 1 кВт каштаваў 0,73 злотага. Электрастанцыя спажывала ў месяц каля 75–80 кубаметраў дроў, а яе прыбытак складаў 2 500 злотых штотысяч [26, с. 109].

Паводле дадзеных статыстыкі ў Драгічынскім павеце налічвалася 38 326 га лесу, што аднак істотна саступала іншым паветам [25, с. 11]. На 1929 г. у павеце налічвалася 3 лесапілкі, на паатку 1930-х гг. іх было ўжо 4 (дзве лесапілкі Я. Бурштэйна ў Янаве, Г. Скірмунта ў Моладаве з 10 працаўнікамі і на чыгуначнай станцыі Юхнавічы) [8, с. 310]. Найбуйнейшым мясцовым прамысловым прадпрыемствам на той час з’яўляўся тартак (лесапілка) фірмы «Горбур» (уласнік С. Бурштэйн) у Янаве, які вядомы пасля 1925 г. (звычайна тут працавала 16–56 рабочых, у лепшыя часы іх колькасць дасягала 150). Разам з тым многія з гэтых рабочых звычайна наймаліся на непрацяглы час і пры гэтым працягвалі весці асабістую сельскую гаспадарку [27, с. 14]. Заробак мужчын звычайна складаў 1–4 злотых у дзень (у сярэднім 1,5–2), жанчын – не больш 1, што было істотна менш, чым у карэннай Польшчы [8, с. 310], [18, с. 117]. У сувязі з гэтым у студзені 1927 г. мясцовыя рабочыя баставалі, патрабуючы павышэння сваёй зарплаты напалову. Адміністрацыя пайшла насустрач і павысіла яе на чвэрць, але не ўсім, акрамя таго, у выніку ў мэтах эканоміі частка рабочых была звольнена з выплатай двухтыднёвага заробку наперад [26, с. 109], [27, с. 107]. Найбольш складаная сітуацыя назіралася тут у перыяд сусветнага эканамічнага крызісу 1929–1933 гг., калі напрыклад 24 ліпеня 1933 г. з заводу адразу было звольнена 70 мясцовых рабочых [18, с. 117]. Разам з тым патрэбы мясцовага насельніцтва задаволіць цалкам не ўдалося, напрыклад, на 1937 г. у гміне Янава патрабаваўся сталяр, якога маглі забяспечыць заказам на выраб 100 школьных лавак штогод [28, с. 11–12].

У памешчыцкіх маёнтках Драгічыншчыны развівалася вінакурства. Невялікія вінакурныя заводы (бровары) дзейнічалі ў маёнтках Опаль (уладальнік Г. Яленская) і Навошыца (В. Орда). У Янаве была арганізавана вытворчасць па розліву гарэлкі (Г. Сулкоўскі). У маёнтку Адрыжын памешчыца А. Шчарбатава наладзіла выпуск сыру «Літоўскі», на 1937 г. на працягу 5 месяцаў яго выпусцілі 1 000 кг. Аналагічная прадукцыя выпускалася ў маёнтку Баландзічы на сыраварні З. Падароўскага [8, с. 311].

Найбольш распаўсюджанымі вырабамі ткацкага промыслу ў 1921–1939 гг. на Драгічыншчыне былі рушнікі, абрусы, палатно для вопраткі, посцілкі, дываны. Большую частку вопраткі сяляне выраблялі самастойна ў асноўным з ільну, улічваючы дарагавізну фабрычных вырабаў [1, с. 70]. Вызначыць дакладна колькі часу ў ткачых ішло на вытворчасць немагчыма, але па прыкладных ацэнках гэта ў сярэднім складала 90 дзён зімой і 14 летам. Такім чынам, сярэдні рабочы год у ткацтве складаўся звычайна са 100 дзён і за гэты час ткачыха павінна была напасці ад 20 да 50 метраў гатовага льянога палатна шырынёю не больш 70 см. Кошт палатна вагаўся ў залежнасці ад мясцовасці і складаў у сярэднім 1 злоты 50 грошаў за метр. З 1935 г. попыт на льяное даматканае палатно паступова падае дзякуючы шырокаму развіццю фабрычнай вытворчасці па яго перапрацоўцы.

Цэнтрамі вырабу палатна на Драгічыншчыне на 1927 г. з’яўляліся Бездзеж (выраблялася за год да 1 144 метраў палатна), Адрыжын (1 000 м) і Хомск (977 м). На мясцовую вышыўку звярнулі ўвагу амерыканскія баптысты, якія масава экспартавалі яе ў ЗША. Адначасова дзяржаўнымі ўладамі на чале з жонкай палескага ваяводы Я. Крахельскай быў створаны Камітэт дапамогі польскім усходнім ускраінам, які арганізаваў у Драгічынскім і Кобрынскім паветах 32 сваіх аддзелы, праз якія рабіліся заказы ў мясцовых ткачых на палатно і вышыўку [29, с. 198–199]. За кошт дадзенай арганізацыі ў Карлавічах быў створаны цэнтр вышыўкі. На 1925 г. у Драгічынскім павеце 404 мясцовыя майстрыцы пастаўлялі свае вырабы на замову Камітэта (з іх перш за ўсё Завялёўе – 73, Брашэвічы – 56 і Пярковічы – 54) [30, с. 80]. Яскравым сведчаннем выдатнага ўзору мясцовага ткацтва з’яўляецца музей «Бездзежскі фартушок», у зборах якога захоўваюцца найбольш выдатныя ўзоры даматканага палатна. У вёсках Драгічынскага павета шырока выкарыстоўваліся традыцыйныя народныя строі, вядучае месца займала вышыўка крыжыкам і раслінныя арнаменты [24, с. 73]. Акрамя таго, тут даволі істотна быў развіты промысел пляцення вяровак для патрэб асабістай сельскай гаспадаркі, а таксама выраб карзін для патрэб асабістай гаспадаркі.

У Моталі на прамысловым узроўні выраблялі адметныя кажушкі, якія карысталіся вялікім попытам. Першапачаткова кажухі былі доўгімі, шчыльнымі да стану, з адкладным каўняром, белымі і нядубленымі, а з 1930-х гг. кажухі сталі вырабляць з дубленых аўчын,

якім надавалі чырвонацагляны альбо вохрысты колер. Па ацэнках сучаснікаў гэта былі адны з самых хадавых тавараў у міжваеннай Польшчы. Дзякуючы шырокай распаўсюджанасці авечкагадоўлі тут таксама выраблялася шмат скураной вопраткі, і такім чынам промыслы істотна ўплывалі на эканамічныя і сацыяльныя змены [31, с. 60].

Усяго на канец 1930-х гг. на Драгічыншчыне па колькасці прадпрыемстваў галоўнымі галінамі былі кавальская справа (106 майстэрняў), пашыў жаночай вопраткі (118, пры гэтым аніводнай для мужчын!), шаўцы (105), па забою жывёлы і вытворчасці мяса (56), сталярні (53), па выпечцы хлеба (23) і вырабу шапак (26). Дастаткова рэдкімі заставаліся майстэрні па вырабу шклянных тавараў, гадзіннікаў, кушнярны і фатографы [8, с. 310].

Заклучэнне. Па прамысловых паказчыках Драгічынскі павет у 1921–1939 гг. вылучаўся адносна высокім узроўнем арганізацыі прамысловай вытворчасці. Цэнтрамі прамысловага развіцця тут з’яўляліся мястэчкі Драгічын, Янава, Хомск, Моталь і Бездзеж, на той час як у іншых палескіх паветах такіх прамысловых асяродкаў было звычайна толькі 2–3. Разам з тым у цэлым прамысловасць Драгічыншчыны на той час не магла поўнаасцю задаволіць патрэбы насельніцтва, якое ў сваёй большасці самастойна вырабляла неабходныя прамысловыя тавары, акрамя таго, у цэлым пакупніцкая здольнасць мясцовых жыхароў заставалася даволі нізкай, таму Драгічынскі павет, як і Палескае ваяводства ў цэлым, у міжваенны перыяд насіў выразны аграрна-сыравінны характар.

Літаратура

1. Tomaszewski, J. Z dziejów Polesia, 1921–1939 : zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa : Państw. Wydaw. Nauk., 1963. – 208 s.
2. Tomczonek, Z. Ruch ludowy na kresach północno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej / Z. Tomczonek. – Białystok : Politechnika Białostocka, 1996. – 246 s.
3. Marszak, M. Przewodnik po Polesiu / M. Marszak. – Brześć nad Bugiem : Nakładem Oddziału Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego, 1935. – 160 s.
4. Пашкович, Е. И. Административно-территориальное устройство и социально-демографическая ситуация на землях Ивановского района в составе Польши в 1920-х гг. / Е. И. Пашкович // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2014. – № 1. – С. 20–26.
5. Яковчик, И. И. Закозель : земля и люди / И. И. Яковчик, И. И. Акинчиц, В. В. Зданович. – Барановичи : Укрупненная типография, 1999. – 83 с.
6. Чарнякевіч, І. С. «Польскі “Мадагаскар”» : медыйны вобраз Палесся і палітыка ваяводскай адміністрацыі (па старонках «Dziennika urzędowego województwa Poleskiego») / І. С. Чарнякевіч // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : зб. дакл. і тэз. VII Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 24–25 ліст. 2016 г. : у 2 т. – Мінск : Права і эканоміка, 2017. – Т. 2. – С. 643–645.
7. Лаўрэнка, Л. В. Развіццё рамяства і рамеснай вытворчасці на заходнебеларускіх землях у 1921–1939 гадах / Л. В. Лаўрэнка // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 77–82.
8. Города и районы Брестчины : история и современность. Ивановский район. – Брест : Брестская типография, 2017. – 839 с.
9. Шепетюк, В. В. Участие еврейского населения в промышленном производстве Полесского воеводства в межвоенный период (1921–1939 гг.) / В. В. Шепетюк // Моладзь Берасцейшчыны : зб. студ. навук. прац. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 1998. – С. 36–40.
10. Gospodarcze i kulturalne potrzeby województwa poleskiego : według memoriału wręzonego w dniu 17. XII. 1936 roku Prezesowi Rady Ministrów. – Warszawa : Nakładem Towarzystwa Rozwoju Ziemi Wschodnich, 1937. – 27 s.
11. Śleszyński, W. Województwo Poleskie / W. Śleszyński. – Kraków : Avalon, 2014. – 335 s.
12. Сяменчык, М. Б. Рабочы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / М. Б. Сяменчык. – Мінск, 2000. – 16 с.
13. Эканамічная гісторыя Беларусі / пад рэд. В. І. Галубовіча. – Мінск : Экаперспектыва, 1999. – 454 с.
14. Leczyszyńska, C. Przemysłowe peryferia Polska Północno-Wschodnia w latach 1870–1939 / C. Leczyszyńska // Optimum. Studia ekonomiczne. – 2017. – № 2 (86). – S. 94–118.
15. Наркевич, С. И. Промышленность Западной Белоруссии в период белопольской оккупации (1920–1939 гг.) : автореф. дисс. ... канд. экон. наук / С. И. Наркевич. – Минск, 1965. – 20 с.

16. Шикла, Л. История деревни Хомск / Л. Шикла // Записы Таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. – Рыга, 2013. – Вып. 1. – С. 65–94.
17. Polskie prawo przemysłowe wraz z rozporządzeniem wykonawczem, rozporządzeniami uzupełniającymi oraz objaśnieniami opłat stemplowych / z objaśnieniami R. Mojseowicza. – Wilno : Książnica Marianum, 1931. – 351 s.
18. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Драгічынскага раёна. – Мінск : БелТА, 1997. – 572 с.
19. Cichoracki, P. Województwo poleskie, 1921–1939 : z dziejów politycznych / P. Cichoracki. – Łomianki : LTW, 2014. – 477 s.
20. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр). – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 761. Сведения о состоянии кустарных ремесел и промышленности на территории Полесского воеводства за 1933 г.
21. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 763. Сведения о количестве сырья и топлива, необходимых для промышленных предприятий воеводства.
22. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 3789. Дело о постройке Ельцом Яном механической мельницы в дер. Бездеж Дрогичинского повета.
23. Sprawozdanie wojewody poleskiego na posiedzenie Rady Wojewódzkiej w grudniu 1937 r. – Brześć nad Bugiem : Drukarnia Związku Rezerwistów, 1937. – 88 s.
24. Драгічынскі край : зямля і людзі. – Пінск : Інфармацыйна-рэкламнае агенцтва «Паляшук», 2015. – 95 с.
25. Фришман, В. Промышленность Западной Белоруссии : стат.-экон. описание / В. Фришман. – Минск : Издательство Бел. Академии Наук, 1934. – 133 с.
26. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Іванаўскага раёна. – Мінск : БелТА, 2000. – 590 с.
27. Полуян, И. В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса. 1929–1933 гг. / И. В. Полуян. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 207 с.
28. Uwagi i dane o możliwościach ekspansji gospodarczej kupiectwa i rzemiosła polskiego na Polesiu i Dodatek informacyjny o Wołyniu. – Warszawa : Koło Młodych Towarzystwa R. Z. W., [1937?]. – 28 s.
29. Лавреенко, Л. В. Ремесла и промыслы жителей белорусского Западного Полесья в 20–30-е годы XX в. / Л. В. Лавреенко // Polesie-Rodopy. Zeszyty Cyrylo-metodiańskie. – 2016. – № 5 – S. 196–201.
30. Orynżyna, J. Przemysł ludowy w Polsce / J. Orynżyna. – Warszawa : nakł. Tygodnika «Polska Gospodarcza», 1937. – 272 s.
31. Никитенков, И. И. Народные ремесла и промыслы в экономике Полесского воеводства (1920–1939 гг.) / И. И. Никитенков // Беларусь і Польша ў XX стагоддзі : агульнае і адметнае ў гістарычных лёсах : зб. студ. навук.-практ. канф., Брэст, 7–8 крас. 2000 г. – Брэст : БрДУ, 2001. – С. 58–60.

УДК 930.2:94:327(410)«1925»:929*

«Записка Остина Чемберлена» от 20 февраля 1925 года и её анализ в советской историографии

Е.Н. ДУБРОВКО

В статье проведён анализ документа, известного в русскоязычной историографии как памятная записка О. Чемберлена от 20 февраля 1925 г. Показана разница между опубликованным на русском языке текстом этого документа и английским текстом документа, представленного в оцифрованных материалах Национального архива Великобритании, и её влияние на интерпретацию документа.

Ключевые слова: исторический источник, Великобритания, О. Чемберлен, международные отношения, европейская политика.

The article analyzes a document known in Russian historiography as the Chamberlain Memorial dated February 20, 1925. It shows the difference between the published text of this document in Russian and the text of the document in English presented in the digitized materials of the National Archive and its influence on the interpretation of the document.

Keywords: historical source, UK, A. Chamberlain, international relations, European policy.

В работе «Локарнская конференция 1925 г. Документы» 1959 г. издания размещён документ под названием «Секретная памятная записка Остина Чемберлена от 20 февраля 1925 г. Английская политика в связи с положением в Европе» с примечанием, что этот документ был впервые опубликован в парижском издании «Chicago Tribune» 6 марта 1925 г. Документ публиковался в сокращении в СССР в журнале «Международная летопись» в 1925 г. В издании 1959 г. он был напечатан в переводе с немецкого текста, опубликованного в журнале «Europäische Gespräche» 1925 г. [1, с. 43–52].

Названный документ прочно утвердился в советской историографии как меморандум О. Чемберлена [2, с. 107] и является одним из доводов в пользу тезиса о том, что британский дипломат О. Чемберлен, занимавший пост главы Форин офис с ноября 1924 по июнь 1929 гг., стремился направить германскую экспансию на восток. Л. Карой в своей работе также ссылался на указанный документ, утверждая, что О. Чемберлен разработал меморандум от 20 февраля в ответ на предложение министра иностранных дел Германии Г. Штресемана возобновить переговоры о гарантийном пакте; соответствующая нота 20 января 1925 г. была подана английскому правительству, а 9 февраля – французскому [3, с. 49]. Содержание пакта также использовано им для защиты тезиса о том, что О. Чемберлен пытался направить германскую агрессию на восток, что по мнению главы Форин офис соответствовало британским интересам.

Современные исследователи продолжают ссылаться на этот документ, как на основополагающий для понимания политики Великобритании в отношении СССР. В частности, можно процитировать статью А.Ю. Прокопова: «Чтобы лучше понять внешнеполитический курс Соединенного Королевства в середине 1920-х гг., следует привести некоторые выдержки из документа «Политика Великобритании в связи с положением в Европе», который был составлен Остином Чемберленом в начале 1925 г. и не предназначался для широкой публики. В нем министр иностранных дел Великобритании, говоря о Европе, разделил ее страны на три группы: победителей в Первой мировой войне, побежденных и СССР. При этом Чемберлен полагал, что между проигравшими и выигравшими войну странами сотрудничество возможно (что отчасти и доказывали действия Лондона в ходе Локарнской конференции). Советская же Россия, в его понимании, представляла собой дестабилизирующую силу, и для обеспечения европейской безопасности руководитель Форин офис предлагал действовать не совместно с СССР, а против него» [4, с. 116]. Передавая таким образом содержание указанного документа, Александр Юрьевич Прокопов ссылается на изданный курс лекций В.Н. Горохова по истории международных отношений [5, с. 141], в котором действительно есть цитаты из рассматриваемого нами документа, названного «секретная памятная записка», хоть и нет тезиса о предложениях О. Чемберлена действовать «против» СССР.

Этот же документ от 20 февраля можно обнаружить в оцифрованных материалах Кабинета Великобритании, содержащихся в Национальном архиве Великобритании. Он озаглавлен, как «Меморандум г-на Гарольда Николсона из министерства иностранных дел; подготовлен во исполнение указаний государственного секретаря» и сопровождается пояснительной запиской О. Чемберлена. Последний информировал членов Кабинета, что для изучения международной ситуации в Европе и выработки в этом регионе политики Британской империи он поручил сотрудникам Форин офис подготовку соответствующего документа. В результате появился меморандум, подготовленный Г. Никольсоном под руководством профессионального дипломата Э. Кроу, занимавшего должность постоянного заместителя главы Форин офис [6, р. 72]. Представляется, что уже этот факт предполагает несколько иной подход к анализу этого документа. Его следует рассматривать как результат аналитической работы профессиональных сотрудников британского внешнеполитического ведомства, документ, имевший рекомендательный характер.

Здесь стоит отметить, что ещё в своей работе, изданной в 1949 г., Владимир Михайлович Турок при анализе полемики в палате общин 11 мая 1925 г. по вопросу об обстоятельствах появления и публикации этого меморандума не приписывал столь однозначно авторство меморандума О. Чемберлену. Однако, «чьим бы пером не был написан документ и кем бы он ни был опубликован» [2, с. 111], на выводы исследователя это не повлияло.

Если В.М. Турок ссылаясь на текст, опубликованный в журнале «Международная летопись» 1925 г., в сокращении перепечатанный из парижского издания «Chicago Tribune», то Л. Карой ссылаясь на текст, опубликованный уже в сборнике «Локарнская конференция 1925 г. Документы». Этот текст был переведён с немецкого текста, опубликованного в журнале «Europäische Gespräche» 1925 г. То есть в обоих случаях были использованы переводы газетных версий документа, причём в случае с публикацией в сборнике «Локарнская конференция 1925 г. Документы» мы имеем дело с двойным переводом: с английского на немецкий, с немецкого на русский, что могло породить стилистические, возможно, и смысловые искажения.

Проведём сравнение варианта документа, обнаруженного в оцифрованных материалах британского Кабинета, хранящихся в Национальном архиве Великобритании (далее – Вариант 1 – Е.Д.), с вариантом документа из сборника «Локарнская конференция 1925 г. Документы» (далее – Вариант 2 – Е.Д.).

Сам меморандум Г. Никольсона состоит из пяти разделов. Первый раздел документа, посвящённый характеристике международных обстоятельств середины 1920-х гг., обуславливавших нестабильность в Европе, начинается с тезиса о разделённости Европы на победителей, побеждённых и Россию. При этом в тексте Варианта 1 речь идёт о «трёх главных элементах» [6, р. 73], а в тексте Варианта 2 – о «трёх больших лагерях» [1, с. 43], что подталкивает к представлению об имманентной враждебности названных сторон.

Далее в документе следует краткая характеристика всех названных сторон. В первом пункте, посвящённом характеристике положения России, в тексте Варианта 2 читаем: «чувство неуверенности, которое подрывает состояние стабильности в Западной Европе, не в последнюю очередь вызвано исчезновением России из числа значительных держав Европы» [1, с. 43]. Та же часть в Варианте 1 представлена следующим образом: «чувство неуверенности, которое подрывает здоровье Западной Европы, в немалой степени вызвано исчезновением России как ответственной державы в европейском концерте» [6, р. 73]. В таком варианте мы видим отсылку к Венской системе международных отношений, с которой ассоциируется понятие «европейский концерт», куда входили Великобритания, Австрия, Пруссия, Россия и, позже, Франция. Это понятие обозначает политику основных европейских держав, направленную на мирное разрешение противоречий между собой, на коллективное решение всех спорных проблем. «Ни одна из держав не стремилась доводить международные противоречия до войны. Все спорные проблемы, касающиеся даже третьих, малых стран, они разрешали на основе общей договорённости между основными державами. Это предполагало регулярный характер встреч глав правительств» [7, с. 193]. То есть в оригинальном английском тексте речь шла не об утрате Россией статуса великой державы, а о нарушении практики мирного коллективного решения спорных проблем в Европе с участием России. Британские дипломаты не оспаривали статус России как великой державы. В подтверждение этого тезиса можно сослаться на содержание протокола обсуждения на заседании Кабинета Великобритании в феврале 1926 г. вопроса об изменении состава Совета Лиги Наций. В ходе заседания было подчёркнуто, что принцип формирования Совета, обсуждённый на Парижской

мирной конференции 1919 г., предполагал включение в состав его постоянных членов государств, имевших интересы мирового масштаба. «Нынешние постоянные члены – Великобритания, Франция, Италия и Япония – всегда надеялись, что в состав Совета войдут США, Германия и Россия. В ожидании этого и были предложены два непостоянных члена» [8, р. 79–83].

Можно говорить о разночтениях также последних предложений первого пункта. В Варианте 2 читаем: «Россия не только не является фактором стабильности, она скорее – один из самых опасных моментов, порождающих нашу неуверенность; поэтому необходимо определить политику безопасности *вопреки* России и даже, пожалуй, именно из-за России» [1, с. 43]. В Варианте 1 этот фрагмент звучит так: «Россия ни в коем случае не является фактором стабильности; на самом деле она является самой опасной из всех наших неопределенностей; и поэтому, *несмотря на* Россию, возможно даже из-за России, должна быть разработана политика безопасности» [6, р. 73]. Как видим, архивный вариант документа не предполагал рекомендации о создании системы безопасности, направленной против России, речь шла о создании системы безопасности без участия России на текущий момент, поскольку та, как было отмечено выше, временно оказалась вне «европейского концерта».

Далее обратимся к сравнению текстов пункта, посвящённого анализу позиции Германии. Здесь привлекает внимание следующий фрагмент из Варианта 2: «как только Германия соберётся с силами, в ней возникнет постоянное движение за исправление двух наиболее *оскорбительных для всякого немца* статей мирного договора, а именно статей, предусматривающих создание Польского коридора и раздел Силезии» [1, с. 45]. Этот же фрагмент в Варианте 1 звучит следующим образом: «как только Германия восстановится, будет происходить устойчивое движение к исправлению двух наиболее *спорных, с точки зрения Германии*, положений мирного урегулирования, а именно: польского коридора и раздела Силезии» [6, р. 73–74]. В последнем случае очевидно, что автор документа, называя версальские решения о разделе территории Германии польским коридором и раздел Силезии спорными, подчёркивает, что таковыми они являются с точки зрения Германии. Русский перевод документа с немецкого языка этого акцента не содержит, названные решения характеризуются как «оскорбительные для всякого немца», создавая у читателя впечатление, что автор документа также придерживается этого мнения.

В пункте, посвящённом характеристике позиции Франции, в русскоязычном варианте отсутствуют статистические данные о населении Германии и Франции, имеющиеся в английском тексте. В частности, пропущен текст «3) Рождаемость во Франции снижается. В настоящее время численность населения составляет 39 млн. человек. По оценкам, к 1940 г. она сократится до 35 млн., к 1950 г. – до 31 млн., к 1965 г. – до 25 млн. 4) Рождаемость в Германии растёт. В 1922 г. население Германии составляло 61 млн. человек, а в 1965 г. – 80 млн. человек» [6, р. 73–74]. Представляется, что отсутствие этих численных данных в русскоязычном тексте делало разъяснения причин опасений Франции относительно политики Германии менее убедительными. В рассматриваемом пункте есть и другие разночтения. Так в тексте Варианта 2 читаем: «По словам Фоша, Франция вовсе не желала аннексировать территорию, лежащую между её границами и Рейном; она хотела только одного: чтобы эта территория была отторгнута от остальной Германии, и чтобы *Рейн стал, таким образом, постоянной границей между Францией и её врагом*» [1, с. 46]. В английском тексте этот фрагмент выглядит так: «Франция не хотела аннексировать территорию между собой и Рейном: она хотела лишь, чтобы эта территория была отделена от собственно Германии, и чтобы *Рейн, таким образом, служил в качестве постоянного барьера между Францией и ее наследственным врагом*» [6, р. 73–74]. Во-первых, как видим, этот тезис не подаётся как слова Ф. Фоша, а ассоциируется с мнением автора. Во-вторых, тезис о реке Рейн как барьере между наследственными врагами, выглядит исторически обоснованным, в отличие от тезиса о желании Ф. Фоша провести постоянную границу по р. Рейн. В русскоязычном варианте пропущен и следующий за этой частью текст, также явно направленный на показ обоснованности позиции Франции: «Эта единственная гарантия, которая действительно могла бы смягчить французские предубеждения, была отвергнута их западными союзниками. Взамен французы получили следующие компенсации...» [6, р. 74]. Далее следует перечисление, которое есть в обоих вариантах текста рассматриваемого документа, но в русском варианте оно представлено без процитированной поясняющей фразы и подано как перечень событий истории развития вопроса о безопасности в Европе (пункты 2–5 [1, с. 46–47]). В рассматриваемом пункте в русскоязычном варианте документа также отсутствуют приведённые в англо-

зычном варианте данные о составе и численности французской армии: «В настоящее время 25 % французской армии составляют выходцы из Северной Африки и французских колоний, из которых около 60000 находятся во Франции и на Рейне» [6, р. 74].

Следующий тезис, который представлен в русском переводе с немецкого и в английском варианте несколько по-разному, относится к характеристике положения союзных Франции Румынии и Польши. В Варианте 2 находим следующую формулировку: «положение Польши и Румынии, которым угрожала не только Германия, но и Россия, отнюдь не укрепляло чувства уверенности, а, напротив, порождало серьёзную озабоченность» [1, с. 47–48]. В Варианте 1 эта же часть выглядит следующим образом: «ненадежное положение Польши и Румынии не только по отношению к Германии, но и по отношению к России представляет собой элемент не безопасности, а дополнительных опасений» [6, р. 74]. Очевидно, что смысловые акценты отличаются: в Варианте 2 акцентировано внимание на угрозах со стороны крупных соседей Польши и Румынии, в то время как язык архивного документа более сдержан, речь идёт об абстрактной ненадёжности положения этих стран по отношению к их соседям.

Последний пункт в рассматриваемом разделе посвящён характеристике Лиги Наций. В нём также встречается разночтение в анализируемых вариантах. В Варианте 2 видим: «*Желательно*, чтобы наступило время, когда Лига наций будет в состоянии заниматься не только случайными спорами, но и более глубокими и длительными противоречиями» [1, с. 48]. В документе из Национального архива Великобритании та же часть выглядит так: «*Возможно*, настанет время, когда Лига сможет решать не только случайные споры, но даже более постоянные и глубокие разногласия» [6, р. 74–75]. Эти варианты дают очевидно разное представление о позиции автора меморандума по отношению к названной организации.

Второй раздел анализируемого документа, посвящённый выводам относительно неустойчивого положения в Европе, также даёт примеры разночтений. В Варианте 2 находим: «при построении системы своей безопасности Европа не должна учитывать Россию» [1, с. 49]. В то время как в Варианте 1 обозначено: «Европа должна работать во имя своей безопасности, несмотря на Россию» [6, р. 74–75]. В контексте ранее приведённых цитат очевидно, что последняя формулировка подчёркивает вынужденный характер мер по разработке системы безопасности в Европе при временном неучастии России в «европейском концерте». Здесь же есть пункт, посвящённый Франции, содержание которого также передано по-разному в рассматриваемых вариантах документа. В Варианте 2 читаем: «*Поскольку* Франция не может быть гарантирована (со стороны Англии – Е.Д.) от этой угрозы (нападения Германии – Е.Д.), она прибегнет к таким средствам, которые в конце концов как раз и вызовут со стороны Германии акт мести, которого боится Франция» [1, с. 49]. В Варианте 1 та же часть выглядит следующим образом «*Если* Франция не будет защищена от этой угрозы, она будет вынуждена прибегнуть к средствам, которые, в конце концов, лишь спровоцируют немецкую месть, которой она опасается» [6, р. 74–75]. Очевидно, что такая формулировка текста предполагает возможность какого-либо варианта гарантий со стороны Великобритании, в то время как первый из приведённых фрагментов однозначно прогнозирует ситуацию.

Текст третьего раздела, посвящённого характеристике британских интересов, четвёртого раздела, озаглавленного «оборона Великобритании», и первых четырёх пунктов пятого раздела, посвящённого характеристике соотношения британских интересов с проблемой европейской безопасности, не содержит значимых отличий, влияющих на понимание содержания. В последней же части документ следует обратить внимание на два фрагмента. В Варианте 2, в частности, читаем «Хотя при современном настроении умов в Европе было бы бесполезно даже и говорить о каком-либо пересмотре мирного договора, тем не менее, если бы, таким образом, шаг за шагом было воссоздано европейское сообщество, могли бы утвердиться более здравые взгляды» [1, с. 52]. В Варианте 1 тот же фрагмент: «Хотя в нынешнем настроении Европы было бы бесполезно даже упоминать о пересмотре мирных договоров, тем не менее, если таким образом можно будет постепенно воссоздать Европейский концерт, возобладают здравые идеи» [6, р. 75]. Здесь очевидна ещё одна отсылка к практике «европейского концерта», о которой писалось выше, и которая предполагала участие в нём России. Приведём также второй фрагмент, разночтения которого обращают на себя внимание. В Варианте 2 находим: «пока мы не сможем успокоить Францию, немыслимо никакое европейское сообщество. Францию же мы сможем успокоить только тогда, когда будем в состоянии разговаривать с ней *со всей настойчивостью союзника*» [1, с. 52]. В Варианте 1 документа читаем:

«пока мы не сможем успокоить Францию, никакой европейский концерт невозможен, и мы можем успокоить Францию, только если мы в состоянии говорить с ней *с полномочиями союзника*» [6, р. 75]. В этом случае помимо очередного упоминания «европейского концерта» очевидно в тексте архивной версии документа акцентирование внимания автором на необходимость установления или возобновления англо-французских союзнических отношений.

Анализ документа позволяет говорить, что в его содержании в целом доминирует акцент на проблеме британо-французских отношений в Европе. Само слово «Франция», «французский» либо «французы» (French) встречается в англоязычном тексте 39 раз, в то же время «Германия», «немцы» – 25 раз, «Россия» и «русский» – 13 раз, «Польша» и «польский» – 12 раз. Содержание рассмотренного документа должно было убедить прежде всего членов Кабинета, куда он был представлен вместе с дополняющими его диаграммой и меморандумами, информирующими о существующих на момент 1925 г. соглашениях между странами Центральной и Юго-Восточной Европы [6, р. 76–84], в необходимости более плотного вовлечения Великобритании в европейские дела, поиска формулы новой Антанты между Британской империей и Францией. Известно, что биографы Дж.О. Чемберлена выделяли две основных черты его дипломатии – «франкофильские наклонности» и стремление отойти от политики «отстранённости» от дел европейского континента [9, р. 754]. Это вполне соотносится с содержанием проанализированного документа, а также с тем фактом, что, в записке, сопровождавшей передачу этого секретного меморандума для ознакомления членам британского Кабинета глава Форин Оффис указал, что содержание этого документа представляет и его личное мнение [6, р. 72].

Появление газетных публикаций рассматриваемого секретного документа стало причиной требования объяснений от О. Чемберлена со стороны депутатов английского парламента. Из протоколов заседания в палате общин 11 мая 1925 г. видно, что в газетных публикациях документ действительно был представлен как написанный О. Чемберленом и дававший официальное изложение британской политики в Европе. Глава Форин Оффис посчитал за лучшее отказаться от объяснений, даже не комментировать верно ли в прессе передан документ и обстоятельства его появления, чем вызвал дополнительные подозрения в адрес сотрудников своего ведомства [10]. Такая тактика привлекла к опубликованному в прессе тексту документа ещё большее внимание, в том числе и исследователей, использовавших этот вариант для подготовки научных публикаций.

Таким образом, сравнение двух вариантов документа, известного в русскоязычной историографии как «записка Остина Чемберлена» от 20 февраля 1925 г., показывает наличие разночтений, способных повлиять на его интерпретацию.

Литература

1. Локарнская конференция 1925 г. Документы / Ред. кол. А. Ф. Добров [и др.]. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1959. – 512 с.
2. Турок, В. М. Локарно / В. М. Турок. – М., Ленинград : Изд-во Академии наук, 1949. – 268 с.
3. Карой, Л. Великобритания и Локарно / Л. Карой. – М. : Изд-во Ин-та междунар. отнош., 1961. – 144 с.
4. Прокопов, А. Ю. Европейское направление британской внешней политики в 1920-х годах / А. Ю. Прокопов // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 2. – С. 112–119.
5. Горохов, В. Н. История международных отношений. 1918–1939 : курс лекций / В. Н. Горохов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 288 с.
6. C.P.'s Nos.: 101(25)-200(25). Dated 19.2.25. – 5.4.25 [Electronic resource] // The Nat. Arch. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-172.pdf>. – Date of access : 02.10.2022.
7. Ревякин, А. В. История международных отношений : в 3 т. : учебник / А. В. Ревякин, Н. Ю. Валисьева ; под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. – М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2022. – Т. 1 : От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны. – 400 с.
8. CAB 23/52 Original Reference CC 1 (26)-30 (26), 1926 19 Jan-12 May [Electronic resource] // The Nat. Arch. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-52.pdf>. – Date of access : 02.10.2022.
9. Johnson, G. Austen Chamberlain and Britain's relationship with France, 1924–1929 / G. Johnson // Diplomacy and Statecraft. – 2006. – Vol. 17, is. 4. – P. 753–769.
10. Foreign office memorandum [Electronic resource] // House of commons debates, 11 may 1925. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/may/11/foreign-office-memorandum>. – Date of access : 02.10.2022.

УДК 930(4)«13/15»:378(470)-051:[94(4)«13/15»:35+32]

Эвалюцыя дзяржаўна-палітычнага ладу Вялікага княства Літоўскага ў даследаваннях выкладчыкаў вышэйшай школы Расійскай імперыі

І.В. КРАЎЧАНКА

Артыкул прысвечаны разгляду праблемы трансфармацыі дзяржаўна-палітычнага ладу Вялікага княства Літоўскага ў XIV–XVI стст., у тым ліку розных аспектаў грамадска-палітычнага жыцця княства ў працах гісторыкаў – прадстаўнікоў вышэйшай школы Расійскай імперыі. Вызначана, што, дзякуючы даследаванням выкладчыкаў Імператарскіх універсітэтаў (Маскоўскага і Св. Уладзіміра ў Кіеве) пачатку XX ст., быў унесены значны ўклад у станаўленне сацыяльна-палітычнай гісторыі Вялікага княства Літоўскага.

Ключавыя словы: гістарыяграфія, вышэйшая школа Расійскай імперыі, Вялікае княства Літоўскае, дзяржаўна-палітычны лад.

The article is devoted to the consideration of the problem of the transformation of the state-political system of the Grand Duchy of Lithuania in the 14th–16th centuries, including various aspects of the social and political life of the principality in the works of historians – representatives of the higher school of the Russian Empire. It was determined that, thanks to the research of the lecturers of the Imperial Universities (Moscow and St. Vladimir in Kiev) at the beginning of the 20th century, a significant contribution was made to the formation of the socio-political history of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: historiography, higher school of the Russian Empire, the Grand Duchy of Lithuania, state political system.

Зварот расійскіх гісторыкаў да мінулага Вялікага княства Літоўскага (далей – ВКЛ) адбыўся ў першай трэці XIX ст. Далучэнне беларускіх зямель у выніку падзелаў Рэчы Паспалітай прывяло да змен палітычных рэалій для Расійскай імперыі. Актualізацыя навуковага інтарэсу да гісторыі ВКЛ была абумоўлена пашырэннем і паглыбленнем кантактаў з польскім гуманітарным асяроддзем. Атрымаўшы доступ да шырокай крыніцавай базы, выкладчыкі вышэйшай школы Расійскай імперыі актывізавалі даследаванні ў гэтай галіне, у прыватнасці, па праблеме дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ у XIV–XVI стст.

Сярод прадстаўнікоў вышэйшай школы Расійскай імперыі першую спробу ажыццявіць аналіз дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ распачаў М.М. Карамзін. Трансфармацыя дзяржаўнага ладу ВКЛ, на думку навукоўца, зводзілася да змен у палітычным светапоглядзе вялікіх князёў літоўскіх і наступствах для ўсходнеславянскіх зямель. Захаваў асноў ранейшага палітычнага ладу за межамі зямель уласна «Літвы» гісторык звязваў з праяўленнем разважлівасці і ўмеранасці вялікімі князямі літоўскімі. Сістэму адносінаў, якая склалася паміж вялікім князем літоўскім і ўдзельнымі рускімі князямі ў XV ст., М.М. Карамзін ахарактарызаваў як «падданства» [1, с. 157]. Разам з тым, завершанай сістэмы поглядаў на праблему дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ гісторык не пакінуў, бо да гісторыі княства першай паловы XVI ст. ён практычна не звяртаўся.

У працах прафесара М.П. Пагодзіна, унутрыпалітычнае развіццё ВКЛ у другой чвэрці XV ст. паказана з пазіцыі дынамізму: палітычная раздробленасць ва ўдзельных княствах і землях трансфарміравалася ў самадзяржаўе, пры якім улада вялікага князя літоўскага над саюзам удзельных князёў стала неабмежаванай [2, с. 125]. Вучоны сцвярджаў, што ВКЛ раней за Вялікае княства Макоўскае дасягнула стадыі дзяржаўнай цэнтралізацыі.

У 1830-я гг. да праблемы эвалюцыі дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ звярнуўся М.Г. Усталаў. Гісторык распачаў спробу прымянення сістэмнага падыходу да палітычнага развіцця ВКЛ у XV – першай палове XVI стст. У сваіх навуковых працах ён імкнуўся прааналізаваць, якія змены ў палітычным развіцці ВКЛ прывялі яго да дзяржаўнага саюза з Каралеўствам Польскім у 1569 г., а не да збліжэння з Расіяй.

М.Г. Усталаў быў салідарны з М.М. Карамзіным па пытанні аб вядучай ролі гаспадароў ВКЛ у вызначэнні накірунку гістарычнага развіцця княства. Для М.Г. Усталава ключавым у гісторыі ВКЛ быў выбар вялікага князя літоўскага Ягайлы на карысць

Каралеўства Польскага ў якасці палітычнага саюзніка ў апошняй чвэрці XIV ст. Навуковец падкрэсліў, што дзяржаўна-палітычны лад ВКЛ да заключэння Крэўскай уніі меў падабенства з ладам Вялікага княства Маскоўскага: вялікія князі літоўскія імкнуліся ўмацаваць уласную дынастыю, усталяваць адзінаасобнае кіраванне над усімі тэрытарыяльнымі адзінкамі княства. Разам з тым, XV – першая палова XVI стст. сталі перыядам росту польскага ўплыву на палітычную мадэль ВКЛ, сярод асаблівасцей якога гісторыкам былі вылучаны адсутнасць моцнай цэнтралізаванай улады манарха і праявы «свавольства» падданымі ва ўласнай дзяржаве [3, с. 208]. М.Г. Устралаў, перакладаючы адказнасць на польскі бок у пытанні трансфармацыі дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ, праецыраваў палажэнні тэорыі афіцыйнай народнасці.

Ідэі М.Г. Устралава былі станоўча ўспрыняты прафесарам Імператарскага Маскоўскага ўніверсітэта С.М. Салаўёвым. Пры гэтым, дэталёва прааналізаваўшы дзяржаўна-палітычны лад Каралеўства Польскага напярэдадні заключэння Крэўскай уніі, вучоны інакш у параўнанні з М.Г. Устралавым ахарактарызаваў польскі ўплыў на княства. На думку С.М. Салаўёва, у канцы XIV ст. у Каралеўстве панавала «шляхецкая воля», якая адыгрывала ролю сацыяльна-палітычнай сілы і ўплывала на палітычны лёс ВКЛ. Унутрыпалітычнае развіццё ВКЛ у XV ст. гісторыкам разглядалася ў нацыянальна-рэлігійным кантэксце. Пры гэтым асноўны акцэнт у даследаванні быў зрушаны на супрацьстаянне літоўскіх князёў-католікаў і рускіх праваслаўных князёў. Наступны этап – першая палова XVI ст., з пункту гледжання С.М. Салаўёва, характарызаваўся барацьбой новых палітычных сіл: шляхты і «вяльможаў» [4, с. 772].

З прычыны водгуку рускай грамадскасці на Польскае паўстанне 1863–1864 гг. тэзіс аб паланізацыі ВКЛ зноў быў актуалізаваны. Гісторык М.О. Каяловіч развіў ідэю аб польскім уплыве на ВКЛ, якую першым прапанаваў М.Г. Устралаў. Тым не менш, даследчык лічыў, што інтэнсіўнае пранікненне ў ВКЛ польскіх парадкаў адбылося ў сувязі з заключэннем Люблінскай уніі. Гісторык не адмаўляў польскіх запазычанняў, адзначыўшы ўвядзенне ў ВКЛ польскіх пасадак, адміністрацыйнага падзелу па польскім узору, з’яўленне сейма. На думку М.О. Каяловіча, дадзеныя новаўвядзенні мелі значэнне выключна для палітычнай эліты ВКЛ [5, с. 211].

Паводле М.О. Каяловіча, змены дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ адбываліся па ініцыятыве польскага боку, аднак, у далейшым збліжэнні з Каралеўствам Польскім былі зацікаўлены і літоўцы-каталікі. Такім чынам, навуковец узмацніў ролю і надаў значэнне рэлігійнаму фактару ў развіцці ВКЛ. На яго думку, страта незалежнасці ВКЛ адбывалася з прычыны таго, што на польскім і літоўскім троне знаходзіўся адзіны манарх, які перш за ўсё забяспечваў задавальненне інтарэсаў польскага боку, і гэтым адначасова наносіў шкоду княству.

Адным з першых даследчыкаў, які паставіў пад сумнеў ідэю аб польскім уплыве ў ВКЛ, быў К.М. Бястужаў-Румін. Ён звярнуў увагу на тое, што нормы Рускай Праўды былі зафіксаваны ў Статутах ВКЛ, а таксама адлюстраваны ў граматах вялікага князя літоўскага Казіміра IV Кіеўскай і Валынскай землям. Навуковец прыйшоў да высновы, што ВКЛ, нягледзячы на падпісаны саюз з Каралеўствам Польскім, на працягу XV ст. уяўляла сабой «працяг рускага жыцця» [6, с. 206]. Тым не менш, дасканалай распрацоўкай канкрэтных пытанняў палітычнай гісторыі ВКЛ даследчык не займаўся, а пры трактоўцы гістарычнага развіцця княства прытрымліваўся папярэдніх навуковых традыцый.

Прадстаўнік Імператарскага ўніверсітэта Св. Уладзіміра У.Б. Антановіч падтрымаў сваіх папярэднікаў у аналізе ўдзельнай сістэмы ВКЛ XIV ст. Ён заявіў, што «Гедзімін раздаваў ва ўпраўленне членам свайго сямейства асобныя вобласці, прызнаючы за імі правы ўдзельных князёў, залежных ад галавы роду» [7, с. 76]. Пры гэтым гісторык прыйшоў да высновы, што палітычная сістэма, якая склалася ў ВКЛ, мела падабенства з заходнееўрапейскай, з уласцівымі апошняй феадальнымі парадкамі.

У.Б. Антановічам была прапанавана аўтарская канцэпцыя супрацьстаяння «двух народных пачаткаў» па пытанні аб барацьбе ўдзельных князёў і вялікага князя літоўскага. Згодна з палажэннямі канцэпцыі, «літоўскі пачатак», пры адсутнасці адзінадзяржаўнай улады, з’яўляўся антыдзяржаўным, а «рускі пачатак» – наадварот, дзяржаваўтваральным. У выніку перавага ў ВКЛ «літоўскага пачатку» прывяла да паслаблення дзяржавы. Зыходзячы з прапанаванай трактоўкі У.Б. Антановіча, захаванне дзяржаўнасці і рост магутнасці ВКЛ быў магчымы толькі дзякуючы прыняццю вялікімі князямі літоўскімі «рускіх пачаткаў».

Тэзіс аб польскім уплыве на грамадства ВКЛ у першай палове XVI ст. развіваў Дз.І. Ілавайскі, што, разам з прыняццем ім канцэпцыі супрацьстаяння «літоўскай і рускай партый» сведчыць аб падтрымцы навукоўцам канцэпцыі нацыянальна-рэлігійнага канфлікту ў ВКЛ [8, с. 275–276]. Разам з тым, «падаўжэнне» гісторыкам палажэння аб барацьбе вялікага князя літоўскага з удзельнымі князямі да другой паловы XV ст. сведчыла аб яго адступленні ад традыцыйных поглядаў на праблему дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ, таму канцэпцыю Дз.І. Ілавайскага ў гістарычнай навуцы можна ахарактарызаваць як пераходную.

У сярэдзіне 1890-х гг. паміж Ф.І. Леантовічам і М.К. Любаўскім разгарнулася дыскусія, якая мела сваім вынікам перагляд устойлівых поглядаў на палітычны лад ВКЛ. Галоўным вывадам М.К. Любаўскага ў яго магістэрскай дысертацыі стала палажэнне аб федэратыўным, а не ўдзельным ладзе ВКЛ у XIV–XV стст., які ўяўляў сабой федэратыўнае аб'яднанне старажытнарускіх зямель з Літвой. На думку гісторыка, асобныя рускія землі ў XV – пачатку XVI стст. з'яўляліся аўтаномнымі адзінкамі, аб'яднанымі пад намінальным вяршэнствам Літвы. М.К. Любаўскі распачаў спробу абвергнуць ідэю канцэпцыі польскага ўплыву на ВКЛ. Так, гісторык не пагадзіўся з тэзісам аб «польскай існасці», якую ўспрымалі вялікія князі літоўскія. Паводле М.К. Любаўскага, слабасць вялікакняжацкай ўлады, а таксама рост палітычнай магутнасці старажытнарускіх зямель абумовілі немагчымасць цэнтралізацыі ў ВКЛ [9, с. 352].

М.К. Любаўскі галоўную ролю ў працэсе ліквідацыі ўдзельнай сістэмы ў ВКЛ адводзіў вялікакняжацкай уладзе, што супадала з меркаваннямі Дз.І. Ілавайскага аб барацьбе вялікага княства літоўскага з удзельнымі князямі ў ВКЛ да другой паловы XV ст. Гісторык вызначыў матэрыяльную зацікаўленасць вялікакняжацкай улады ў ліквідацыі ўдзельных уладанняў, а не канфесійны фактар.

У супрацьлегласць М.К. Любаўскаму, гісторык, выкладчык Імператарскага ўніверсітэта Св. Уладзіміра Ф.І. Леантовіч прапанаваў уласную канцэпцыю эвалюцыі дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ. У самастойнасці старажытнарускіх зямель у складзе ВКЛ гісторык падкрэсліваў выключна «разнадумнасць удзелаў паміж асобнымі літоўска-рускімі абласцямі» [10, с. 33]. У працэсе цэнтралізацыі ўлады ў ВКЛ галоўнай перашкодай, на думку Ф.І. Леантовіча, была фігура вялікага князя, якая не ўсведамляла прыняцця адзінадзяржаўя. Неабходна адзначыць, што ў дадзеным пытанні гісторык вярнуўся на пазіцыі сваіх папярэднікаў, якія бачылі ў асабістых якасцях гаспадароў ВКЛ прычыны і наступствы гістарычнага развіцця дзяржавы. Пры тлумачэнні прычын ліквідацыі ўдзельнай сістэмы гісторык адзначаў рост палітычнага ўплыву магнатаў у ВКЛ.

Высновы М.К. Любаўскага выглядаюць больш пераканальнымі ў параўнанні з высновамі Ф.І. Леантовіча ў прымяненні да гісторыі ВКЛ XV–XVI стст. Пры гэтым гісторык прыйшоў да высновы, што ўдзелаў у ВКЛ не існавала ўжо ў XIV ст., бо тыя княжанні, якія атрымлівалі ва ўладанне нашчадкі вялікага князя Гедзіміна, пераходзілі ад аднаго князя да другога ў залежнасці ад замацавання за новай княжацкай дынастыяй далучаных тэрыторый. Адносна палітычнага ладу ВКЛ XIV ст. М.К. Любаўскі выкарыстаў тэрмін «кангламерат зямель і ўладанняў», паміж якімі, на думку даследчыка, адсутнічала якая-небудзь салідарнасць [11, с. 176].

З М.К. Любаўскім у трактоўцы дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ у XIV ст. быў згодны М.С. Грушэўскі. Ён таксама лічыў княства слаба цэнтралізаваным і тлумачыў гэта наступным чынам: «Пры ўсёй надзвычайнай экстэнсіўнасці Літоўская дзяржава была слаба арганізаванай: шматлікія землі не былі сканцэнтраваны ў адзін моцны арганізм» [12, с. 138]. Гісторык вылучыў новы перыяд у гісторыі ВКЛ, храналагічна датаваўшы яго пачаткам 1390-х гг. Пры яго характарыстыцы М.С. Грушэўскі падкрэсліў умацаванне цэнтральнай улады пры вялікім князі літоўскім з прычыны замены ў найбуйнейшых старажытнарускіх землях князёў літоўскімі намеснікамі, што спрыяла ўнутранай палітычнай еднасці ВКЛ.

Праблема ўзнікнення сейма ў ВКЛ была разгледжана ў доктарскай дысертацыі М.К. Любаўскага. На думку даследчыка, з'яўленню сейма садзейнічала некалькі абставін: недастатковая палітычная сталасць вялікакняжацкай улады, а таксама ўплыў традыцый, якія існавалі ў Каралеўстве Польскім. Неабходна адзначыць, што пры аналізе дадзенага пытання М.К. Любаўскі часткова падтрымаў ідэю аб польскім уплыве. Тым не менш, гісторык адышоў ад традыцыйнага гістарыяграфічнага падыходу. М.К. Любаўскі фактычна сцвярджаў, што яшчэ да заключэння Крэўскай уніі ў ВКЛ самастойна былі створаны і існавалі структуры, падобныя на польскія. З гэтага вынікала, што меркаванне аб поўным запазычанні палітычных інстытутаў з Каралеўства Польскага не вытрымлівала крытыкі.

Перагледзеўшы канцэпцыю палітычнай гісторыі ВКЛ першай паловы XV ст., М.К. Любаўскі сцвярджаў, што ў гэты перыяд адбывалася барацьба паміж абласцямі – Літвой і рускімі землямі, а не паміж удзельнымі князямі за велікакняжацкі прастол. Пры гэтым, гісторык выключыў фактар нацыянальна-рэлігійнай барацьбы ў дадзеным працэсе.

Пад уплывам высноў, зробленых М.С. Грушэўскім, М.К. Любаўскі адзначыў рост ступені дзяржаўнай цэнтралізацыі ў перыяд княжання Вітаўта. На змену федэратыўнаму ўтварэнню «Літоўская зямля – рускія вобласці» М.К. Любаўскі сфармуляваў больш складанае ўяўленне аб сацыяльна-палітычным ладзе ВКЛ як аб кампрамісе паміж вялікакняжацкай уладай і «літоўска-рускім панствам» – прадстаўнікамі літоўскай знаці з ліку буйных землеўладальнікаў і княжацка-баярскай знаці рускіх зямель [11, с. 85].

Такім чынам, погляды выкладчыкаў вышэйшай школы Расійскай імперыі на праблему дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ прайшлі значную эвалюцыю. Іх зыходнымі момантамі сталі тэзісы аб ідэнтычнасці палітычнага ладу ВКЛ і Вялікага княства Маскоўскага, трансфармацыі першага ў накірунку канцэнтрацыі ў князя вярхоўнай улады, спыненым ростам польскага грамадска-палітычнага ўплыву, што ў выніку прывяло да паслаблення дзяржавы. Адмысловае значэнне маюць погляды У.Б. Антановіча, якія спалучаюць ідэі дзяржаўнай школы на прыкладзе буйнейшага прадстаўніка С.М. Салаўёва і арыгінальныя тэарэтычныя ўяўленні пра барацьбу «двух народных пачаткаў».

У 1890-я гг. сярод прадстаўнікоў вышэйшай школы Расійскай імперыі пачаўся адыход ад пануючай традыцыйнай гістарыяграфіі. Вынікам навуковай дыскусіі паміж Ф.І. Леантовічам і М.К. Любаўскім стаў перагляд канцэптуальных уяўленняў па праблеме дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ. М.К. Любаўскі пераканаўча абвергнуў уяўленні пра ўдзельны лад ВКЛ і атрымаў падтрымку большасці навукоўцаў.

Узнікненне завершанай канцэпцыі дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ, якая ўлічвала розныя гістарычныя дадзеныя, варта адносіць да 1910-х гг. Дзякуючы даследаванням М.К. Любаўскага, падвергліся крытычнаму перагляду палажэнні, якія былі сфармуляваны да пачатку XX ст., у тым ліку і ўласныя ідэі гісторыка.

Літаратура

1. Карамзин, Н. М. История государства Российского : 12 т. / Н. М. Карамзин. – СПб. : Типография Н. Греча, 1816–1829. – Т. 5. – 1819. – 699 с.
2. Погодин, М. П. Начертание русской истории. Для гимназий / М. П. Погодин. – 2-е изд. – М. : Университетская типография, 1837. – 408 с.
3. Устрялов, Н. Г. Русская история до 1855 г. / Н. Г. Устрялов. – Петрозаводск : Фолиум, 1997. – 958 с.
4. Соловьёв, С. М. История России с древнейших времен : в 6 кн. / С. М. Соловьёв. – СПб. : Товарищество «Общественная польза», 1851–1879. – Кн. 1. – 1851. – 879 с.
5. Коялович, М. О. Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. – СПб. : Типография С. П. Суворина, 1884. – 465 с.
6. Бестужев-Рюмин, К. Н. Русская история : в 2 т. / К. Н. Бестужев-Рюмин. – СПб. : Типография А. Траншеля, 1872–1885. – Т. 1. – 1872. – 760 с.
7. Антонович, В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России / В. Б. Антонович. – Киев : Типография Е. Я. Федорова, 1885. – 355 с.
8. Иловайский, Д. И. История России : в 5 т. / Д. И. Иловайский. – М. : Типография М. Лебедева, 1876–1905. – Т. 2. – 1896. – 611 с.
9. Любавский, М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута / М. К. Любавский. – М. : Университетская типография, 1892. – 998 с.
10. Леонтович, Ф. И. Очерки истории литовско-русского права / Ф. И. Леонтович. – СПб. : Типография В. С. Балашева и К°, 1894. – 401 с.
11. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – 2-е изд. – М. : Художественная типография, 1915. – 405 с.
12. Грушевский, М. С. Очерк истории украинского народа / М. С. Грушевский. – СПб. : Товарищество «Общественная польза», 1904. – 382 с.

Карибский кризис 1962 года: ракетно-ядерное противостояние СССР и США и его исторические уроки

А.В. МАРДАНОВ

В статье рассмотрены ключевые события, связанные с Карибским кризисом 1962 г. Особое внимание уделяется исследованию проблемы ракетно-ядерного противостояния двух супердержав – СССР и США в конфликтной ситуации по поводу Кубы. Дается развернутый анализ стратегических возможностей противоборствующих сторон, готовых для реализации своих целей к применению ракетно-ядерных сил. Дано подробное описание итогов Карибского кризиса и исторических уроков, извлекаемых из этого события, поставившего мир на грань ядерного уничтожения.

Ключевые слова: ракетно-ядерное оружие, стратегические силы, концепция применения ядерного оружия, ракеты средней дальности, группа советских войск на Кубе (ГСВК), военно-морская группировка, дивизия РВСН (ракетных войск стратегического назначения), Кубинский кризис, военно-морская блокада, термонуклеарный конфликт.

The article considers the key events related to the Caribbean crisis of 1962. Particular attention is paid to the study of the problem of nuclear-missile confrontation between the two superpowers – the USSR and the USA in a conflict situation over Cuba. A detailed analysis of the strategic capabilities of the opposing sides, which are ready to use nuclear missile forces to achieve their goals, is given. A detailed description of the outcome of the Caribbean Crisis and the historical lessons learned from this event, which brought the world to the brink of nuclear annihilation, is given.

Keywords: nuclear missiles, strategic forces, the concept of using nuclear weapons, medium-range missiles, the group of Soviet troops in Cuba (GSTC), naval grouping, division of the Strategic Missile Forces (SMF), Cuban Crisis, naval blockade, thermonuclear conflict.

Более 60 лет тому назад произошло событие, оставившее заметный след в истории мировой цивилизации. Это был Карибский кризис 1962 г., поставивший планету Земля на грань ядерного уничтожения. В этих условиях лидеры США и СССР, Д. Кеннеди и Н.С. Хрущев, смогли взять на себя ответственность за его разрешение и найти приемлемые компромиссы. Уроки Карибского кризиса и механизмы его разрешения являются актуальными и сегодня, когда резко обострились отношения между Российской Федерацией и США в связи с проводимой Россией специальной военной операцией на Украине с февраля 2022 г.

Апогеем этого конфликта являлось ракетно-ядерное противостояние США и СССР. За десятилетия, прошедшие с этого важнейшего мирового события, ему посвящены многочисленные труды отечественных и зарубежных историков. Особое внимание в них уделяется участию Ракетных войск стратегического назначения СССР (далее – РВСН) в операции «Анадырь». [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7]. Данная операция была связана с размещением советского ракетно-ядерного оружия на Кубе. Вызывает интерес историографический анализ работ, посвященных данной теме, представленный в работе Т.В. Скороспеловой [7].

Революционное движение во главе с Ф. Кастро 1 января 1959 г. свергло проамериканский режим диктатора Батисты на Кубе. Последовавшие за этим событием революционные изменения на острове Свободы поставили под угрозу господство американских монополий, находящихся на Кубе. Революционная власть национализировала предприятия и банки, принадлежавшие американскому капиталу. В ходе земельной реформы частные владения были переданы в пользование десяткам тысяч кубинских крестьян. Неожиданными для американской политической элиты явились заявления кубинского лидера Ф. Кастро от 16 апреля и 1 мая 1961 г. о социалистическом характере кубинской революции [8], [9, с. 183].

Ответной реакцией руководства США на эти события стала разработка тайных операций против республики Куба, получивших кодовые названия «Плутон» (март 1960 г.) и «Мангуста» (ноябрь 1961 г.). Их разработчики планировали ликвидацию кубинского лидера и проведение военной операции по захвату плацдарма на острове с участием кубинской оппозиции. Цель операции – образование нового кубинского правительства, зависимого от реакционных кругов США [9, с. 170–184].

В апреле 1961 г. в заливе Кочинос (в районе Плайя-Хирон) были высажены свыше 4 тысяч кубинских контрреволюционеров, попытавшихся вооруженным путем свергнуть правительство Ф. Кастро. Американские наемники были разгромлены за 72 часа революционными вооруженными силами Кубы (далее – РВС) при участии советских военных специалистов. Однако правящие круги США не отказались от попыток реализовать свои планы в отношении «Острова свободы».

Новый антикубинский план был предложен 18 января 1962 г. ЦРУ и Пентагоном. В нем предусматривалось использование армии США для поддержки антиправительственного выступления оппозиции на Кубе наряду с другими акциями [9, с. 184].

Политическая ситуация, сложившаяся вокруг Кубы, постепенно обострялась. Возникла прямая угроза потери суверенитета и независимости молодой республики. Военное руководство США приступило к подготовке прямого вторжения американских войск на остров. Советской разведке стали известны эти планы. Перед руководством СССР встала проблема: какими способами и средствами обеспечить оборону дружественной страны. В силу того, что территория острова находилась на удалении от СССР на 11000 км., защитить её не представлялось возможным всеми видами имеющегося на то время вооружения. На совещании 20 мая 1962 г., инициированном высшим руководством СССР во главе с Н.С. Хрущевым (Первый секретарь ЦК КПСС, глава Совета Министров СССР и Верховный главнокомандующий), было принято решение о размещении ракетно-ядерного оружия на территории Кубы. Именно в этой напряженной ситуации, сложившейся вокруг Кубы, ракеты с ядерными боеголовками могли стать реальным сдерживающим фактором агрессии США. Такие ракеты могли с острова достичь территории агрессора за считанные минуты [4, с. 33].

Основными причинами размещения баллистических ракет средней дальности (далее – БРСД) на Кубе являлись следующие:

- удержать США от вторжения на Кубу и воспрепятствовать уничтожению Кубинской революции;
- необходимость устранить существенный дисбаланс между СССР и США в средствах доставки ядерного оружия и количества ядерных боеприпасов;
- желание, порожденное соображениями национальной гордости и престижа, в противовес развертыванию США ядерного оружия по периметру СССР, осуществить «равное право» развернуть свои ракеты на прилегающей к США территории (ведь Куба расположена в 180 км. от Флориды).

К началу 60-х гг. XX в. США и СССР допускали возможность применения ядерного оружия для достижения политических целей. Причем главным обстоятельством размещения советских БРСД с ядерными боеголовками на Кубе стало то, что к 1962 г. СССР располагал лишь 30 МБР, из которых 26 ракет относились к типу Р-16 и 4 ракеты – типу Р-7А, способными достичь территории США. Общее превосходство США в количестве носителей ядерных зарядов, достигавших территории СССР, выражалось соотношением 3,4 к 1, а количество ядерных зарядов превосходило советский потенциал в 17 раз [7, с. 27–37], [2, с. 79].

Руководство разработкой замысла операции осуществлял начальник Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил (ГОУ ГШ ВС) СССР генерал-полковник С.П. Иванов. Сценарий операции начинался словами «На о. Куба разместить Группу Советских войск, состоящую из всех видов Вооруженных сил под единым руководством штаба группы во главе с Главкомандующим советскими войсками на о. Куба» [5, с. 37–43]. Главной целью операции являлось недопущение высадки войск противника на остров.

Операция «Анадырь» являлась уникальной для вооруженных сил СССР, так как подобная массовая переброска личного состава и вооружения морским транспортом на трансконтинентальное удаление ранее не осуществлялась. Для перевозки личного состава численностью в 44000 человек, техники и вооружений было задействовано 85 гражданских судов, выловивших 183 рейса. Численность советской морской группировки составляла около 16 тысяч человек, 11 подводных лодок, 2 крейсера, 4 эсминца и бригады ракетных катеров. Этим силам были приданы полк ракет «Сопка» (6 пусковых установок «земля-вода»), минно-торпедный авиапункт фронтовых бомбардировщиков Ил-28 (33 самолета, способных нести и ядерные боеприпасы) [10, с. 89]. Командующим этой группировкой войск был назначен генерал армии дважды Герой Советского Союза И.А. Плиев.

26 июля 1962 г. была отправлена первая партия морских судов с личным составом и техникой, вторая партия 9 сентября 1962 г. перевозила ракеты. Вооружение и техника, отправленные на Кубу, доставлялись под видом народно-хозяйственных грузов и сельхозтехники.

Ракетная группировка, оснащенная БРСМД типов Р-12 и Р-14 (50-я и 51-я дивизии РВСН), являлась основой группы советских войск на Кубе (далее – ГСВК). ГСВК придавались и тактические ракетные комплексы, размещенные на кораблях, самолетах и наземных пусковых установках. При этом роль стратегического оружия принадлежала ракетам Р-12 и Р-14, имевшим мощность ядерных зарядов от 1 до 2,3 Мг. т. с круговым вероятным отклонением (далее – КВО) 2400 м. Причем радиус действия ракеты Р-12 составлял 1/3 континентальной части США, а у ракеты Р-14 он достигал всей их территории за исключением Аляски. Площадь поражения этих ракет составляла 100 кв. км., а дальность применения от 2000 до 4500 км [2, с. 81].

Рассекреченные документы того времени, в которых изложены теоретические положения по применению ракетно-ядерного оружия, определяют первоочередные задачи РВСН. К таковым относятся:

- уничтожение стратегических средств вооруженной борьбы противника;
- нарушение его государственного и военного управления и дезорганизация тыла;
- подрыв военной и экономической мощи вражеских государств, снижение боеспособности вооруженных сил противника и деморализация населения;
- захват стратегической инициативы в начальном периоде разворачивающихся боевых действий [2, с. 82].

Теоретические положения отрабатывались и дополнялись в ходе значительного количества учений и маневров, проводимых с ракетными частями на территории СССР. Только за период 1960–1962 гг. такие учения и военные игры были проведены более 50 раз [3, с. 111].

Сухопутная группировка ГСВК состояла из 5 отдельных мотострелковых полков. Ей придавались дивизионы тактических ракет, авиационный полк бомбардировщиков ИЛ-28, подразделения противовоздушной обороны и группировка военно-морского флота. Эти силы решали две основных задачи:

- 1-я – отражение морского и воздушного десантов противника;
- 2-я – прикрытие мест дислокации ракетных дивизий в составе 40 пусковых установок стратегических ракет Р-12 и Р-14.

Анализ обстановки в условиях протекания Карибского кризиса привел советских военных специалистов к выводу о решающей роли баллистических ракет Р-12 и Р-14. Эти ракеты, размещенные на территории Кубы, имели стратегическое значение по отношению к США и их Вооруженным Силам. В качестве основных способов их применения рассматривали ответно-встречный или упреждающий удар. Такие удары, по существу, превентивные, исходили из оценки ядерных сил США, многократно превосходящих в ракетно-ядерном компоненте возможности группировок Вооруженных Сил Кубы и Вооруженных Сил СССР вместе взятых. Решающую роль при таком соотношении, для возможности поражения стратегических объектов противника играл фактор времени. Он определялся степенью готовности ракетно-ядерных средств, в которой они находились в данный момент. Тем самым в значительной мере устранялся имеющийся дисбаланс ядерных боеголовок, достигавших территории США и СССР [2, с. 82].

Наиболее целесообразным считалось применение массированного пуска советских ракет при упреждающем ударе по территории США. Принимая во внимание подлетное время ракет с кубинской территории по США, которое составляло 10–15 минут, и практически отсутствие как у них, так и у СССР в начале 60-х гг. XX в. системы ПРО, говорить об успешном отражении ракетно-ядерного нападения не предоставляется возможным.

Американские специалисты пришли к выводу, что Вооруженным Силам США для ликвидации только группировки военно-морских сил из состава ГСВК потребуется не менее 300 ядерных зарядов и времени до 30 минут [3, с. 82].

С созданием в 1959 г. нового вида Вооруженных Сил (РВСН) возникла потребность разработать и систематизировать принципы боевого применения ядерного оружия.

В 60-е гг. XX в. в СССР они были определены следующим образом:

- масштабные ракетно-ядерные удары по важным стратегическим объектам;

- высокая степень готовности и внезапность действий;
- система управления с опорой на единый центр;
- согласованность действий РВСН с другими видами Вооруженных Сил.

Кульминацией развития Карибского кризиса стал октябрь 1962 г. Американский самолет-разведчик в ходе ведущейся аэрофотосъемки 14 октября обнаружил стартовые позиции ракет Р-12 и Р-14 на Кубе. Президент США и его окружение, уяснившее опасность дальнейшей эскалации конфликта в Карибском бассейне, предприняли ряд соответствующих мер. 22 октября 1962 г. президент США через средства массовой информации обратился к своему народу, указав на опасность размещения советских ракет на Кубе. Это выступление и принятые за ним дипломатические и военные акции явились кульминационным моментом Карибского кризиса. Две великие державы находились в шаге от ядерной катастрофы.

В директиве № 3504, подписанной 23 октября Д. Кеннеди, с 14.00 по Гринвичу 24 октября вводилась военно-морская блокада на все виды наступательного вооружения, ввозимого на Кубу. С помощью радиоперехвата советскому руководству стал известен приказ Стратегического авиационного командования США: «Приготовиться к ядерному нападению». В соответствии с планом американское вторжение войск на Кубу должно было состояться 26 октября 1962 г. [11, с. 34–51].

Джон Кеннеди занял жесткую позицию: вывести советские ракеты с территории Кубы. Согласие советской стороны на это требование Н.С. Хрущевым было обусловлено встречными предложениями. Стороны пришли к взаимоприемлемому компромиссу, суть которого заключалось в следующем: демонтаж ракет со стартовых площадок; обещание США не нападать на Кубу; вывод американских ракет из Турции (15 ракет) и из Италии (30 ракет).

Карибский кризис был обстоятельно изучен, что позволило политическому и военному руководству СССР извлечь необходимые уроки, связанные с возможностью нанесения ядерных ударов. Мы можем выделить основные уроки.

1. В условиях резкого обострения международной ситуации крайне необходимо переводить её из конфронтационного состояния в мирное урегулирование. И здесь ключевую роль играют личные контакты, в том числе и на высшем уровне.

2. В ходе операции «Анадырь» военному руководству СССР не удалось в полной мере обеспечить скрытность дислокации ракет. Отсюда возникло понимание необходимости создания подвижного ракетного комплекса в СССР. Он значительно увеличивает мобильность и оперативность действий РВСН, расширяя потенциал выполняемых задач. Такое оружие, размещенное в том или ином регионе планеты, обеспечивает военно-политическому руководству, обладающему им, возможность сдерживать агрессию простым вооружением.

3. Противостояние США и СССР в ходе Карибского кризиса приводит к выводу о растущем значении фактора времени. Этот фактор является важной ресурсной составляющей при оценке уровня напряженности в той или иной международной ситуации [2, с. 84].

Советское политическое и военное руководство СССР, извлекая уроки и выводы из анализа Карибского кризиса, осуществляло в 60–70-е гг. XX в. две основные стратегические задачи:

1. форсированное развитие и совершенствование всей триады ракетно-ядерных сил с целью достижения военно-стратегического паритета с США;

2. стремление к ограничению гонки вооружений и урегулированию локальных конфликтов преимущественно дипломатическим путем.

Итогом этих усилий Советского Союза стали, в частности, Договор 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах (земля, воздух, космос; его подписали все ядерные державы того времени), Договоры ОСВ-1, ОСВ-2, Договор по ограничению ПРО в начале 70-х гг. между СССР и США. Все это позволило в дальнейшем достичь разрядки международной напряженности, снизить риск ракетно-ядерного конфликта между сверхдержавами.

Литература

1. Воробьев, С. В. Развитие стратегического использования ракетного оружия и РВСН (40–90 годы XX века) : монография / С. В. Воробьев. – М. : ВА РВСН, 2004. – Ч. 2. – 334 с.

2. Воробьев, С. В. Использование возможностей ракетно-ядерного оружия в разрешении Карибского кризиса как фактора формирования системы силового баланса международных отношений XX–XXI веков / С. В. Воробьев, С. П. Кочетков, Ю. А. Селюнин // Гуманитарный вестник ВА РВСН. – 2017. – № 3 (7). – С. 78–84.
3. Воробьев, С. В. Карибский кризис и его значение для отечественной ракетно-космической обороны / С. В. Воробьев, О. В. Матвеев // Информационный сборник Ракетных войск стратегического назначения (специальный выпуск). – М. : ЦИПК, 2003. – С. 258.
4. Грибков, А. И. Разработка замысла и осуществление операции «Анадырь» / А. И. Грибков // Стратегическая операция «Анадырь» : Как это было : мемуар.-справ. изд. – М. : МООВВИК, 2004. – 327 с.
5. Каракаев, С. В. Участие ракетных войск стратегического назначения в операции Вооруженных Сил СССР «Анадырь» / С. В. Каракаев // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 8. – С. 37–43.
6. Карлов, С. Н. РВСН в операции «Анадырь» : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.03 / С. Н. Карлов. – М., 1998. – 220 л.
7. Скороспелова, Т. В. Ракетно-ядерное противостояние в советско-американских отношениях в ходе Карибского кризиса. Историографический аспект / Т. В. Скороспелова // Симбирский научный вестник. – 2011. – № 3. – С. 27–37.
8. Кубинская революция. Карибский кризис 1962 : в 30 т. // Большая советская энциклопедия (БСЭ) ; редкол. : А. М. Прохоров (гл. ред.) [и др.]. – М. : Советская энцикл., 1969–1978. – Т. 5. – 1973. – 684 с.
9. Сергеев, Ф. М. Если сорвать маску... Центральное разведывательное управление США как оно есть / Ф. М. Сергеев. – М. : Политиздат, 1983. – 415 с.
10. Анненков, В. И. Ядерный мир : геополитические и военно-политические аспекты современности : учебник / В. И. Анненков, Л. А. Кононов [и др.]. – М. : Русайнс, 2016. – С. 282.
11. Лавренов, С. Я. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах / С. Я. Лавренов, И. М. Попов. – М. : АСТ, Астрель, 2003. – 446 с.

УДК 930(476)''199/20'':94:327:316.72(470):327:316.72(430)''192/193''

Внешняя культурная политика Советской России и Германии в белорусской постсоветской историографии

С.Н. РОЖКОВА

В статье дана характеристика постсоветского периода в развитии белорусской историографии культурной политики советско-германских отношений. Выявлены концепции, разработанные белорусскими историками, которые объясняют характер и динамику советско-германских отношений в сфере культуры в указанный период.

Ключевые слова: культурная политика, Советская Россия, Германия, белорусская историография, международные отношения.

The article describes the post-Soviet period in the development of the Belarusian historiography of the cultural policy of Soviet-German relations. The concepts developed by Belarusian historians that explain the nature and dynamics of Soviet-German relations in the field of culture during this period are revealed.

Keywords: cultural policy, Soviet Russia, Germany, Belarusian historiography, international relations.

Введение. На современном этапе в белорусской германистике изучаются конкретные направления советско-германского сотрудничества в формате рапалльского процесса. Историки Беларуси освещая основные этапы и направления сотрудничества в области науки и культуры Германии и Советского Союза в 1922–1932 гг., показали реальные достижения взаимовыгодного сотрудничества двух стран. Исследователи указали причины активизации культурной политики Германии в отношении СССР. С одной стороны, державы-победительницы проводили политику «тотального молчания» против немецкой науки и культуры, поэтому Германия обратила свое внимание на Восток. С другой стороны, по их мнению, пролетариат Германии и СССР оказал существенное влияние на научно-технический и культурный обмен.

Основная часть. В современной белорусской германистике рассматривается сотрудничество в сфере культуры в период Рапалло. Большое внимание изучению внешней культурной политики Советской России и Германии по-прежнему уделяет В.А. Космач. Он выделяет три этапа научно-технического и культурного сотрудничества между СССР и Германией в Веймарский период. На первом этапе (1922–1926 гг.) шел процесс установления культурных связей. На втором этапе (1926–1929 гг.) научные связи были наиболее интенсивными и плодотворными. На третьем этапе (1929–1932) сохранялось культурное сотрудничество, которое постепенно шло на спад из-за антисоветских тенденций во внешней культурной политике Германии [1, с. 145], [2, с. 65].

В.А. Космач считает, что к сотрудничеству с СССР в сфере культуры Германию подталкивал ряд факторов. Во-первых, духовная изоляция Германии на Западе толкала Берлин в восточном направлении, что повлияло на активное сотрудничество в области науки и культуры с большевистской Советской Россией. Во-вторых, было интенсивное военно-техническое и научное сотрудничество с Советской Россией в 1920-е – начале 1930-х гг. [3, с. 56]. Третий фактор внешней культурной политики Германии был связан с работой Веймарской Германии с немцами за границы («аусландсдейчтум») [3, с. 57], [4, с. 153]. В.А. Космач отмечает, что Германия делала ставку на активный духовно-культурный экспорт, чтобы таким специфическим путем «завоевать» себе новых друзей и надежных союзников и одновременно самоутвердиться в мировом сообществе [3, с. 78].

При этом германское руководство пыталось создать своеобразный «духовный барьер» против активного экспорта идей мировой пролетарской революции, разлагающего влияния Пролеткульта и большевистско-советской культуры, в Германию [3, с. 85], [5, с. 10], [1, с. 9].

В.А. Космач считает, что научно-технические связи достигли наибольшего развития в 1922–1932 гг. Советские и немецкие ученые провели ряд совместных исследований почти во всех областях науки. Между Советской Россией и Германией велся обмен научной информацией и специалистами в разных сферах науки и техники. Наиболее распространенными фор-

мами советско-германского культурного сотрудничества, считает В.А. Космач, были участие в выставках и ярмарках, книгообмен, совместные научные эксперименты и экспедиции, проведение недель различных наук и др. [1, с. 144], [6, с. 71].

Похожую точку зрения высказывает Д.А. Кривошей. Изучая внешнюю культурную политику стран Европы в межвоенный период, он отмечает, что в Германии в начале 1920 г. в Министерстве внутренних дел был открыт отдел немцев за границы и культурных дел. Он работал по четырем направлениям: вопросы миграции и церкви, немецкие школы за рубежом, искусство и спорт, немецкая литература, а также поддержка научных исследований и академического обмена. Советское руководство также развивало культурные контакты за рубежом. В 1922 г. был создан особый комитет по организации поездок артистов и организации художественных выставок. Деятельность комитета была направлена на формирование позитивного образа страны за рубежом, отмечает ученый [7, с. 115].

По мнению В.А. Космача, важное место в практическом осуществлении задач внешней культурной политики в системе рапалльских отношений с Советским Союзом правительство Германии отводило официальным научным обществам. Одним из таких немецких учреждений было общество изучения Восточной Европы. В данном обществе исследования велись по следующим направлениям: краеведение, история народного хозяйства, техника, конституция, право, духовную жизнь. Члены общества проводили большую научную работу, публиковали статьи, монографии, освещающие достижения немецкой и советской культуры и науки [1, с. 20, с. 21, 22], [8, с. 254], [5, с. 145].

Белорусские историки рассмотрели вопрос отношения германских политических партий, ученых, интеллигенции к внешней культурной политике. В связи с этим В.А. Космач отмечает, что внешнюю культурную политику Германии к Советской России поддерживали Немецкая народная партия (ННП), Центр, Немецкая демократическая партия (НДП) и руководство СДПГ, Коммунистическая партия Германии (КПГ). Большую роль в развитии советско-германских отношений сыграли немецкие коммунисты, такие как К. Цеткин, В. Мюнценберг, А. Пик, Э. Барон и др. «Их усилия находили поддержку среди таких представителей леводемократической интеллигенции и ученых Германии, как Э. Эйнштейн, М. Планк, О. Фогт, Г. Майер, Г. Арко, И.-Р. Бехер, Э. Пискатор, Э. Толер, Т. Манн, А. Деблин, А. Голичер, Е. Штекер, Г. Фогелер, О. Нагель, Д. Хартфильд, К. Кольвиц, Г. Гросс, Б. Таут, А. Керр и др.», – пишет В.А. Космач. Против культурных связей с СССР выступала Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП), которая вела борьбу с «культурбольшевизмом» внутри страны [1, с. 146]. Белорусская постсоветская историография не обходит вниманием и проблемы, противоречия, существовавшие в советско-германских отношениях в период Рапалло.

В.А. Космач отмечает, что правящие круги Германии на протяжении всего рапалльского периода также вели идеологическую борьбу против СССР, особенно в области внешней культурной политики [1, с. 41]. В.А. Космач обращает внимание на то, что немецкое правительство обвиняло большевиков в подготовке революции в Германии, что негативно влияло на отношения между двумя государствами [9, с. 122].

Н.Н. Мезга также указывает на отрицательное влияние идеологического аспекта на советско-германские отношения периода Рапалло. Он отмечает, что Москва с одной стороны поддерживала отношения с немецким руководством, а с другой – оказывала поддержку коммунистам Германии в их антигосударственной деятельности [10, с. 106].

Д.А. Мигун напротив считает, что «реакционные силы» в Германии пытались дискредитировать рапалльскую политику и обвиняли СССР в том, что он занимался пропагандой против Германии [11, с. 120], [12, с. 5].

Отмечая наличие проблем в советско-германских отношениях, белорусские современные историки в целом делают вывод, что они на протяжении всего рапалльского периода находились на достаточно высоком уровне.

Белорусские историки при изучении советско-германских отношений рапалльского периода затрагивают и их белорусский аспект. П.С. Романович, Д.А. Мигун, Д. Романовский отмечают, что советско-германским соглашением от 5 ноября 1922 г. Рапалльский договор распространился на союзные РСФСР республики, результатом чего стало признание прави-

тельством Германии БССР де-юре. В качестве направления сотрудничества БССР и Германии в рапальский период белорусские современные историки обращают внимание на культурные связи [13, с. 24], [14, с. 147], [15, с. 55].

В.А. Космач в своих исследованиях определил направления культурного сотрудничества Советской Беларуси и Германии. Во-первых, научные контакты с теми учеными Советской Беларуси, которые не поддерживали коммунистическую идеологию. Во-вторых, поддержка белорусизации и любой активности белорусской национально-культурной интеллигенции в этом направлении (включая белорусскую эмиграцию в Германии). В-третьих, заинтересованность в развитии научных исследований и художественного творчества в Беларуси [16, с. 124], [5, с. 59].

В.А. Космач отмечает большой вклад Советской Беларуси в советско-германские культурные связи. От Всесоюзного общества культурных связей (ВОКС) было образовано отделение – Общество культурной связи Советской Беларуси с границей, председателем которого стал известный белорусский поэт и государственный деятель Т. Гартный (Д. Жилунович). Оно способствовало распространению немецкой литературы и публицистики в Беларуси. В немецкой прессе появился интерес к БССР, где размещались статьи о белорусском искусстве, театре, певцах, музыкантах и др. [6, с. 110–111], [17, с. 162], [18, с. 175].

Позитивно оценивает развитие культурных и научных связей между БССР и Германией и Д.А. Мигун. Он считает, что в 1920-е гг. данные связи были плодотворными и активными. С немецкой стороны наиболее значительной стала деятельность Товарищества по содействию развитию немецкой науки. С белорусской стороны активностью выделялись Белорусское товарищество культурной связи с зарубежьем, Белорусский государственный университет, Государственная библиотека имени В.И. Ленина. БССР участвовала в различных немецких выставках: «Выставка народных инструментов», «Музыка в жизни народов», книжные выставки и др. [19, с. 44]. Д.А. Мигун констатирует, что Белорусское товарищество культурной связи с зарубежьем, Народный комиссариат просвещения БССР, Инбелкульт, крупнейшие заведения республики организовали заграничные поездки в Германию белорусских ученых для участия в международных конференциях. Деятели науки и культуры были вынуждены проводить идеологическую агитацию, что вызывало недоверие и снижало немецко-белорусские культурные связи [20, с. 46], [21, с. 9].

Белорусские историки отмечают активное печатание белорусской литературы в Германии. Были изданы произведения таких поэтов, как Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, З. Бядуля. В Берлине были напечатаны на белорусском языке «Краткая история Белоруссии», «Древняя история», «Всеобщая история», «Пространный курс истории Белоруссии» и «Историческая хрестоматия» [22, с. 127], [23, с. 49], [24, с. 7], [25, с. 20].

И.А. Сороковик считает, что с начала 1920-х до первой половины 1930-х гг. проходил обмен научной литературой с Германией. Белорусский государственный университет по просьбе университета Гамбурга, Кенигсберга, Берлина отправили «Труды БГУ», университеты Германии передавали Советской Беларуси свои издания на немецком языке [26, с. 213, 214].

В.А. Космач указывает, что значительный вклад в развитие культурных связей СССР и Германии внес белорусский кинематограф. Производился как экспорт, так и импорт кинофильмов, которые были продемонстрированы в обоих государствах. Белгоскино производило закупки в Германии киноаппаратуры, кино-фото товаров и кинофильмов [2, с. 67].

В.А. Космач, Д.А. Мигун отмечают, что в начале 1930-х гг. сопротивление советскому духовному экспорту в Германию значительно возросло, что свидетельствовало об отходе правящих кругов Веймарской республики от рапальской политики и явном усилении прозападной ориентации в ее внешней культурной политике [3, с. 306], [19, с. 88].

В то же время В.А. Космач считает, что развитие культурных связей Советской Беларуси и Германии сдерживала жесткая регламентация, «командируемым ставилась задача пропагандировать белорусскую культуру, и тем самым попытаться внести раскол среди белорусской политической и культурной эмиграции в Германии». Это осложняло процесс духовного сближения двух народов, пишет В.А. Космач [17, с. 167–168], [27, с. 46].

Заключение. Белорусские историки в общем русле постсоветской историографии отмечают, что в 1920–1930 гг. Германия проводила активную внешнюю культурную политику в отношении СССР. Это было обусловлено целым рядом причин и обстоятельств. Историки

пришли к выводу, что в условиях тотального молчания вокруг немецкой науки и культуры Германия сделала выбор в пользу СССР. В таких условиях подписание рапальского договора и стремление СССР к сотрудничеству с Германией явились определяющими факторами активизации научно-технических и культурных связей между обоими государствами, резюмируют ученые. Изоляция в сфере культуры в Германии привела к культурному сотрудничеству с СССР. Германо-советское сотрудничество проходило в следующих формах: подписание и реализация соглашений о технической помощи или книгообмене; эмиграция немецких инженеров и рабочих в СССР; проведение недель различных наук, экспедиций, ярмарок и выставок; издание печатных публикаций; обмен научной литературой. Большое взаимовлияние ощущалось в области музыкального искусства, театра, кинематографа, живописи. Но историки БССР обратили внимание на антисоветский характер германской культурной политики по отношению к СССР, который выражался в антибольшевистских провокациях. Германия и Советская Россия имели богатые традиции в области культурных и научных связей, а также тесную взаимосвязь между немецкими пролетарским искусством и Советской культурой, что культурно обогатило оба государства, резюмируют историки Беларуси. Обоюдная заинтересованность в культурном и научно-техническом сотрудничестве во многом определила успех Рапалло.

После подписания дополнительного советско-германского соглашения от 5 ноября 1922 г. Рапальский договор распространился на союзные РСФСР республики, результатом чего стало признание правительством Германии БССР де-юре. В качестве направления сотрудничества БССР и Германии белорусские современные историки обращают внимание на культурные связи. Внешняя культурная политика БССР и Германии была отмечена активным взаимодействием во всех направлениях науки и культуры, что способствовало обогащению культур двух государств.

Литература

1. Космач, В. А. До и после Рапалло / В. А. Космач. – Витебск : Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003. – 178 с.
2. Космач, В. А. Вклад Белгоскино в развитие германо-белорусских культурных связей в годы Рапалло (1922–1932 гг.) / В. А. Космач // Беларусь и Европа : взаимодействие культур (история, уроки, опыт, современность) : материалы Международной научно-практической конференции. – Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2000. – С. 65–68.
3. Внешняя культурная политика Веймарской Германии в политической жизни страны и на международной арене (1919–1932 гг.) : монография / В. А. Космач. – Витебск : Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2006. – 390 с.
4. Космач, В. А. Внешняя политика Германии в годы Веймарской республики (1919–1933) / В. А. Космач // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – 1997. – № 1. – С. 152–160.
5. Космач, В. А. Накануне и после Рапалло : Беларусь и Германия в 1920-е – начале 1930-х гг. (страницы истории) / В. А. Космач – Псков : ЛОГОС, 2017. – 354 с.
6. Космач, В. А. Советская Беларусь и Германия в 1917–1932 гг. : кампания солидарности, торговля, культурный обмен (уроки истории для современности) / В. А. Космач, Д. В. Романовский. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2001. – 155 с.
7. Крывашэй, Д. А. Інстытуцыяналізацыя знешняй культурнай палітыкі краін Еўропы ў міжваенны час (1919–1939 гг.) / Д. А. Крывашэй // От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг. : Актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и истории международных отношений, социально-гуманитарных наук и права : материалы Международной научной конференции, Витебск, 3–4 октября 2019 г. / редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГПУ им. П.М. Машерова, 2019. – С. 115–117.
8. Космач, В. А. Обмен выставками между СССР и Германией в 1922–1932 годы (из истории советско-германских культурных связей в годы Рапалло) / В. А. Космач // Россия и Германия ; отв. ред. Б. М. Туполев. – М. : Наука, 2004. – Вып. 3. – С. 248–260.
9. Космач, В. А. Внешнеполитический курс Германии во второй половине 1922–1923 гг. Обострение германо-польских отношений. Сближение и враждебность с Москвой / В. А. Космач // История Германии и германский вопрос с древности по современность : исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты : материалы Международной научной конференции / редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : МИТСО, 2009. – С. 114–124.

10. Мезга, Н. Н. В тисках Рапалло : германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н. Н. Мезга. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2010. – 195 с.
11. Мигун, Д. А. Германо-советский торговый договор 1925 г. и его значение / Д. А. Мигун // Вестник Брэскага ўніверсітэта. – 2009. – № 4 (39). – С. 119–122.
12. Мигун, Д. А. БССР в германо-советских политических и экономических отношениях 20-х гг. XX ст. / Д. А. Мигун // Веснік ГДУ імя Янкі Купалы. – 2010. – № 3 (101). – С. 3–8.
13. Мигун, Д. А. Рапальский договор 1922 г. и его влияние на германо-белорусские связи в 20-е гг. XX ст. / Д. А. Мигун // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск : БДУ, 2015. – С. 23–25.
14. Рамановіч, П. С. Тэрыторыя і палітычна-прававы статус ССРБ у 1919–1922 / П. С. Рамановіч // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі : стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця : матэрыялы рэспуб. навук. канф. : у 4 ч. / Пад. рэд. І. П. Крыня [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2003. – Ч. 4. – С. 145–148.
15. Романовский, Д. В. «Белорусский вопрос» во внешней политике Веймарской Германии. Деятельность 4 отдела министерства иностранных дел – секция «weissruthenien» / Д. В. Романовский // Актуальные проблемы германской, российской и белорусской истории и культуры в контексте развития цивилизаций и мировой геополитики XX века : Белорусско-германско-российская международная научная конференция и «круглый стол» «Беларусь и Германия в истории европейской дипломатии и мировой политики XX века: опыт и уроки для современности», Витебск, 6–7 июня 2013 г. / редкол.: В. А. Космач [и др.]. – Витебск : МИТСО, 2013. – С. 53–58.
16. Космач, В. А. Эканамічная і культурная палітыка Германіі ў адносінах да Беларусі ў 1919–1933 гг. (агляд некаторых архіўных крыніц і статыстычных матэрыялаў) / В. А. Космач // Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі: стан і перспектывы : тезісы Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі. – Мінск : БДУ, 1993. – С. 123–127.
17. Космач, В. А. Белорусско-германские культурные связи в 1922–1932 / В. А. Космач // Беларусь і суседзі : шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зборнік навуковых артыкулаў. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008. – С. 162–170.
18. Космач, В. А. Внешняя культурная политика в германской истории новейшего времени / В. А. Космач // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь : у 2 ч. – Мінск : БДУ, 1995. – Ч. 2. – С. 173–178.
19. Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.
20. Мигун, Д. А. Беларусь в политическом, экономическом и культурном германо-советском взаимодействии (1918–1933 гг.) / Д. А. Мигун // Современная научная мысль. – 2015. – № 1. – С. 35–51.
21. Мигун, Д. А. Экспортно-импортная политика советской Беларуси в 20-е гг. XX в. / Д. А. Мигун // Вестник Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2010. – № 1. – С. 9–13.
22. Мигун, Д. А. Проведение промышленных и сельскохозяйственных выставок на территории Германии и БССР в 20–30-х гг. XX в. / Д. А. Мигун // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сборник научных статей : в 2 ч. – Минск : РИВШ, 2009. – Ч. 1. – Вып. 8 (13) ; под ред. В. Ф. Беркова. – С. 120–128.
23. Ермаловіч, В. 3 гісторыі беларуска-нямецкага грамадскага супрацоўніцтва ў 20-х гадах XX ст. / В. Ермаловіч // Беларуская-нямецкая грамадска-культурная ўзаемадзеянне : гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэрыялы Міжнароднага «круглага стала». – Мінск : БГУ, 1996. – С. 46–50.
24. Соколовский, В. Л. Белорусско-немецкие литературные взаимосвязи периода Веймарской республики (1919–1933) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 10.01.03 / В. Л. Соколовский. – Минск, 1997. – 21 с.
25. Ковалева, Л. А. Внешнеполитическая деятельность Советской Беларуси в 1919–1929 гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Л. А. Ковалева. – Минск, 1998. – 26 с.
26. Саракавік, І. А. Беларуская-германскія навуковыя сувязі (1920 – 1930-я гг.) / І. А. Саракавік // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск : МДЛУ, 2017. – С. 212–216.
27. Космач, В. А. Палітыка Рапала і беларуска-германскія гаспадарча-эканамічныя, навукова-тэхнічныя і культурныя сувязі ў 1922–1932 гг. : стан, праблемы і вопыт / В. А. Космач // Беларуская-нямецкая грамадска-культурная ўзаемадзеянне : гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэрыялы Міжнароднага «круглага стала». – Мінск : БДУ, 1996. – С. 39–46.

Возрождение религиозной жизни на Гомельщине в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.)

Л.С. СКРЯБИНА

В статье рассмотрены основные принципы конфессиональной политики немецких властей на оккупированной территории Гомельщины в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.). Особое внимание уделяется возрождению религиозной жизни в Гомельском регионе. Автор приходит к выводу, что интенсивная церковно-приходская жизнь на Гомельщине в годы Великой Отечественной войны свидетельствуют о том, что народные массы и клирики смогли сохранить православные и другие христианские традиции, которые за годы гонений так и не смогли вытравить в душах людей большевики.

Ключевые слова: Гомельщина, оккупация, конфессиональная политика, возрождение, церковь, священнослужитель, религиозная жизнь, Гомельская епархия, старообрядцы, протестанская община.

The article deals with the main principles of the confessional policy of the German authorities in the occupied territory of the Gomel region during the Great Patriotic War (1941–1944). Particular attention is paid to the revival of religious life in the Gomel region. The author comes to the conclusion that the intense parish life in the Gomel region during the Great Patriotic War indicates that the masses and clergy were able to preserve Orthodox and other Christian traditions, which the Bolsheviks could not eradicate in the souls of people during the years of persecution.

Keywords: Gomel region, occupation, confessional policy, revival, church, clergyman, religious life, Gomel diocese, Old Believers, Protestant community.

В результате антицерковной политики, проводимой в СССР в 1920–1930-е гг., все конфессии на территории Беларуси были поставлены на грань уничтожения. Особенно пострадала от атеистического наступления её восточная часть. Репрессии 1937–1938 гг. фактически парализовали церковно-приходскую жизнь на Гомельщине, но не уничтожили её окончательно. Согласно имеющимся сведениям, вплоть до 1939 г. единственным действующим храмом в регионе оставалась Спасо-Преображенская церковь в Гомеле. В 1937 г. Могилёвская епархия, куда входила Гомельщина, была закрыта. В 1939 г. официально действующих церквей в Гомельском регионе не было [1].

Начало Великой Отечественной войны кардинальным образом изменило конфессиональную ситуацию на Гомельщине. После долгих лет атеистического произвола верующие выступали инициаторами открытия храмов, возрождения приходской жизни. Немецкие власти не препятствовали открытию храмов, особенно православных, закрытых советами. В тех сёлах, где церквей не было, церковные службы отправлялись в частных домах или других помещениях, оборудованных под церкви. Например, жители д. Ковчицы Светлогорского района переоборудовали здание кооператива под церковь [2, л. 122]. В Речице в годы немецкой оккупации функционировала православная церковь в городском клубе-театре по ул. Советская [3, л. 1].

Следует также принимать во внимание тот факт, что многочисленные храмы были разрушены при советской власти. Оккупационная администрация, заинтересованная в повышении роли церкви и религии, помогала восстанавливать церковные здания. Свидетельством является ходатайство Ветковского районного управления, адресованное Гомельскому городскому управлению об оказании содействия в выделении 100 листов кровельного железа для ремонта Хальчанской церкви Ветковского района [4, л. 84]. Однако нельзя считать, что немецкие власти руководствовались исключительно нуждами общества, удовлетворяя его просьбы и заявления. Главной причиной было популистское желание завоевать доверие населения, повысить свой авторитет и стимулировать массовую неприязнь к советской «безбожной» власти и ее сторонникам.

Оккупанты учитывали просчеты конфессиональной политики советской власти, в силу чего православное духовенство на оккупированных территориях обрело возможность возвращения к легальному приходскому служению. Среди православных священнослужителей, к

лету 1941 г. проживавших на территории современной Гомельской епархии, необходимо отметить протоиерея Иоанна Севбо (с. Якимова Слобода, ныне Светлогорский р-н Гомельской обл.), иеромонаха Макария (Хорькова) (г. Новобелица, ныне городской р-н Гомеля), священника Леонтия Барсука (с. Свиридовичи, ныне Речицкий р-н Гомельской обл.), священника Михаила Остапенко (д. Романовичи Гомельского р-на.) и священника Николая Шинкевича (с. Светиловичи, ныне Ветковский р-н Гомельской обл.) [5, с. 292].

19 августа 1941 г. Гомель был захвачен немецкими войсками. Вскоре при городской управе оккупационные власти учредили отдел народного просвещения, который возглавил Николай Николаевич Будзилович. До июня 1942 г. этот отдел заведовал всеми делами, связанными с открытием на Гомельщине православных приходов и назначением на них священнослужителей. Заметную роль в организации церковной жизни в Гомеле и его окрестностях в период оккупации города сыграл протоиерей Николай Гейхрех, со временем ставший местным благочинным. По его свидетельству, сразу после вступления в Гомель немцев, богослужения возобновились в кафедральном соборе Святых Апостолов Петра и Павла. В нём поочерёдно стали служить: вначале немцы (по-видимому, лютеране); затем – римо-католики и только в последнюю очередь – православные. Такое положение дел вызвало недовольство среди последних, т. к. храм изначально являлся православным и никогда не использовался в качестве кирхи или костёла. Поэтому православные верующие обратились с ходатайством в городскую управу, чтобы им для проведения служб выделили другое помещение. Такое помещение было предоставлено по улице Советской. Им являлся бывший физкультурный клуб. После ремонта 25 октября 1941 г. в нём освятили храм в честь Святого Великомученика Георгия, настоятелем которого стал протоиерей Николай Гейхрех [6, с. 23–24].

С наступлением зимы немцы освободили кафедральный собор, и православные верующие занялись его ремонтом, изготовлением иконостаса, приобретением необходимой церковной утвари. 17 марта 1942 г. его освятили. 17 декабря 1941 г. старанием верующих в Гомеле возродилась ещё одна церковь, освящённая в честь Святителя Николая. В простонародье она называлась Полесской и обслуживала духовные нужды Залинейного района Гомеля.

Для организации церковной жизни в восточной Беларуси в январе 1942 г. по распоряжению главы Белорусской Православной Церкви (БПЦ) митрополита Пантелеймона (Рожновского) были направлены архимандрит Серафим (Шахмуть) и священник Григорий Кударенко. Благодаря их усилиям произошло открытие Гомельского Петро-Павловского кафедрального собора, Чонского Свято-Успенского женского монастыря, который возобновил свою деятельность 19 августа 1942 г., а также целого ряда приходских церквей. В отечественной историографии называются три церкви, открытые в 1941 г. в г. Гомеле: Георгиевская, Александро-Невская в Новобелице, Свято-Николаевская (Полесская), а также Петро-Павловский кафедральный собор, который освящен 17 марта 1942 г. Однако эта цифра подвергается сомнению известной белорусской исследовательницей Н.Н. Козловой, которая на основании воспоминаний схимонахини Митрофании (Мисько) утверждает, что «в 1941–1943 гг. до её частичного разрушения действовала также кладбищенская Рождество-Богородицкая церковь». В результате чего исследовательница приходит к выводу о том, что в Гомеле в оккупационный период действовало 5 православных церквей [7, с. 22]. Н.Н. Козлова дополняет также официальные данные, в соответствии с которыми в 1941–1942 гг. на Гомельщине было открыто 60 (63) культовых зданий [6, с. 15, 35]. На основании архивных изысканий и материалов полевых экспедиций исследовательница уточняет, что в оккупационный период действовало не 60 (63), как было засвидетельствовано ранее в отечественной историографии, а 102 молитвенных здания [7, с. 20].

В связи с активным возрождением церковной жизни участники Гомельского съезда духовенства, проходившего 28 мая 1943 г., направили ходатайство митрополиту Пантелеиму (Рожновскому) об учреждении самостоятельной Гомельской епархии. Удовлетворив это желание, Предстоятель БПЦ благословил духовное попечение о православных христианах Гомельщины архиепископу Николаю (Автономову), иерарху Украинской Автономной Православной Церкви. Однако по причине выявления факта рукоположения в обновленческом расколе и его брачного статуса в июне 1943 г. был наложен запрет на совершение им богослуже-

ний в действовавших храмах Гомельщины. Вопрос восстановления Гомельской епархии был решен в сентябре 1943 г., а в октябре архимандрит Г. Боришкевич рукоположен в сан Гомельского епископа. Однако выехать в Гомель он не успел по причине наступления Красной Армии в этом направлении. 26 ноября 1943 г. город был освобожден от оккупантов [8, с. 16].

Согласно официальным документам, в 1945 г. в республике считались действующими 1250 православных церквей, из них на долю восточных областей приходилось около 500, в т. ч. 57 в Гомельской области. Часть храмов к тому времени уже успели снять с регистрации. Всего за годы оккупации в Беларуси возродилось 6 монастырей, из них 3 – мужских и столько же женских [9, с. 165], [10, л. 28].

Оккупационные власти предписывали православному населению отмечать церковные праздники по старому стилю, в каждом доме иметь иконы, носить на шее крестики, креститься до и после принятия пищи. Сошлемся на распоряжение Гомельской комендатуры № 551 от 05.06.1942: «...на время военных действий церковные праздники устанавливаются следующие: Новый год, Пасха, Рождество, Троица, еженедельно воскресенье. Все остальные праздники объявить рабочими днями [4, л. 136].

Все ранее осуществлённые гражданские акты объявлялись недействительными. Вводилась церковная регистрация новорождённых детей, их крещение, венчание при бракосочетании, церковные обряды при хоронении умерших. Священнослужители приступили к заполнению метрических книг, в которые вносили записи о рождениях, венчаниях, смерти, вступлении прихожан в религиозные общества и выходе из них.

За регистрацию брака бралась плата в размере 20 руб., новорождённых – 5, смерти – 3 руб. Тех, кто не выполнял эти распоряжения, штрафовали в размере 200 руб., или им нужно было принудительно отработать 12 дней [11, с. 243].

Одним из первых шагов оккупационных властей была регистрация священников. Гитлеровцы должны были иметь точное представление, с кем имеют дело, чего можно ожидать от духовного клира. Все должны были получить право от гебитс-комиссаров на духовную деятельность. При этом кроме личных сведений, конфессиональной и национальной принадлежности, важным условием было свидетельство на политическую благонадёжность.

Организация церковной жизни на оккупированной территории Беларуси проводилась исключительно для местного населения. Что касается немецких солдат, офицеров и служащих органов управления, членов их семей, то им запрещалось посещение учреждений и мероприятий церковных организаций других народов в религиозных целях, а также внеслужебные отношения с их священниками.

Развёртывание деятельности православных храмов остро поставило задачу подготовки кадров священнослужителей. Особый их дефицит ощущался в восточных областях, где до войны духовенство подвергалось тотальным репрессиям. Для подготовки кандидатов на должности церковных служителей создавались курсы. Они работали в Минске, Гродно, Новогрудке, Гомеле, Витебске, Смоленске и Жировичах. С 1941 по 1945 гг. в Беларуси в сан священника были посвящены 213 человек [9, с. 165]. Преодоление острого кадрового кризиса, порожденного антирелигиозными репрессиями 1920–1930-х гг., осуществлялось посредством командирования в восточные белорусские регионы священнослужителей из Западной Беларуси. Одним из них оказался назначенный в 1942 г. благочинным Рогачевского округа протоиерей Александр Хведосюк, в послевоенное время репрессированный по обвинению в сотрудничестве с оккупационной властью [5, с. 293]. Сделаем также ссылку на заявление церковного попечительства Старосельской Свято-Николаевской церкви Ветковского района от 4 сентября 1942 г., направленного в Старосельскую управу: «В связи с тем, что Минским духовным управлением прислан священник для служения в Старосельской церкви, который уже прослужил две недели, просим дать квартиру для семьи священника» [10, л. 82].

Несмотря на это, ощущалась нехватка священнослужителей. В области работало, как сообщается в газете «Новый путь» от 24 апреля 1943 г., только 43 священника, в то время как богослужения осуществлялись в 60 приходах. Такое положение вынуждало духовенство разъезжать по тем приходам, где церковных служителей не было, и проводить богослужения. Подтверждением тому является выдержка из этой газеты: «В последние дни великого поста архи-

мандрит О. Серафим разъезжал по приходам области, в которых не было священников, дабы удовлетворить религиозный голод и жажду православных мирян» [12]. Вместе с тем, необходимо отметить, что наряду с уточнением количества действующих на Гомельщине в период немецкой оккупации молитвенных православных зданий, в исторической литературе также приводятся уточненные сведения о количестве священнослужителей. Обратимся к исследованию Н.Н. Козловой, в котором называется выявленная ею новая цифра – 73 канонических клирика [7, с. 22].

Давая разрешение на открытие православных приходов, оккупационные власти следили за их деятельностью, стремились поставить церковь на службу «новому порядку». Они требовали от духовенства проявления лояльности. Находились в среде духовенства те, кто был готов к активному сотрудничеству с оккупантами, преследуя своекорыстные цели. Так, в Гомеле 20 апреля 1942 г. по распоряжению Городской Управы была совершена служба по случаю дня рождения А. Гитлера [13, с. 22]. Но, как правило, верующие болезненно реагировали на втягивание церкви в пропагандистские кампании нацистов. Неприятное впечатление на православных гомельчан произвела служба в Петро-Павловском соборе, проведенная архиеп. Николаем (Автономовым). Ропот вызвала проповедь, направленная на поддержку фашистского режима, а также странный внешний вид архиерея – безбородый, стриженный, без мантии. 22 июня 1943 г. в годовщину нападения Германии на Советский Союз Николай Автономов на площади при большом стечении народа и в присутствии оккупационных и гражданских властей выступил с проповедью, восхвалявшей Гитлера, как освободителя Европы от большевизма [1, с. 14]. Вскоре выяснилось, что Николай Автономов принадлежал обновленческой церкви и его архиерейство не признано РПЦ. По требованию верующих и большинства православного духовенства Николай Автономов был удален из Гомеля [13, с. 23]. 12 августа 1943 г. в день св. Иоанна-воина в гомельской церкви св. Георгия состоялось моление за «христолюбивое воинство армии-освободительницы, куда многие послали своих детей» (имелась в виду Русская Освободительная Армия) [15, с. 88]. Естественно, подобного рода высказывания и действия отражали точку зрения только тех иерархов, которые пошли на сотрудничество с новыми властями.

Вместе с тем, многие служители культа испытывали ту же судьбу советского народа. Многие священники активно сотрудничали с подпольным и партизанским движением. О деятельности священника Раины Кузьмы Петровича сообщал в своем докладе командир партизанского отряда им. Кирова: «Доставлял в партизанские отряды разведанные, призывал население к оказанию содействия народным мстителям. Проявил себя как подлинный патриот нашей великой Родины» [16, с. 174]. 9 октября 1943 г. священник был арестован нацистами в храме и приговорен к расстрелу. Он чудом спасся, позже служил настоятелем гомельского Петро-Павловского собора. Среди тех, кто помогал партизанам был и настоятель Полесской Николаевской церкви г. Гомеля протоиерей Василий Копычко. В годы войны он служил на Пинщине. Настоятель Мало-Плотницкой церкви Логишинского р-на Пинской обл. протоиерей Александр (Романушко) отказался отпевать полицая, участвовавшего в карательных экспедициях. После его проповеди с призывом покаяться и искупить свою вину перед Богом и людьми несколько полицейских ушли в партизанский отряд [1]. В д. Ярцево на Гомельщине церковь была закрыта по причине того, что население молилось за быструю победу Красной Армии и освобождение от немецко-фашистских захватчиков [17, л. 257].

За связь священнослужителей с партизанами церкви сжигались. По Гомельской области были сожжены церкви в селах Поколюбичи, Бобовичи, Прибытки, Ларищево, Скиток, Заполье, Заболотье, Старое Село, Кистень, в городах Турове и Жлобине. В самом Гомеле были уничтожены церкви Рождества Богородицы и св. Александра Невского, разграблен Петро-Павловский собор. В некоторых случаях церковные здания оккупантами превращались в тюрьмы и концлагеря. В церкви св. Николая Чудотворца с. Романовичи Гомельской области осенью 1943 г. содержалось около 100 заключенных [1]. Всего за годы оккупации по распоряжению немецких властей было сожжено 21 церковное здание [18, с. 75].

Многие священники, за содействие освободительному движению, были отмечены наградами: священник Кузьма Раина – боевыми медалями «За победу над Германией» и «Партизану Великой Отечественной войны» I степени; священник В.В. Бекаревич был награжден Орденом Великой Отечественной войны II степени; священник Василий Копычко – медалями «За победу над Германией» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» [1].

Помимо поддержки лояльных православных священников германская оккупационная власть прибегала к жестоким репрессиям по отношению к тем из них, кто сопротивлялся ей. Из письма протоиерея А. Романушко, посланного осенью 1944 г. митрополиту Алексию, известно, что число православных священников в Полесской епархии уменьшилось на 55 % в связи с массовыми расстрелами их оккупантами за содействие партизанам [16, с. 123]. Выносили священникам за совместную работу с оккупантами смертные приговоры и партизаны. За годы войны ими были убиты 42 православных священника [9, с. 168]. Сейчас трудно установить, насколько обоснованы были действия партизан. Якобы за сотрудничество с СД были арестованы гомельские миссионеры архимандрит Серафим (Шахмуть) и священник Григорий Кударенко. На допросах архимандрит Серафим не скрывал, что в проповедях обличал безбожную власть большевиков, однако это не означало одобрения им нацизма. Особым Совещанием НКВД СССР 7 июля 1945 г. оба миссионера получили по 5 лет исполнительно-трудовых лагерей. 5 марта 1946 г. архимандрит Серафим скончался в лагере по официальной версии от сердечного приступа. Священник Григорий Кударенко, вернувшись из заключения, принял постриг с именем Игнатий в Жировицком Успенском монастыре, где и скончался в 1984 г. в возрасте 89 лет [13, с. 28].

Возрождение церковной жизни отразилось и на немногочисленных «непоминающих» общинах, получивших возможность выйти из подполья и на легальных началах организовать свои приходы. Среди «непоминающих» священнослужителей Гомельщины, пострадавших от советских политических репрессий и вернувшихся к открытому служению во время немецкой оккупации необходимо отметить иеромонаха Антония (Манина) (д. Причалесня, ныне Чечерский р-н Гомельской обл.), иеромонаха Феофиста (Ганжу) (с. Речки Ветковского р-на Гомельской обл.), иеромонаха Иоанна (Матвеевко) (д. Бобовичи Гомельского р-на), священника Феодора Рафановича (м. Городец Рогачевского р-на и ряд деревень Ветковского р-на Гомельской обл.). Некоторые представители «правой» церковной оппозиции, подвергавшиеся репрессиям со стороны советской власти, получили иерейское рукоположение в условиях оккупации. Среди них священник Андрей Попович, совершавший служение в селах Речки и Шерстин Ветковского района Гомельской области. В 1940-е гг. наблюдался процесс отхода некоторых «непоминающих» священнослужителей от «правой» церковной оппозиции. Так, в 1942 г. «непоминающий» диакон Антоний Прищепов перешел в юрисдикцию БПЦ и был рукоположен в сан священника, а в 1948 г. иерей Андрей Попович через перерукоположение воссоединился с Московским Патриархатом [5, с. 295].

Факт оккупации не могли не использовать сторонники старообрядческой церкви. Наиболее активно проводили религиозную деятельность старообрядцы в Гомеле, Ветковском и Добрушском районах. Например, в Гомеле с 1942 г. функционировала старообрядческая Ильинская церковь и молитвенный дом в Ново-Белице в квартире священника И.Д. Мурыгина. В 1941 г. возродили религиозную деятельность две старообрядческие церкви в Добрушском районе: Никольская в д. Слобода Огородная и д. Джун-Буда. В Ветковском районе, согласно архивным данным, осуществляли религиозную деятельность пять старообрядческих общин. Общины старообрядцев были довольно многочисленны. Примером тому является количество верующих в старообрядческой Ильинской церкви. За весь период оккупации их количество выросло до 300 человек, в д. Джун-Буда – до 170 человек, Никольская церковь объединяла 50 хозяйств [19, л. 18].

Оккупация содействовала возобновлению религиозной жизни и протестантских общин на Гомельщине. Новые власти не вмешивались во внутреннюю жизнь общин. Не противодействовали открытию молитвенных домов и деятельности вновь возникающих объединений верующих. Так, если в 1941 г., прекратившая деятельность община христиан-баптистов д. Юркевичи Житковичского района, провела водное крещение трех человек, то в 1942 г. – тридцати. За годы войны община евангелистских христиан-баптистов в д. Кошалёво Буда-Кошелёвского района выросла до 109 человек. С помощью пресвитера П. Дятуть-Малея для протестантских верующих были изданы молитвенники на белорусском языке [9, с. 173]. Идеи протестантизма имели своих сторонников и в других районах Гомельщины. Оккупационные власти не препятствовали деятельности общин евангелистских христиан-баптистов в Речице, Уваровичах, д. Осиповка Чечерского района, д. Уть Тереховского района, возникших в 1941–1943 гг. Баптистам удалось склонить в свою веру немало людей старшего поколения, которые изначально исповедовали православие. Только община д. Уть Тереховского района объединяла 142 человека [19, л. 18].

Таким образом, с начала немецкой оккупации в условиях невероятных трудностей, многих лишений и невзгод, начался процесс возрождения церковной жизни Беларуси, в т. ч. на Гомельщине. Интенсивная церковно-приходская жизнь на Гомельщине в годы Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что народные массы и клирики смогли сохранить православные и другие христианские традиции, которые за годы гонений так и не смогли вытравить в душах людей большевики. В пределах Гомельщины в период оккупации было открыто 102 православных культовых зданий, в которых богослужение осуществляли 73 священника. Оккупация содействовала также религиозной жизни протестантских общин. Оккупационные власти не препятствовали деятельности общин евангелистских христиан-баптистов, которым удалось склонить в свою веру немало людей, изначально исповадовавших православие.

Литература

1. Грищенко, И. А. Возрождение церковной жизни на оккупированной территории БССР и Гомельщины в годы Великой Отечественной войны: урок патриотизма [Электронный ресурс] / И. А. Грищенко. – Режим доступа : <https://mroc.pravobraz.ru/grishhenko-i-a-vozrozhdenie-cerkovnoj-zhizni-na-okkupirovannoj-territorii-bssr-i-gomelshhiny-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-urok-patriotizma/>. – Дата доступа : 30.10.2022.
2. Национальный архив Республики Беларусь Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 22.
3. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 7.
4. ГАГО. – Ф. 1316. Оп. 1. Д. 4.
5. Слесарев, А. В. Гомельская Православная Епархия в первой половине XX века : образование, развитие, ликвидация / А. В. Слесарев // Труды Минской духовной академии. – 2016. – № 13. – С. 269–305.
6. Слесарев, А. В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953) : биографический справочник / А. В. Слесарев. – Минск : Минская духовная академия, 2017. – 336 с.
7. Козлова, Н. Н. Об особенностях восстановления церковной жизни на Гомельщине в 1941–1943 гг. / Н. Н. Козлова // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2019. – № 1 (112). – С. 20–25.
8. Грыцкевіч, А. Праваслаўная царква ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / А. Грыцкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 5. – С. 12–17.
9. Новицкий, В. И. Религиозная жизнь Беларуси в военные годы (1941–1945) / В. И. Новицкий // Беларусь. 1941–1945 : Подвиг. Трагедия. Память : в 2 ч. – Минск : Бел. навука, 2010. – Ч. 2. – С. 160–174.
10. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 42.
11. Скрабіна, Л. С. Штодзённасць пад акупацыяй (1941–1944) (паводле нямецкіх трафейных матэрыялаў) / Л. С. Скрабіна // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф. – Мінск : МДЛУ, 2010. – Вып. 8. – С. 242–248.
12. Новый путь. – 1943. – 24 апреля.
13. Кривонос, Ф. П., протоирей. Незабвенный Пастырь Преподобномученик Серафим Жировицкий / протоирей Ф. П. Кривонос. – Минск : Врата, 2016. – 52 с.
14. Новый путь. – 1943. – 26 июня.
15. Глушаков, Ю. Э. Пропагандистские усилия нацистско-оккупационного режима на Гомельщине в годы Второй мировой войны / Ю. Э. Глушаков // Гомельшчына ў Вялікай Айчыннай вайне : матэрыялы навук.-практ. канф., прысвеч. 60-годдзю Вялікай Перамогі ; рэдкал.: В. А. Міхедзька (адказ. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГГУ ім. Ф. Скарыны, 2005. – С. 83–95.
16. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Вече, 2010. – 480 с.
17. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 25.
18. Силова, С. В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / С. В. Силова. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 105 с.
19. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 1. Д. 6.

Филология

УДК 821.161.1-31*А.И.Куприн:821.161.3-32*Ядвигин Ш.

Повесть А.И. Куприна «Поединок» и рассказ Ядвигина Ш. «Мустафа»: опыт сравнительного анализа

И.Б. АЗАРОВА, М.А. ПИСПАНЕН

Предметом исследования статьи является сравнительный анализ повести «Поединок» известного русского писателя-реалиста рубежа 19–20 вв. А.И. Куприна и рассказа «Мустафа» зачинателя белорусской прозы Ядвигина Ш. Несмотря на некоторые различия этих произведений, они имеют много общего: многомерную смысловую глубину, безысходную трагичность, четкое акцентирование и реалистичное отражение современных этим авторам проблем, финал. Социальный конфликт (человек и общество, угнетение и эксплуатация человека человеком) разрешается трагически, но рождает в «маленьком» человеке самоосознание чести, гордости и достоинства, что, несомненно, идет от уроков гуманизма русской классической литературы.

Ключевые слова: А.И. Куприн, Ядвигин Ш., сравнительный анализ, социальный конфликт, тема «маленького» человека, гуманизм, русская классика.

The subject of the research of the article is a comparative analysis of the story «The Duel» by the famous Russian realist writer of the turn of the 19th–20th centuries A.I. Kuprin and the story «Mustafa» by the founder of Belarusian prose Yadvigin Sh. Despite some differences between these works, they have much in common: multidimensional semantic depth, hopeless tragedy, clear emphasis and realistic reflection of contemporary problems of these authors, the finale. The social conflict (man and society, oppression and exploitation of man by man) is resolved tragically, but gives rise in the «little» person to self-awareness of honor, pride and dignity, which undoubtedly comes from the lessons of humanism in Russian classical literature.

Keywords: A.I. Kuprin, Yadvigin Sh., comparative analysis, social conflict, the theme of the «little» person, humanism, Russian classics.

Предметом исследования статьи является сравнительный анализ повести «Поединок» известного русского писателя-реалиста рубежа 19–20 вв. А.И. Куприна и рассказа «Мустафа» зачинателя белорусской прозы Ядвигина Ш.

Оба произведения вышли в печать приблизительно в одно время. Повесть А.И. Куприна была опубликована в 1905 г. (уже в июне этого года появился первый отзыв восхищенного М. Горького), рассказ Ядвигина Ш. – в апреле 1905.

Тема двух произведений посвящена изображению судьбы «маленького человека»: интеллигентного и образованного молодого офицера и такого же молодого солдата-денщика.

Круг проблем, поднятых авторами в этих произведениях, весьма распространен и актуален для того времени: развращенный и пошлый мир военного полка, расположенного далеко от цивилизации, жесткая муштра и «местечковые» нравы офицерства, которые вступают в неразрешимый конфликт с идеализированными и романтическими представлениями юного офицера повести Ромашова и его сверстника денщика Мустафы, героя рассказа.

Однако есть еще один персонаж, представляющий гораздо больший интерес для исследования: денщик молодого офицера по имени Гайнан. Сразу же обращают на себя внимание явные аллюзии образа Мустафы с образом денщика Гайнана из повести А.И. Куприна «Поединок». Именно эти персонажи – денщики Гайнан и Мустафа – весьма привлекательны для литературоведческого анализа.

С точки зрения дефиниции, два произведения принадлежат к эпическому роду, по жанру «Поединок» А.И. Куприна является повестью, а «Мустафа» Ядвигина Ш. – рассказ. Их связывает общность темы – это показ жизни «маленького человека». Поэтому и круг про-

блем, поставленный в произведениях, сопряжен с ней: всевозможные испытания, через которые проходят герои, поиск смысла жизни, влияние социальных факторов на жизнь и судьбу человека. Объединяющей идеей (или авторским решением комплекса проблем, поставленных в произведении) для повести А.И. Куприна и рассказа Ядвигина Ш. станет самоосознание чести, гордости и человеческого достоинства, независимо от происхождения, вероисповедания, воинского звания, возраста...

Своё повествование Ядвигина Ш. ведёт последовательно: от встречи с героем до его смерти. Для рассказа характерна внутренняя динамика, что достигается быстрой сменой событий. Используемые приёмы: описание, диалог и умолчание. Автор не говорит о гибели персонажа, а лишь приводит сухую статистику: отсутствие Мустафы среди уцелевших.

А.И. Куприн рассказывает согласно хронологии событий. Автор свободно описывает предметы и психологические явления и состояния героев. В его арсенале такие приёмы, как повествование, описание, диалоги, внутренний монолог, письменный документ (финал повести – военный рапорт).

Повесть и рассказ начинаются с описания места происходящих событий, расстановки действующих лиц, истории жизни персонажей; в центре повествований находится человеческая личность, относящаяся к восточному типу по национальной принадлежности и ментальности – Гайнан и Мустафа.

Временная организация произведений такова: действия рассказа охватывают события двух лет. Несмотря на жанр и большой объём, происходящее в повести ограничивается двумя месяцами – с начала апреля до 2 июня.

Художественное полотно произведений отражает одну историческую эпоху России, когда господствует власть имущих. Дворяне имели средний доход или служили в армии. Ведь иметь офицерское звание считалось и почётно, и прибыльно. Как правило, у офицеров были в личном подчинении солдаты – денщики, которые выполняли разные обязанности в зависимости от статуса или офицерского звания хозяина.

Хозяин Мустафы – капитан, Гайнана – подпоручик. Сходство в том, что оба хозяина военные. Различия: «...капитан ничего; со всей своей ротой жил он в темных ладах, как ни один из его товарищей сослуживцев» [1, с. 333], подпоручик Ромашов не имел добрых отношений и понимания со всеми офицерами: «Не первый раз за полтора года офицерской службы испытывал он это сознание своего одиночества и затерянности среди чужих, недоброжелательных или равнодушных людей» [2].

Часто денщики были именно «восточного типа». В тексте А. Куприна и Ядвигина Ш. денщики – черемисы. Оба персонажа молодые люди. Их характеризуют приблизительно одинаковые черты. Например, Мустафе свойственны невозмутимость, настойчивость, спокойствие, терпеливость, сердечность, преданность, самопожертвование, доброта, привязанность. Гайнан в повести А. Куприна «...был весел, подвижен и неуклюж, как молодой щенок» [2], «...он все время улыбался от удовольствия и, по своему обыкновению, приплясывал на месте» [2].

Оба родом с Востока: «Гайнан был черемис, а по религии – идолопоклонник» [2], у Мустафы «молодого статного восточного типа рядового...в ауле мать есть...сына отобрали...сюда прислали...» [1, с. 333–336].

А. Куприн и Ядвигин Ш. выдвигают на основной план идолопоклонство, которое как нельзя лучше характеризует Гайнана и Мустафу, людей с Востока. «Его (Гайнана) святыней стал засиженный мухами и уродливо исполненный бюст А.С. Пушкина, который скорее изображал старого еврейского маклера, а не великого русского поэта. Этот “белый господин”, выпрошенный у Ромашова и получивший фамилию Бесиев... был вымазан маслом, и горевшая перед ним свеча бросала глянцевитые пятна на нос, на толстые губы и на жилистую шею. Сам же Гайнан, сидя по-турецки на трех досках, заменявших ему кровать, качался взад и вперед и бормотал нараспев что-то тягучее и монотонное» [2].

Герой Ядвигина Ш. тоже испытывает необходимость чему-то поклоняться. Мустафа боготворит мать и в ее образе всех женщин преклонного возраста: «...волосы – что поседали – похожа на твою мать – такую люби... добр, Мустафа, будешь... Его любовь и привязанность к матери служили как бы речательством, что на такого человека можно положиться» [1, с. 336].

Оба денщика вкладывали своеобразный смысл в понятия «долг» и «верность» престолу и родине: Мустафа ревностно служил семьям офицеров, а в бою выполнял роль щита, закрывая собой хозяина. Для Гайнана и других новобранцев полковой адъютант поднес поочередно «хлеба с солью на острие пашки, и те, не касаясь хлеба руками, взяли его ртом и тут же съели. Символический смысл этого обряда был, кажется, таков: вот я съел хлеб и соль на службе нового хозяина, – пусть же меня покарает железо, если я буду неверен» [2]. К своим хозяевам денщики тоже относились по-своему одинаково. «Мустафа, несмотря на свою фамильярность... позволял себе иногда журить капитана и старушку... высказывал попечение и заботливость об их здоровье и удобствах» [1, с. 337]. Попав от капитана в денщики к жене военного врача, Мустафа «очутился и нянькой, и хозяйкой, и лакеем, и поваром» [1, с. 338].

Денщик Мустафа, впрочем, как и Гайнан, являются примером мягкотелости и беспринципности, воплощением покорности и всепрощения. Денщики безропотно исполняли возложенные на них обязанности. Их образы нарисованы приблизительно одинаково. Понимая свое зависимое положение, они научились мириться с ним и даже находить в этом удовольствие. В повести отражен случай, ярко демонстрирующий всю тяжесть жизни и зависимое положение человека от своего хозяина, от которого денщик вынужден терпеть унижения и побои: «Знаете ли, при мне Арчаковский так бил своего денщика... . Потом кровь оказалась не только на стенах, но и на потолке. А чем это кончилось, хотите ли знать? Тем, что денщик побежал жаловаться ротному командиру, а ротный командир послал с запиской к фельдфебелю, а фельдфебель еще полчаса бил его по опухшему, кровавому лицу» [2].

Таким образом, положение денщика целиком зависело от хозяина. Но в повествовании Куприна не все денщики обижены. Автор изображает и «типичного командирского денщика»: «...с благообразным наглым лицом, с масляным подбородком с боку головы» [2]. Говорил он «почтительным тоном, но в то же время дерзко, даже чуть-чуть прищуриваясь, глядя прямо в глаза...» [2].

Портрет своего героя Ядвига Ш. рисует так: Мустафа «молодой, статный, восточного типа рядовой» [1, с. 333]. Герой раскрывается через характеристики автора: «...ни пороха, ни даже самовара, я уверен, Мустафа никогда бы не выдумал, но так уж на роду, над полагать, было написано, что его все любили» [1, с. 333], «подозрительно взглянул» [1, с. 334], «невозмутимо настаивал» [1, с. 334], «спокойным голосом» [1, с. 334], «оценили эту добрую, простую душу» [1, с. 337], капитан убедился, что он «предан и заботлив» [1, с. 334], «дело свое исполнял бойко» [1, с. 334], «принялся с обычным усердием за дело» [1, с. 334].

Портрет героя денщика в повести А. Куприна: Гайнан появляется в тексте после призыва хозяина: «В сенях что-то грохнуло и покатилося, должно быть, самоварная труба, в комнату ворвался денщик, так быстро и с таким шумом отворив и затворив дверь, точно за ним гнались сзади» [2]. Такого оценочного описания, как у Ядвига Ш., нет. Гайнан раскрывается через реплики и действия. Куприн отводит описанию денщика несколько строк, причем портрет героя детально не очерчен.

Автор говорит лишь об отношениях Ромашова с денщиком: «Между офицером и денщиком давно уже установились простые, доверчивые, даже несколько любовно-фамильярные отношения» [2].

Натура Гайнана раскрывается через его действия, привычки. Он при виде офицера «приплясывал на месте» [2]. Этому факту Куприн придает, видимо, особое значение, так как повторяет это неоднократно. При встрече с хозяином Гайнан радуется, что говорит о том, что он смирился с давнишним положением и даже научился радоваться от общения с Ромашовым.

Речь героев повести и рассказа сходна. Одинаково используется русская разговорная речь с нарочитыми фамильярными элементами. Мустафа обращается со старой барыней как с родной матерью. В его нотках чувствуются повелительные нотки. У Мустафы более резкие и властные, чем у Гайнана. Последний проявляет суетливость и робость. У Мустафы было любимое, давно заученное выражение: «рад стараться» [1, с. 333], у Гайнана – «точно так», «никак нет», «здравия желаю» [2].

Автор повести не является непосредственным участником и рассказчиком событий. Его персонажи развиваются словно самостоятельно. Ядвига Ш. ведет повествование от своего

лица, его авторская позиция ярко выражена: «...ни пороха, ни даже самовара, я уверен, Мустафа никогда бы не выдумал, но так уж на роду ему, надо понимать, было написано, что все его любили...» [1, с. 333].

Стиль авторского изложения у Ядвигина Ш. лаконичен, отсутствуют подробные описания внутренних переживаний героя. Язык непреднамеренно упрощен. Встречается много разговорной лексики: «нахлобучка» [1, с. 339], «проклятая яичница» [1, с. 340]; очень много риторических вопросов: «А как наказали-то...?» [1, с. 341], «а что вышло...?» [1, с. 341], «Какое же наказание постигло бедного Мустафу?» [1, с. 341].

Манера изложения у Куприна иная: он выступает как истинный знаток человеческой души с ее устремлениями и переживаниями, поэтому и лексические ориентиры отличны: большое количество специальной лексики, есть много необычных сочетаний слов, в том числе и разговорного характера: «...да, впрочем, тут и забывать нечего», «весь секрет-то в том...», [2], интересных сравнений: например, Гайнана сравнивает с молодым щенком.

О таланте «мелочей жизни» и «зверином обонянии» [цит. по: 3] И.А. Куприна говорил еще Мамин-Сибиряк, а Л.Н. Толстой замечал, что «главное в искусстве чувство меры... Достоинство Куприна в том, что нет ничего лишнего» [4, с. 17].

Несмотря на некоторые различия этих произведений, они имеют много общего: многомерную смысловую глубину, безысходную трагичность, четкое акцентирование и реалистичное отражение современных этим авторам проблем, финал. Социальный конфликт (человек и общество, угнетение и эксплуатация человека человеком) разрешается трагически: «Разве так можно поступать человеку с человеком? Он именно теперь более, чем тогда, чувствовал, что он такой же человек...» [1, с. 342]. Наказание стойкой «на караул» с кочергой вместо ружья возвращает Мустафе самоосознание чести, гордости и человеческого достоинства. Такая точная зарисовка, столь маленький штришок, но сразу же раскрывающий суть, идет, несомненно, от уроков гуманизма русской классической литературы.

Литература

1. Ядвігін, Ш. Выбраныя творы / Ш. Ядвігін – Мінск, 1976. – 271 с.
2. Куприн, А. И. Поединок [Электронный ресурс] / А. И. Куприн. – Режим доступа : <https://ilibrary.ru/text/1201/p.2/index.html>. – Дата доступа : 20.02.2022.
3. Куприна, К. А. Куприн – мой отец / К. А. Куприна. – М. : Сов. Россия, 1971. – 256 с.
4. Толстой, Л. Н. Повести и рассказы / Л. Н. Толстой ; вступ. статья К. Ломунова. – М. : Худож. лит., 1986. – 652 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 17.06.2022

Проблемы перевода в лингвокультурном аспекте

Л.И. БОГАТИКОВА

В статье рассматриваются проблемы перевода в лингвокультурном аспекте, объясняются трудности перевода, связанные с различиями между разными языковыми системами, обусловленными культурными особенностями и представлениями о предметах и явлениях реального мира. Анализируются данные культурно-языковые различия, исходя из позиций национально-культурных особенностей восприятия, интерпретации и оценки окружающей действительности. Проводится сравнительный анализ способов и моделей перевода, доказывається эффективность использования ситуативной модели перевода.

Ключевые слова: перевод, культурные различия, способ перевода, ситуативная модель перевода, языковая система, интерпретация, восприятие действительности.

This paper considers the issue of translation based on the cultural peculiarities of perception, interpretation and assessment of environment and reality awareness. The language and cultural differences as well as of translation methods that should be taken into account while translating from the source-language into target language and vice versa are analyzed. The effectiveness of situational model of translation is proved.

Keywords: translation, cultural differences, translation method, situational model of translation, language system, interpretation, perception of reality.

Переводческая деятельность представляет собой довольно сложный процесс. Перевод не означает простой подбор соответствующего эквивалентного значения слов или использование дословного перевода, который наиболее приемлем лишь при передаче терминологических значений, т. е. терминологии. К тому же не всегда возможен подбор эквивалентного значения и адекватная передача целого смысла предложения. Это объясняется наличием существенных различий в языковых системах, хотя на первый взгляд можно заметить и ряд некоторых универсальных языковых явлений и значений. Эти различия проявляются как в грамматическом, так и лексическом строе языковой системы, включая и прагматический аспект.

Особенно трудными для перевода являются такие специфические грамматические явления, отсутствующие в русском и белорусском языках, как, Complex object (сложное дополнение) в структуру которого входит местоимение в объектном падеже или существительное в общем падеже и глагол / причастие, а переводится на русский язык придаточным предложением с союзами *чтобы* и *как*, что весьма непривычно для представителя русскоязычной культуры и непонятно, почему так говорят представители англоязычной культуры, например:

I want you to send me a message. – Я хочу, *чтобы* вы прислали сообщение.

I saw him enter the room. – Я видел, *как* он вошел в комнату.

I saw him entering the room. – Я видел, *как* он *входил* в комнату.

Еще более непонятным для будущего переводчика является грамматическое явление Complex subject (сложное дополнение), структура которого усложняется тем, что в нее входит две части подлежащего – существительное / местоимение и инфинитив, между которыми находится сказуемое:

He was thought to be honest and kind. – Его считали честным и добрым человеком.

She is sure to be asked about it. – Ее наверняка об этом спросят.

Не поддаются пониманию и, соответственно, переводу некоторые видо-временные формы глагола, а также неличные формы инфинитива и причастия, наиболее специфичные для английского языка.

Окружающая действительность в восприятии и понимании времени и пространства представителя англоязычной культуры делится на более мелкие отрезки времени (отсюда возникают такие временные формы, как формы совершенного, длительного, длительного совершенного вида), а пространство представляется в другой системе измерения (в милях, футах, ярдах, акрах, фунтах, галлонах и проч.). Таким формам при переводе на русский язык

невозможно найти соответствие, и поэтому обычно используется прием внутреннего членения с использованием придаточного предложения или отдельным предложением, особенно, когда в английском предложении встречается перфектная форма инфинитива или пассивная:

They are glad to have come. – Они рады, что пришли.

В этом предложении перфектная форма инфинитива переводится прошедшим временем, чтобы подчеркнуть, что действие уже произошло.

The workers went on strike to be arrested by the police. – Рабочие устроили забастовку и были арестованы полицией.

В данном предложении пассивная форма инфинитива переводится так же, как и в английском языке, страдательным залогом отдельным предложением.

Что касается лексического строя языковой системы, следует отметить, что языковая эквивалентность не является абсолютной, поскольку она обусловлена культурными представлениями, т. е. слово как единица языка соотносится с неким предметом или явлением реального мира [1, с. 56–60], образы которых в языковом сознании индивида могут быть совершенно разными. Так, например, образ дома в сознании эскимоса будет представлен в виде куполообразной снежной хижины, сделанной из снежных или ледяных блоков; для китайца – в виде деревянного дома с изогнутой крышей, раздвижными дверями и рулонными шторами из бамбука; для англичанина – это коттедж – дом, который имеет крышу со множеством скосов, с кровлей из черепицы, с крутыми скатами и обязательным дымоходом; вдоль стен дома всегда высаживаются вьющиеся растения; в отделке фасадов чаще всего используется камень и штукатурка. Несмотря на то, что сейчас в нашей культуре, в основном, все живут в квартирах в многоэтажных домах, как показал опрос, в сознании белорусского студента образ дома – это одноэтажное небольшое здание, часто окруженное забором, с двускатной крышей, с трубой, из которой вьется дым.

Как видим, в каждой культуре, несмотря на универсальность объективного мира и явлений, национально-специфическая составляющая занимает большую часть и играет очень важную роль в языковом сознании индивида.

Исследователи-лингвисты отмечают, что слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. Понятие же составляется на уровне обобщения неких основных признаков, образующих это понятие, и поэтому представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различием истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания [1, с. 40]. Именно язык реализует, вербализует национальную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение. Язык фиксирует не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все. Поэтому представители разных культур воспринимают, понимают и интерпретируют окружающую действительность по-разному, чем и объясняются различия в культурных и языковых картинах мира.

В каждом языке как зеркале культуры встречаются так называемые безэквивалентные (*official family, money laundering, hard sell, Wedgewood, parking ticket, big wig*; *изба, далёкий хутор на Урале, навой поплыла, маршрутка, «автомат»* и др.) и лакунарные слова (*bank – shore, dottle* (остаток недокуренного табака в трубке), *stillbirth, househusband, barrister*), которые наиболее ярко отражают особенности данной культуры, жизни и быта народа, его ценности, их языковую и культурную картину в целом.

Наличие безэквивалентной и лакунарной лексики обусловлено особенностями восприятия действительности представителями разных культур и отражением этого восприятия в языке и конкретно в слове. Следует также отметить разную языковую вербализацию определенного предмета, концепта в разных культурах, который может не только обозначаться разными словами, но также и вызывать разное представление о нем у представителей разных лингвокультур (возьмем, к примеру, концепты «дом», «стол» и др., что можно было видеть на примерах, данных выше). Иными словами, в лексике зафиксирован культурный компонент семантики слова. Адекватного и точного понимания и, соответственно, перевода безэквивалентной лексики можно достичь, только зная особенности восприятия и мышления представителей других лингвокультур.

Данные слова (безэквивалентная и лакунарная лексика) являются наиболее трудными для понимания и, конечно, для перевода, поскольку они специфичны и уникальны; они репрезентируют в языке представления о действительности, ее восприятие и интерпретацию. Для их перевода необходимо владеть фоновыми знаниями, причем разного характера: страноведческими, историко-культурными, этнокультурными, социокультурными, семиотическими и др., например, следующие слова и выражения невозможно перевести, не владея фоновыми знаниями:

backbencher – заднескамеечник – рядовой член парламента = член парламента, занимающий задние скамьи, т. е. член правящей партии, который не является членом кабинета министров, либо член оппозиционной партии, который не входит в состав теневого кабинета;

Wedgewood – фарфор и фаянс английской фабрики Веджвуд;

car boot sale / garage sale – распродажа вещей домашнего обихода из багажника автомобиля (на пустыре или в парке).

Еще больше трудностей в переводе вызывает наличие не только безэквивалентной лексики и лакун, но и большое количество выражений, которые на первый взгляд могут показаться вполне понятными, но, с другой стороны, трудно переводимыми. Ср.:

And when I was finished, all I was left with was an empty heart. – И когда я закончила, то у меня осталась лишь пустота в душе.

Но: *I am finished* в предложении *But I was not to be finished off so soon, though my hands were black and blue.* = Но я не собирался сдаваться / меня нелегко было сломить, хотя мои руки были в синяках.

I understand that the person who actually committed these crimes is dead. – Я так понимаю, тот человек, который в действительности совершал все эти преступления, мертв.

Но: *I am dead to the world* = *I'm beat* = *Очень устал*; *очень хочется спать*; отключился; спать без задних ног (досл. Я мертв для мира).

Конечно, в большой степени на определение значения слова и его перевод влияет контекст. Однако не всегда контекст может помочь правильно понять и перевести не только конкретные слова, но все предложение в целом. Особенно это касается различных указателей, объявлений, призывов, афиш, вывесок, которые хоть и помогают человеку ориентироваться в окружающей действительности, с одной стороны, с другой, – затрудняют их понимание, так как для них характерна клишированность, краткость, использование национально-специфических стилистических средств и приемов (метафор, метонимии, игры слов, рифмы и проч.).

No through road for motor vehicles.

Dogs must be carried.

Road up.

Situations vacant.

Для английского языка специфично наличие многосложных словосочетаний, в состав которых может входить не только 2–3 слова, но целые предложения; причем предложение в данном случае может служить определением одного слова:

He is a quick-to-take-offence man. – Он человек, который легко обижается.

It's a real end-of-the-world feeling. – Ощущение конца света.

There was a wouldja-mind-lettin-us-do-our-job undertone in his voice. – В его голосе звучал скрытый смысл: «Не мешали ли бы вы нам заниматься своей работой?», где слово *undertone* является определяемым, а предложение *wouldja-mind-lettin-us-do-our-job* – определением.

Не менее трудными для перевода представляются также и различные фразеологические единицы, основой которых является переосмысление всего лексико-грамматического состава или одного из компонентов. В связи с данной особенностью фразеологизмов, в частности, переосмысления, на которое накладывает отпечаток зависимость прикрепления культурных смыслов к фразеологической единице от особенностей восприятия и интерпретации действительности представителями данной лингвокультуры и ее вербализации в языке, перевод фразеологизмов представляет собой довольно сложный процесс. Невозможность вывести значение фразеологизма из совокупности прямых значений входящих в него слов свидетельствует о том, что перевод фразеологизмов совсем не так прост, как кажется на первый взгляд.

a dead letter – не применяющийся, но еще не отмененный закон, устаревший закон; письмо, не востребованное адресатом;

a dead-end job – бесперспективная работа, тупиковая должность;

a dead wire – обесточенный провод;

in high summer – в разгаре лета и др.

В переводческой деятельности выделяют различные способы (транскрипция, транслитерация, калькирование, переосмысление, грамматико-синтаксическое преобразование предложения, различные замены, добавления, опущения, антонимический перевод, описательный перевод и проч.) и модели (трансформационная, семантическая, коммуникативно-функциональная, информативная) перевода.

С лингвокультурологической точки зрения наиболее приемлема в таких случаях ситуативная модель перевода. Ситуативная (денотативная) модель рассматривает процесс перевода как процесс описания при помощи языка перевода той же ситуации, которая описана на языке оригинала.

Воспринимая текст оригинала, переводчик отождествляет составляющие этот текст единицы с известными ему языковыми единицами ИЯ и, интерпретируя их значение в контексте, выясняет, какую ситуацию реальной действительности описывает оригинал. После этого переводчик описывает эту ситуацию на языке перевода [2].

При использовании ситуативной модели процесс перевода осуществляется от текста оригинала к реальной действительности и от нее к тексту перевода [2]. Более того, В.Н. Комиссаров считает, что окружающая нас реальная действительность едина для всего человечества. Общность окружающего мира, биологической структуры, производственных и жизненных процессов у всех людей, независимо от их языковой принадлежности, приводит к тому, что все люди обмениваются мыслями, в основном, об одних и тех же явлениях действительности, и поэтому любая мыслимая ситуация может быть с одинаковым успехом описана с помощью любого развитого языка [2, с. 159]. Иными словами, любую ситуацию действительности, какими бы языковыми средствами она ни была репрезентирована в иноязычной культуре, можно передать средствами другого языка. Ср.:

Obstructing the door causes delay and can be dangerous. – Не прислоняйтесь к двери. – Заслонять дверь опасно.

Please, give up this seat if an elderly or handicapped person needs it. – Пожалуйста, уступите эти места пожилым и инвалидам.

Anyone interfering with the driver of this bus will be prosecuted. – Отвлекать водителя запрещено во время движения.

Do not alight from the bus whilst it is in motion. – Выходить из автобуса во время движения – запрещено.

Wet paint. – Осторожно – окрашено.

Fragile. – Осторожно – стекло.

No bill sticking. – Расклеивать афиши запрещено.

Как подтверждает ряд фактов и примеров, в переводе необходимо не только интерпретировать значение языковых единиц в оригинале по отношению к реальной действительности, но и учитывать, наряду с лингвистическим, и ситуативный контекст, поскольку без соотнесения с реальной действительностью невозможно понять даже самое простое речевое высказывание. Английское предложение *The table is on the wall* интерпретируется как «Таблица висит на стене», в частности, потому, что знание реальной действительности подсказывает коммуникантам, что из двух значений слова *table* – «стол» и «таблица» – в данном случае реализовано последнее, так как обычно столы на стены не вешают [2, с. 161]. Аналогично английское предложение *He answered the telephone* интерпретируется как «Он снял трубку», в частности, потому, что в реальной действительности обычно отвечают человеку, а не телефону.

Использование ситуативной модели дает возможность учесть все различия и сходства между языковыми системами разных культур и культурными представлениями о разных явлениях, событиях, фактах и ситуациях окружающей действительности, особенностях ее концептуализации и категоризации в языке. Следует согласиться с лингвистами, которые утверждают, что, подобно тому, как говорящие на одном языке способны идентифицировать одинаковые ситуации, описанные разными способами, так и билингвы-переводчики фактически приравняют речевые произведения на разных языках равнозначными на этом основании, прирав-

нивая их при переводе, несмотря на отсутствие соответствия между их компонентами [2, с. 57]. Данная модель наиболее эффективна в ситуациях, где встречается безэквивалентная лексика, где предполагается однозначный выбор перевода и когда перевод невозможен без анализа и интерпретации определенной ситуации действительности. Однако в ней имеется и ряд недостатков, таких, как возможность описания ситуации разными способами, ограниченность выбора лексико-синтаксических средств выражения содержания и организации высказывания рамками данной ситуации, а также знание того, что и как о ней сказано.

Таким образом, ситуативная модель перевода правильно отражает ряд важных сторон переводческого процесса и дает возможность объяснить те особенности выбора варианта перевода, которые связаны с обращением переводчика к реальной действительности и последующим ее описанием средствами языка перевода [2, с. 163]. К тому же, несмотря на некоторые недостатки, данная модель обеспечивает наибольшую эквивалентность и адекватность перевода.

Литература

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 264 с.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 04.05.2022

Вариантность как объект лингвистического исследования

Е.А. БОЛТОВСКАЯ

Статья содержит обзор научной литературы, посвященной явлению вариантности. Излагаются различные точки зрения на определение исследуемого понятия, на его соотношение со смежными понятиями (вариативность, инвариант, вариант, норма и др.). Подробно описываются критерии выделения и разновидности грамматических вариантов.

Ключевые слова: вариантность, вариативность, инвариант, вариант, конкуренция вариантов, грамматический вариант, норма литературного языка.

The article contains a review of the scientific references on the phenomenon of variance. Various points of view on the definition of the concept under study, on its connection with related concepts (variability, invariant, variant, norm, etc.) are presented. The criteria for the selection and types of grammar variants are described in detail.

Keywords: variance, variability, invariant, variant, clash of variants, grammar variant, literary language norm.

Важнейшим условием существования языкового механизма является свойство постоянного разнообразия. Вариантность отражает гибкость языка – параметр, который может быть определен с помощью количества формальных способов выражения и передачи одного и того же содержания.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что, несмотря на внушительное число работ, посвященных осмыслению вариантных структурных единиц, в этой области еще остается немало спорных вопросов.

Цель статьи – обобщить имеющиеся в русистике сведения о вариантности языкового знака. Метод исследования – описательный.

Варианты возникают в процессе исторического развития языка и являются показателями динамики в языковой системе. С одной стороны, через вариантность репрезентируется языковая избыточность, а с другой – это явление закономерно приводит к дальнейшей языковой эволюции. Изучение вариативности может относиться к компетенции истории языка (когда выясняют причины смены вариантов), стилистики (когда рассматривают функционирование сосуществующих вариантов), социальной лингвистики (когда определяют социальную стратификацию вариантов). Осознание этой многоаспектности привело к возникновению отдельной научной дисциплины, называемой в русской языковедческой традиции «вариология» («вариантология»), и созданию представительных обобщающих работ (например, см. [1]–[5]).

В русистике вопрос о вариантности стал освещаться в 40-х гг. XX в. в связи с постановкой проблемы определения тождества слова. В работе В.В. Виноградова «О формах слова» отмечается, что «единство слова организуется прежде всего его лексико-семантическим стержнем, который является общим у всех его форм» [6, с. 40–41]. Ученый выделяет фонологические, оно-морфологические, экспрессивно-морфологические, экспрессивно-стилистические, лексико-фразеологические «вариации» слов.

О. Ахманова считает вариантность свойством речи, предлагая следующее определение данного термина: «Разнообразие, разнотипность речи, определяемые различными условиями ее употребления, а также различиями в социальной и территориальной принадлежности говорящих лиц» [7].

К.С. Горбачевич, признавая вариантность «следствием языкового развития, наличия в языке одновременно старого и нового качества», понимает ее как «сосуществование параллельных способов выражений, имеющих одинаковое лексическое значение» [1, с. 20].

Л.А. Вербицкая предлагает разграничить понятия «вариативность» и «вариантность». Вариативность воспринимается ею как «обязательная черта языка», которая «навязывается им», отражает динамику, процесс эволюции языка, вариантность же «не провоцируется языком, а разрешается им», поэтому может быть рассмотрена как результат вариативности; вариантностью автор называет «два разных способа реализации одной единицы или сочетания единиц» [8, с. 14–15].

В.Н. Ярцева, не разделяя понятия вариантности и вариативности, справедливо утверждает, что «идея вариантности (или, как иногда говорят, вариативности) языка породила множество задач, поскольку необходимо было пересмотреть некоторые старые и устоявшиеся понятия и термины грамматики в свете новых представлений, с одной стороны, и разрабатывать те новые пласты языковых данных, которые обнаруживались при использовании идеи вариантности, с другой» [9, с. 18].

В словарной статье «Лингвистического энциклопедического словаря», написанной В.М. Солнцевым, оба понятия представляются как синонимичные, так как термин «вариативность» также находится в заголовке (расположен в скобках), однако у вариантности / вариативности выявляется два значения, которые предопределяют использование связанных с этим явлением терминов «вариант», «варьирование», «инвариант»: «Вариантность – (от лат. *varians*, род. п. *variantis* – изменяющийся) (вариативность) – 1) представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об её модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы (например, разночтения в разных списках одного и того же памятника); 2) термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц языка и *системы языковой* в целом. Вариантность – фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка. Характеризуется с помощью понятий «вариант», «инвариант», «варьирование». При первом понимании вариантности используются только понятия «вариант» и «варьирование»; то, что видоизменяется, понимается как некоторый образец, эталон или *норма*, а вариант – как модификация этой нормы или отклонение от неё. При втором понимании вводится термин «инвариант» и оппозиция вариант – инвариант. Под *вариантами* понимаются разные проявления одной и той же сущности, например видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остаётся сама собой. *Инвариант* – это абстрактное обозначение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отвлечении от её конкретных модификаций – вариантов. Второе понимание понятия вариантности представляет собой развитие и углубление первого, вводит в лингвистику общие принципы теории вариантности – инвариантности» (курсив и разрядка В.М. Солнцева. – *Е.Б.*) [10]. Как видим, В.М. Солнцев пишет о вариантности как об основном свойстве системы языка и ее реализации, а также, по сути, выносит на обсуждение вопросы о взаимосвязи варианта и нормы, варианта и инварианта.

По мнению А.А. Худякова, термин «вариантность» акцентирует внимание на наличие вариантов в языке, они же, в свою очередь, предполагают наличие инвариантов, которые не всегда легко установить, а термин «вариативность», обозначающий изменчивость как феномен, более широк в плане своей лексической семантики, поэтому ему следует отдать предпочтение [11, с. 166]. Вариативность присуща языку на всех его уровнях в любой момент его развития. В грамматике, например, она заключается в том, что одна и та же грамматическая форма может быть употреблена для выражения различного содержания, а также в том, что одно и то же содержание может быть выражено различными грамматическими формами.

Стало быть, важным для определения вариантности становится выдвижение оппозиции *инвариант – вариант* для обозначения как предельно абстрактных, так и реальных, конкретных сущностей. Посредством инвариантности (общее свойство) единичный предмет связан с себе подобными, а посредством вариантности (частное свойство) он проявляет то особенное, что есть только в нем [12, с. 217–218]. Это противопоставление в научный оборот было введено через фонологию, однако при экстраполяции его на другие языковые уровни исследователи столкнулись с тем, что имеются значительные отличия варьирования фонем от варьирования двусторонних единиц, так как изменение формы знака потенциально влечет за собой появление новых значений. Остро встал вопрос определения критериев, которым варианты должны соответствовать, чтобы различия в форме или содержании не повлекли за собой разрушения целостности двусторонней единицы, поскольку «...чем выше уровень системы, тем многообразнее различия между вариантами» [12, с. 3]. Так, К.С. Горбачевич (см. [1], [2]) в качестве границы варьирования при сохранении тождества слова и общего лексического значения выделил принцип тождества морфологической структуры, что поддерживали в своих работах и другие лингвисты, например, Н.С. Валгина, Л.К. Граудина. Если же признак мор-

фологического тождества принимать во внимание частично и сконцентрироваться на тождестве грамматической функции, тогда возможно расширительное понимание вариантности и выделение словообразовательных вариантов типа *накатка – накат – накатывание, элитарный – элитный* [13, с. 29–32].

Подробный анализ вариантности и важности ее изучения для понимания эволюции языка дается в работе Н.С. Валгиной [13]. Вариантность рассматривается здесь как естественное языковое явление, как конкуренция средств выражения, в результате которой происходят языковые изменения.

Вариантность обозначает «особое качество, связанное с существованием разновидности, видоизменения второстепенных элементов языковых сущностей, их частных (вариантов) при сохранении того, что является основой (инварианта). С помощью этого термина характеризуются способы существования и функционирования дублетных элементов языковой системы на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях» [14, с. 34] – так считают Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев и выделяют четыре критерия, которым соответствуют грамматические варианты: 1) грамматическая системность, 2) регулярная взаимозаменяемость; 3) функциональная эквивалентность грамматического значения в пределах взаимозаменяемых контекстов; 4) однородность сравниваемых грамматических структур. Причем только второй из этих критериев присущ и другим типам вариантов [14, с. 36]. Также ученые вводят понятие «фаза вариантности», понимая под этим этапы сосуществования вариантов. Переход от одной из трех фаз к другой соответствует изменению нормы. Начальная фаза характеризуется тем, что малочастотные варианты не выходят за пределы узких речевых сфер. Во второй фазе отмечается нарастающая конкуренция вариантов. В третьей фазе конкуренция затихает, один из вариантов становится малоупотребительным, уходит на второй план. Наблюдения за сдвигами в соотношении вариантов могут способствовать более качественному оцениванию имеющейся нормы и выявлению исторической тенденции ее развития.

Считается, что степень активности изменений отличается на каждом из языковых уровней. Так, лексика в силу большей подверженности влиянию социальных факторов меняется гораздо быстрее грамматики, а в последней самой устойчивой признается морфология: «Изменения в синтаксисе как особом уровне языковой системы естественно отличаются своеобразием: с одной стороны, синтаксис как часть грамматики в высшей степени устойчив и стабилен, с другой стороны, в отличие, например, от морфологии, он более вариативен и подвижен...» [13, с. 182]. В коллективной монографии «Русский язык и советское общество», подготовленной под руководством М.В. Панова, указывается на две особенности морфологического строя языка, который «характеризуется минимальной восприимчивостью к внешним влияниям и чрезвычайно медленной изменяемостью», что предопределено «спецификой морфологии как наиболее “внутреннего”, сердцевинного яруса языковой структуры» [15, с. 9].

Существование вариантности в языковой системе является одной из причин возникновения вопроса о норме, которая, как известно, обладает диалектической природой: эта центральная категория литературного языка и культуры речи одновременно обнаруживает признаки устойчивости и исторической изменчивости. Однако множественность форм одной нормы не становится причиной расшатывания основ нормативности, а предлагает выбор наиболее адекватных средств выражения из всего их разнообразия. Изучение существующих вариантных форм единиц позволяет выявить тенденции дальнейшего развития языка. Но важно заметить, что именно наличие в языке вариантов, разумеется, вызывает вопрос выбора, с чем и связана проблема нормы. Между нормой и вариантностью существует двусторонняя зависимость: с одной стороны, характер вариантности определяет специфику норм, а с другой – норма регулирует употребление вариантов, устанавливая их типы и количество [16, с. 49]. Сложность этих взаимоотношений, порождающая в сознании носителей языка проблему выбора (*правильно – неправильно*), или так называемый «конфликт» нормы, возникающий из-за наличия вариантов, привела к появлению в конце 60-х гг. XX в. ортологии – раздела языкознания, который занимается изучением правильности речи и исторической изменчивости нормы.

А.А. Билялова выделяет следующие основные направления в исследовании вариантности в пределах ортологии: «смена вариантов, их конкуренция, классификация, соотношение вариантов и нормы, вариантность и тождество слова, прогнозирующий характер вариантности

и др.» [17, с. 11]. Автор рассматривает вариантность как условие проявления факультативности, представляющей собой колебания вариантов в границах нормы, а также характеризует историю возникновения и развития этого тесно связанного с языковой динамикой явления, определяет круг смежных с ним понятий (факультативность и облигаторность, факультативность и избыточность, факультативность и языковая экономия, факультативность и эллипсис и т. д.), считая, что «в рамках проблемы факультативности актуально разведение таких терминов, как «вариативность» и «вариантность», которыми оперируют лингвисты, часто обозначая одно и то же явление» [17, с. 11], т. е., в сущности говоря, разделяет точку зрения Л.А. Вербицкой.

Необходимой ступенью в теории вариантности становится инвентаризация языковых вариантов и выявление их специфики на всех уровнях языковой системы. Исследователи полагают, что полные варианты (находящиеся в отношениях свободного варьирования, различающиеся только формальными показателями) являются не только кратковременными в языковой системе, но и избыточными для нее, следовательно, их преобразование в неполные (семантически, стилистически, социально и др. обусловленные) варианты обычно расценивается как один из показателей совершенствования литературного языка.

Вариантность в ее отношении к языковой системе и норме традиционно раскрывается в аспекте синхронии. Это в первую очередь касается лексикографической практики составления нормативных словарей современного языка. Так, в структурно-системном плане рассматривается вариантность в «Словаре грамматических вариантов русского языка» [18], где перечислено более 8000 вариантов, функционирующих в составе литературного языка. Среди них имеются словоизменительные (типа *клипс – клипса, в аэропорте – в аэропорту*), словообразовательные (типа *просветительный – просветительский, достичь – достигнуть*), синтаксические (типа *большинство справилось – большинство справились, три главные задачи – три главных задачи*) варианты. Диахронический аспект изучения вариантности, встречающийся гораздо реже синхронического, но являющийся не менее значимым, представлен, к примеру, в работах К.С. Горбачевича, который сравнивает нормы, действующие в XIX–XX вв. ([1], [2]), и Л.А. Глинкиной, которая сопоставляет данные восточнославянских языков в период их развития на протяжении XV–XVII вв. [19].

Таким образом, исследование вариантности включает в себя весьма обширный спектр вопросов: взаимоотношения языка и речи, языковой системы, нормы и узуса, варианта и инварианта, нормы и варианта, выявление специфических признаков вариантов, хронологический диапазон конкуренции вариантов на каждом из языковых уровней, взаимозаменяемость языковых единиц и многое другое. Особо следует подчеркнуть важность диахронического аспекта в изучении данного явления, так как варьирование языка в синхронии справедливо расценивается как основной источник изменений единиц языка и их форм во времени.

Стремительно развивающаяся русистика продолжает поиски решений задач, возникших перед ней много лет назад. Одной из таких проблем является описание варьирования языка и его структурных единиц.

Среди ученых нет единого мнения о сущности явления вариантности. Одни понимают вариантность в широком смысле, считая данное понятие синонимом вариативности, другие – в более узком смысле, закрепляя за каждым из данных понятий свое значение. С накоплением научного знания в общей теории вариантности возникла потребность в разграничении понятий вариантности и вариативности. В настоящее время многие определяют вариативность в качестве лингвистической универсалии, объективной и неотъемлемой характеристики любого естественного языка, вариантность же представляется им закономерным следствием вариативности. Кроме того, сами варианты также могут рассматриваться узко или широко, с признанием признака тождества их морфологической структуры абсолютным либо относительным.

Функционируя в речи, вариантные единицы, без преувеличения, определяют динамику развития языка. Благодаря существованию вариантов обеспечивается преемственность в словоупотреблении и в то же время происходит становление наиболее приемлемых, коммуникативно целесообразных способов реализации языковых средств, вследствие чего в условиях вариантности языкового знака надлежащего внимания требуют процессы нормализации и кодификации.

Литература

1. Горбачевич, К. С. Изменение норм русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – Ленинград : Изд-во «Просвещение», 1971. – 272 с.
2. Горбачевич, К. С. Вариантность слова и языковая норма / К. С. Горбачевич. – М. : Наука, 1978. – 238 с.
3. Граудина, Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты / Л. К. Граудина. – М. : Наука, 1980. – 287 с.
4. Немченко, В. Н. Грамматические варианты слова в современном русском языке и литературная норма : учеб. пособ. / В. Н. Немченко. – Н. Новгород : Изд-во Нижегородского ун-та, 1998. – 892 с.
5. Богословская, З. М. Диалектная вариантология / З. М. Богословская. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2005. – 251 с.
6. Виноградов, В. В. О формах слова / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 33–50.
7. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / О. С. Ахманова. – Режим доступа: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_6.htm. – Дата доступа : 25.08.2022.
8. Вербицкая, Л. А. Давайте говорить правильно : пособие по русскому языку / Л. А. Вербицкая. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2008. – 263 с.
9. Ярцева, В. Н. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка / В. Н. Ярцева // Вопросы языкознания. – 1983. – № 5. – С. 17–24.
10. Солнцев, В. М. Вариантность [Электронный ресурс] / В. М. Солнцев // Лингвистический энциклопедический словарь ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/080d.html>. – Дата доступа : 23.08.2022.
11. Худяков, А. А. Теоретическая грамматика английского языка / А. А. Худяков. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.
12. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 1977. – 341 с.
13. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
14. Культура русской речи : учебник для вузов / отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М. : Норма, 2006. – 560 с.
15. Русский язык и советское общество : социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – 368 с.
16. Семенюк, Н. Н. Некоторые вопросы изучения вариантности / Н. Н. Семенюк // Вопросы языкознания. – 1965. – № 1. – С. 48–56.
17. Билялова, А. А. Системно-функциональное описание факультативности как языкового феномена: на материале татарского, русского и английского языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 ; 10.02.20 / А. А. Билялова. – Казань, 2011. – 48 с.
18. Словарь грамматических вариантов русского языка / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – 3-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 555, [5] с.
19. Глинкина, Л. А. Грамматическая вариантность в истории русского языка : автореф. дис. в форме науч. докл. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. А. Глинкина. – Екатеринбург, 1998. – 101 с.

Творческий метод Р. Брэдбери

Е.В. ГУЛЕВИЧ

В статье исследуются особенности творческого метода известного американского писателя Рэя Брэдбери, представленные в субъективной перспективе авторской рефлексии; показаны истоки творческих импульсов в воображении писателя, зарождение замысла определенных художественных произведений автора и особенности их создания.

Ключевые слова: Брэдбери, творческий метод, метод слов-ассоциаций, автооткровение, писательские списки.

The article examines the peculiarities of the creative literary method of the famous American writer Ray Bradbury represented in the form of self-reflective statements. The sources of the creative impulses of the writer, the origin of his literary intention, and the process of creation of some of his works of art viewed through the peculiarities of the creative laboratory of the American writer are revealed in the given article.

Keywords: Bradbury, literary method, word-association process, self-revelation method, writer's lists.

Рэй Брэдбери – известный американский писатель, признанный классик жанра научной фантастики. Хотя сам автор причислял себя к фэнтези. Работая в этом жанре, он сознательно делал ставку на удаленность сюжетных коллизий от «земных» проблем. При этом его произведения стали тем зеркалом, в котором с максимальной четкостью отражаются самые злободневные проблемы современной действительности. Это качество прозы Брэдбери предопределяет актуальность исследования произведений писателя и сегодня.

Интерес литературоведов к творчеству Брэдбери велик. Так, в разное время жанровые особенности, образное своеобразие, особенности поэтики произведений американского писателя становились объектом исследования русскоязычных ученых (Г. Альтов, 1980; В. Гаков, 1983; М. Киселева, 1993; Р. Арбитман, 1996; Е. Гопман, 2005). Творчество Р. Брэдбери представляет интерес и для англоязычных исследователей (J. Gunn, 1977; W.L. Johnson, 1980; D. Mogen, 1986; B. Attebery, 1992).

Отдельного внимания заслуживают работы Р. Брэдбери в жанре нон-фикшн. Чрезвычайно интересны воззрения писателя на проблему диалектики творчества и процесса писательства.

Проблема творческого сознания интересовала русскоязычных (С.Л. Рубинштейн, 1957; Д.Б. Богоявленская, 2002, 2009, 2011; Н.Н. Николаенко, 2007; Е.П. Ильин, 2009; В.В. Козлов, 2009; Я.А. Пономарев, 2013) и зарубежных авторов (Р. Мэй, 1975, 1998; К. Роджерс, 1980; Дж. Гилфорд, 1986; Е.П. Торренс, 1995, 2001, 2002; Дж. Камерон, 1998, 2002, 2006; С. Кинг, 2000; С. Медник, 2008; С. Прэсфилд, 2002, 2011, 2012, 2018).

Цель данной статьи – выявить особенности писательских установок Р. Брэдбери, в частности представленного им метода слов-ассоциаций, репрезентированного через прием автооткровения и технику писательских списков.

По мнению Р. Брэдбери, ценность искусства невидима, но предельно ощутима, так как «несмотря на то, что искусство не может спасти нас от войн и лишений <...> старости или смерти, оно дарует нам жизнь в промежутках между этими неизбежностями» [1, с. XII]. Более того, для Брэдбери «писательство – это лекарство» [1, с. XII]. В пример терапевтической функции искусства он приводит классические ориентиры из области скульптуры. Так, писатель считает, что лучшая скульптура – голова Неффертити – утверждает бессмертие красоты и вечное эстетическое наслаждение. При этом высокие чувства, которые порождает такого рода искусство, питают душу не только зрителя, но и создателя. Брэдбери переносит данный тезис в область литературного творчества, заявляя, что истинный писатель всегда получает удовольствие от текста, так как пишет с любовью и страстью. Если этих чувств он не испытывает – он только «наполовину писатель» [1, с. 4]. Другая половина личности подобного рода писателей занята вопросами рыночного спроса. Однако, отдаваясь во власть этой вто-

рой половины, писатель, по мнению Брэдли, теряет себя – лишается живости восприятия и свежести чувств. А без этих качеств его, как писателя, нет. Необходимо отметить верность утверждения Брэдли. Иллюстрацией данного утверждения американского автора может служить писательская судьба Ф.С. Фицджеральда, который в погоне за заработком, как ему казалось, разделил писательство на две части: одна часть произведений должна была стать источником финансового обогащения, другая же – истинной литературой. Фицджеральду казалось, что он точно знал, где проходит эта грань. Но он ошибался. Подтверждением этому является его творчество и проникновенное откровение Э. Хемингуэя: «Его талант был таким же естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки. Одно время он понимал это не больше, чем бабочка, и не заметил, как узор стерся и поблек. Позднее он понял, что крылья его повреждены, и понял, как они устроены, и научился думать, но летать больше не мог...» [2, с. 84].

В процессе творчества Брэдли вывел метод, который доказал для него абсолютную состоятельность и творческую эффективность – метод слов-ассоциаций (word-association process). Так, каждое утро, сразу после пробуждения, Брэдли быстро записывал слова, фразы, ассоциации, которые выбрасывало его подсознание на поверхность сознания за ночь. Использовался прием автооткровения. Это была работа писателя с собственным подсознанием. В итоге составлялись длинные списки существительных, отдельных фраз, названий, которые позже становились триггером для активизации работы воображения и памяти в процессе письма. Так перетекали друг в друга, создавая новые состояния, прошлое и современность; переплетались узоры подсознания, отбрасывая уверенные смысловые тени, которые постепенно в сознании автора слагались в произведения. Воспоминания и внезапные идеи дополняли друг друга, создавая новую художественную реальность художественных миров произведений Брэдли. При этом «расход» данного материала проходил неравномерно: некоторые элементы (слова, фразы) находили свое развитие в рассказах и романах практически сразу. Другие – оставались в списках и на полках сознания писателя несколько, иногда десятки, лет перед выходом в творчество.

Таким образом, метод слов-ассоциаций Брэдли, основанный на приеме автооткровения и технике составления списков, с одной стороны, доказывает признание писателем главенствующей роли подсознания, с другой – памяти в процессе творчества. Брэдли уверен, что данные составляющие являлись триггерами и направляющими его творческого процесса.

Эффективность метода слов-ассоциаций представлена всем творчеством Р. Брэдли. Писатель на конкретных примерах своих произведений показал механизм работы данного метода. Так, однажды в списке существительных оказалось слово «скелет». Брэдли долго думал, почему подсознание «выбросило» именно это слово. Позже понял: в детстве, чтобы напугать двоюродных сестер, он часто рисовал скелеты. Даже его любимая песня в тот период была о скелетах. И так случилось, что, когда образы скелетов и любимая песня находились в полусыром состоянии на границе между подсознанием и сознанием, он попал к врачу с больным горлом. Доктор поставил диагноз: «Открытие гортани» [1, с. 20]. Эта формулировка потрясла писателя, но в то же время стала творческим катализатором. Брэдли мгновенно пришла идея написать рассказ о человеке, который «со страхом *открыл* для себя факт того, что глубоко под его кожей <...> находится скелет!» [1, с. 20]. Стимул был настолько силен, а материал так сильно волновал сознание и так настоятельно требовал выхода, что писатель «бросился к печатной машинке» и родился «абсолютно новый, оригинальный рассказ, который таился у меня под кожей с тех пор, как я впервые нарисовал череп со скрещенными костями, когда мне было шесть» [1, с. 20]. Примечательно, что попутно писатель признал саморазвитие произведения: «История написалась за несколько часов» [1, с. 20].

Сработало и слово «банка». Писатель уверен, что его подсознание «выбросило» его из глубин в область сознания силой воспоминаний о том, как он, двенадцатилетним, а позже четырнадцатилетним подростком, посещал выставку эмбрионов животных и людей. Увиденное возымело на него сильнейшее воздействие и позже вылилось в рассказ «Банка». Еще одним стимулом вербализовать увиденное стало то, что на тот момент он ни с кем увиденное не обсуждал, хотя был «шокирован видом не рождённых мертвецов, и в ту ночь в моей голове зародилась новые загадки жизни, которые я пронес на долгие годы» [1, с. 22]. Таким образом, рассказ стал физическим воплощением полученного впечатления, которое требовало выхода.

Как известно, память «умирает» в тексте. Еще Платон высказал идею «о тексте как смерти памяти», тексте как отчуждении памяти и актуализации ее в воображении: став источником творчества, память умирает в тексте, но живет и «расцветается в воображении» [3, с. 70]. Подтверждая данный тезис, В. Набоков говорил: «...воображение – это форма памяти <...>. Образ возникает из ассоциаций, а ассоциации поставляет и питает память» [4, с. 473]. Так, рассказ «Банка» стал примером подсознательной необходимости писателя придать художественную форму тяжелым импульсам памяти, детским страхам, чтобы избавиться от них навсегда: «Бродячий цирк и выставка зародышей, и все старые страхи вливались из-под моих пальцев в пишущую машинку. Старая тайна наконец нашла упокое в рассказе» [1, с. 22].

Примером активной работы подсознания с целью избавления от детских страхов стало и существовавшее «толпа», которое однажды «выбросило» подсознание. В итоге появился рассказ. Писался он стремительно. Брэдбери оставалось только поспевать за потоком мыслей: «Бешено стуча по клавишам пишущей машинки, я вспомнил страшное потрясение, которое пережил, когда мне было пятнадцать...» [1, с. 22]. Тогда писатель стал свидетелем страшной аварии: «Такое я видел впервые <...>. Мне потребовались месяцы, чтобы оправиться от увиденного ужаса. Я ничего подобного раньше не видел» [1, с. 23]. Спустя годы после происшествия, когда писатель держал перед собой очередной список существительных, среди которых было это слово, он вспомнил некоторые странные подробности того вечера. Брэдбери не мог понять, откуда взялась эта толпа, откуда появилось столько людей в безлюдном районе – с одной стороны была пустая фабрика, с другой – кладбище. Теперь, сидя перед списком существительных, он сумел ответить на свой немой вопрос, который не давал покоя, застряв внутри на долгие годы. Подробности того вечера яркой вспышкой всколыхнули его сознание – пришел в действие творческий триггер. И когда он «в течение нескольких минут печатал на машинке новый рассказ, то понял, что, да, эта *всегда* одна и та же толпа, она собиралась к местам *всех* новых несчастных случаев. Это были жертвы тех, таких же, аварий, случившихся много лет назад. Эти люди были обречены возвращаться и наблюдать происходящее каждый раз, когда случались новые несчастья» [1, с. 23]. Как только он это понял, рассказ «написался за вечер» [1, с. 23]. Писатель признался: «Я узнал, что мои персонажи сделают работу за меня, если я оставлю их в покое, если я подарю им <...> воображение и страхи» [1, с. 19].

Еще одной попыткой избавиться от памяти прошлого и пережитого страха был рассказ «Следующий». Произведение стало отзвуком страшных впечатлений, которые волновали писателя после поездки в Мексику. Как признался сам Брэдбери, он «написал рассказ «Следующий» <...>, чтобы немедленно очиститься от страха» после посещения «катакомб с мумиями» [1, с. 61].

С той же целью однажды он «заимствовал» для очередного романа своего старого друга Джона Хаффа из Аризоны и «перенес его на восток в Грин Таун, чтобы должным образом с ним попрощаться» [1, с. 81]. Так, «ряды существительных, редко в сочетании с прилагательными, которые описывали неизведанные дали, ненайденную страну, частью которой была Смерть, остальное – жизнь. Если бы я не делал эти предписания для дальнейших Открытий, я бы никогда не стал тем болтливым археологом или антропологом, коим являюсь» [1, с. 25–26]; не стал бы «той сорокой, которая ищет яркие предметы, странные вещи, деформированные бедренные кости в захлавленных недрах моей головы, где усыпанные временем лежат следы моих столкновений с жизнью» [1, с. 26].

Еще одно произведение родилось из существительного «младенец». Глядя на список с этим словом, Брэдбери вспомнил себя новорожденным, свои первые четыре дня жизни.

Слово «ребенок» положило начало рассказу «Маленький убийца». Писатель уверен, что «прожил эту историю или часть ее, начиная с первого часа своей жизни, но по настоящему запомнил и облек в литературную форму только после двадцати лет» [1, с. 24].

Слово «старуха» дало начало двум произведениям: «Жила-была старуха» и «Сезон неверия». Последний рассказ получил дальнейшее развитие с помощью применения метода слов-ассоциаций и дал начало повести «Вино из одуванчиков»: «Я долго смотрел на зеленые яблони и старый дом, где родился, и на соседний дом, в котором жили мои дедушка с бабушкой, и на летние лужайки, на которых прошло мое детство, и я начал подбирать слова для описания пережитого» [1, с. 79–80]. Как отметил Брэдбери, повесть «Вино из одуванчиков» – это

«букет одуванчиков всех тех лет», а метафора «вино», которая снова и снова появляется на страницах произведения, «подходит идеально. Я собирал образы всей моей жизни, храня их и забывая. Каким-то образом я должен был вернуться в прошлое и слова служили катализаторами открытия памяти, высвечивания воспоминаний. Мне нужно было понять, что они могут мне предложить» [1, с. 80]. Так, писатель научился «позволять освобождаться своим ощущениям, чувствам и Прошлому, которые рассказывали мне все, что было правдой» [1, с. 81], чтобы «писать расслабленно и не думать, просто слушая свое подсознание» [1, с. 144].

Подчеркивая определяющую роль подсознания, памяти, наблюдений над жизнью в процессе творчества, Брэдбери говорил: «Сейчас мы определенно видим «...», что именно личные наблюдения, причудливые фантазии, странные образы – это то, что действительно важно в процессе писательства» [1, с. 21–22]. При этом для Брэдбери понятия «искусство», «творчество», «подсознание», «творческий пыл» являлись абсолютными синонимами, так как они имеют прямое отношение к творчеству, которое «рождается, когда ты вертишься как огненное колесо и история «случается» [1, с. 32].

При этом писатель отметил, что не все существительные или словосочетания, вошедшие в списки, дали начало произведениям. Примечательно, что некоторые сочетания «заговорили» только через пятьдесят лет. Такова история создания рассказа «От греха моего очисти меня». На его примере писатель снова подтвердил идею о писательстве как избавлении от памяти прошлого: «Я вернулся в то время, когда мне было двенадцать, и я побил моего пса. За это я никогда не мог себя простить. И я написал рассказ, чтобы наконец детально изучить того жестокого жалкого мальчишку, чтобы отпустить его призрак и призрак моего горячо любимого пса – навсегда» [1, с. 25].

В контексте сказанного важно то, что воображение Брэдбери работало в жесткой сцепке с памятью; события текущего момента очень редко становились стимулом творчества. Таких, по признанию автора, не более «одного-двух произведений» [1, с. 59]. Чтобы вылиться в творчество, событию необходимо было перейти в статус совершённого, стать воспоминанием, чтобы потом посредством работы воображения переродиться и, зачастую, минуя настоящее, ворваться в будущее. Именно поэтому, в отличие от многих писателей, у Брэдбери не было потребности перед написанием произведения ехать в определенное место, чтобы проникнуться и «пропитаться» колоритом, познакомиться с местным населением, прочувствовать доподлинную атмосферу будущего места действия: «Я давно осознал, что не перенимаю окружающую реальность напрямую – «впитывает» мое подсознание и нужны годы, чтобы оттенились и высветились нужные впечатления» [1, с. 59].

Подчеркивая важнейшую роль подсознания как архива-накопителя в процессе писательства, Брэдбери – в качестве авторефлексии – отмечает относительно романа «451 градус по Фаренгейту»: «Только недавно, просматривая роман, понял, что Монтэг носит имя компании, производящей бумагу. А Фабер, безусловно, это производитель карандашей! Ловко же обыграло меня мое подсознание, дав им эти имена. Не сказав ничего *мне!*» [1, с. 75].

Важность невидимой подсознательной работы писатель иллюстрирует на примере истории создания рассказа «Детская комната», в котором (по законам жанра научной фантастики) в квартире появляются львы. Брэдбери долго пытался понять, откуда взялись эти животные и вдруг сообразил, что они поселились в его подсознании тридцать лет назад. Это были «львы, которых я находил в книжках из городской библиотеки, когда мне было десять. Львы, которые рыскали в фильме «Тот, кто получает пощечины», с Лоном Чейни в главной роли, вышедшем в 1924 году!» [1, с. 53]. Писатель пересмотрел фильм в 1979 г. и наконец понял, откуда взялись львы: «Они прятались, выжидая, затаившись в моем подсознании» [1, с. 54]. Рассказ был написан на одном дыхании. Автор следовал за героями – «следовал по придуманной квартире, чтобы увидеть, что будет дальше» [1, с. 53].

Брэдбери уверен, что, когда писатель погружается в мир прошлого, «само подсознание, никем не тронутое говорит», свободно «стекает с языка» [1, с. 35] и случается творчество. Брэдбери призывает писателей больше обращаться к себе: «... мы так много отвлекаемся на внешнее, чтобы найти способы и средства, что забываем заглянуть *в себя*» [1, с. 36], ведь именно там «кроется мир, который дает начало творчеству «...». Муза «..» – это мы, наше

естество. Все самое настоящее уже там в ожидании того, что мы его призовем» [1, с. 36]. Можно с уверенностью заявить, что именно «личное наблюдение, причудливые фантазии и особенное воображение» являются ключевыми в процессе творчества [1, с. 21–22].

Таким образом, неординарное и богатое воображение Брэдбери активизировалась с помощью выработанного писателем метода слов-ассоциаций, который реализовывался с помощью приема автооткровения и техники составления списков. На первом этапе писатель фиксировал то, что «выбрасывало» его подсознание. Вся сознательная работа протекала после, на дальнейшем этапе шлифовки материала.

Метод слов-ассоциаций Брэдбери доказал свою состоятельность и эффективность в области его литературного творчества. Применение данного метода привело Брэдбери к пониманию того, что, во-первых, для писателя крайне важно прислушиваться к подсознанию как источнику уникальных идей, стимулирующих творческий процесс; во-вторых, уметь активизировать подсознание и заставить его «говорить». В случае Брэдбери это достигалось за счет составления списков. В-третьих, Брэдбери осознал, что после прохождения этапа длительной внутренней работы, протекающей в писательском подсознании, герои произведений могут вести своего создателя в процессе письма и это творчески плодотворно.

Кроме того, наряду с тем, что метод слов-ассоциаций служил катализатором работы творческого сознания, он к тому же был средством вытеснения боли прошлого: путем вербализации в своих произведениях внутренних конфликтов, переживаний, травм, которые волновали писателя на протяжении долгих лет, Брэдбери смог окончательно от них избавиться. Так, применение метода слов-ассоциаций имело терапевтический эффект посредством стимулирования писательства как освобождения от болезненной памяти прошлого.

Литература

1. Bradbury, R. Zen in the Art of Writing / R. Bradbury. – Santa Barbara, 1996. – 176 p.
2. Хемингуэй, Э. Праздник, который всегда с тобой. Острова в океане / Э. Хемингуэй. – Минск : Мастацкая літаратура, 1988. – 542 с.
3. Автухович, Т. Поэзия риторики : очерки теоретической и исторической поэтики / Т. Автухович. – Минск : РИВШ, 2005. – 203 с.
4. Набоков, В. Набоков о Набокове и прочем. Интервью, рецензии, эссе / В. Набоков ; ред. сост. Н. Мельников. – Минск : Незав. газета, 2002. – 704 с.

Тыпы і віды гадонімаў горада Калінкавічы

Т.А. КАХНО

У артыкуле разглядаецца ўтварэнне 164 гадонімаў г. Калінкавічы. Простыя назвы сярод іх складаюць 159 адзінак (97 %), складаныя – 5 (3 %). Прадуктыўнымі спосабамі ўтварэння простых гаданімічных адзінак з’яўляюцца трансанімізацыя і анімізацыя апелятыва. Найбольш пашыранымі назвамі лінейных аб’ектаў, утвораных ад онімаў, з’яўляюцца гадонімы, матываваныя антрапонімамі (50,3 %).

Ключавыя словы: антрапонімы, апелятывы, атрыбуцыя, гадонім, мадэль, наменклатурны кампанент, трансанімізацыя, трансурбананімізацыя.

The article examines the formation of 164 godonyms of the city of Kalinkavichy. Among them, simple names make up 159 units (97 %), complex ones – 5 (3 %). Transanimization and animization of the appellative are productive ways of forming simple godonymic units. The most widespread names of linear objects formed from onyms are godonyms motivated by anthroponyms (50,3 %).

Keywords: anthroponyms, appellatives, attribution, godonym, model, nomenclature component, transanimization, transurbananimization.

Уводзіны. Калінкавічы, паводле пісьмовых крыніц, вядомыя з 1560 г. як сяло Каленкавічы. З 1793 г. гэта мястэчка Рэчыцкага павета ў складзе Расійскай імперыі. У 1925 г. Калінкавічы атрымалі статус горада ў Мазырскай акрузе. У 1924–1930 гг. і з 1939 г. – цэнтр Калінкавіцкага раёна [1].

Пра паходжанне назвы Калінкавіч існуе некалькі версій. Як лічыць В. Жучкевіч, вытокі айконіма *Калінкавічы* звязаны з прозвішчам *Каленкавіч* [2]. Звычайна, назвы паселішчаў на *-овічы* ўказваюць, што заснавальнікамі былі члены адной сям’і, аднак у Калінкавічах ні ў адным архіўным дакуменце падобнае прозвішча не значыцца, але ў Мазыры ў той час жыў чалавек з такім прозвішчам, у суседніх вёсках жылі сяляне з іменем Каленік [3]. А. Віктаровіч у раённай газеце «Калінкавіцкія навіны» 6 лістапада 2007 г. даказвае, што назва горада паходзіць ад назвы ракі Каленкаўкі, якая звязана з прыметнікам *кальный* ‘балоцісты’ [4]. В. Ісаенка мяркуе, што ў аснове тапоніма ляжыць адно са значэнняў слова «калена» – адлегласць ад аднаго выгіна дарогі да другога. Апрача навуковых версій паходжання назвы *Калінкавічы*, ёсць паданні, якія спрабуюць растлумачыць паходжанне назвы горада ад імені загінулай дзяўчыны Каліны і дрэва каліны.

Зараз Калінкавічы – буйны чыгуначны вузел Палесся з насельніцтвам каля 37 тыс. жыхароў [5]. У горадзе 164 вуліцы і завулкі, колькасць якіх расце, адпаведна павялічваецца і колькасць іх назваў, аднак да апошняга часу лінгвістамі не разглядаліся асаблівасці ўтварэння назваў.

Мэта даследавання – вызначыць структурна-семантычныя асаблівасці гадонімаў горада Калінкавічы, іх тыпы і віды.

Метады і метадалогія даследавання. Метадалагічнай асновай вызначэння і апісання спосабаў словаўтварэння гадонімаў Калінкавічаў, класіфікацыі назваў прааналізаваных аб’ектаў з’яўляецца сістэмны падыход, у межах якога выкарыстоўваюцца метады даследавання навуковай літаратуры, апісальны, статыстычны, лексіка-семантычны, параўнальна-супастаўляльны.

Фактычны матэрыял даследавання складаюць гадонімы г. Калінкавічы, атрыманыя з Рашэння Калінкавіцкага раённага Савета дэпутатаў № 123 ад 26 чэрвеня 2017 г. [6].

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Гадонім – гэта назва лінейнага гарадскога аб’екта (праспекта, вуліцы, лініі, завулка, праезда, бульвара, набярэжнай) [7, с. 50].

Паводле колькасці кампанентаў гадонімы горада Калінкавічы падзяляюцца на простыя (двухслоўныя назвы) і складаныя (назвы з трох і больш слоў) [8]. Яны класіфікуюцца паводле колькасці кампанентаў, словаўтваральных і семантычных асаблівасцей.

Да простых гадонімаў адносяцца назвы, паміж якімі існуе толькі адзін від сувязі. Значная частка гадонімаў Калінкавіч утворана па атрыбутыўнай мадэлі, у якую ўваходзяць усе простыя (двухслоўныя) назвы вуліц (*вул. Усходняя, вул. Заводская і інш.*) – 159 назваў. У межах атрыбутыўнага тыпу гадонімаў г. Калінкавічы асобна вылучаецца генітыўны тып (характар сувязі паміж словамі – кіраванне): *вул. Агафонава, вул. Батава, вул. Волкава і інш.* – усяго 103 назвы.

Генітыўныя назвы падзяляюцца на тры мадэлі: дзве адантрапонімныя і адну адапелятыўную [5].

Да антрапонімнай мадэлі адносяцца наступныя:

– наменклатурны кампанент (НК) + прозвішча (псеўданім): *вул. Агафонава, вул. Азёрына, вул. Астроўскага, вул. Барэйкі, вул. Батава, вул. Брагоніна, вул. Быкоўскага, вул. Бялова, вул. Войкава, вул. Волкава, вул. Гагарына, вул. Даватара, вул. Даленкі, вул. Данілава, вул. Дзяржынскага, вул. Казько, вул. Калініна, вул. Карчуганава, вул. Катоўскага, вул. Кірава, вул. Кляшчова, вул. Князева, вул. Корбаля, вул. Краўчанкі, вул. Крыўцова, вул. Куйбышава, вул. Куманёва, вул. Лазо, вул. Лазуненкі, вул. Ламаносава, вул. Лермантава, вул. Луначарскага, вул. Марата, вул. Мархалеўскага, вул. Матросова, вул. Мяснікова, вул. Нікалаева, вул. Ніканава, вул. Панова, вул. Паўлава, вул. Піліпца, вул. Пушкіна, вул. Салаўёва, вул. Самсонава, вул. Свардлова, вул. Сомава, вул. Суварова, вул. Суркова, вул. Сураўцава, вул. Талстога, вул. Фрунзэ, вул. Хабачова, вул. Чкалава, вул. Чэхава, вул. Шаўчэнкі, вул. Шлыкава, вул. Шлягі, вул. Языковіча, завул. Астроўскага, завул. Барысава, завул. Вагурына, завул. Вароўскага, завул. Войкава, завул. Волкава, завул. Гагарына, завул. Даватара, завул. Дзяржынскага, завул. Заслонава, завул. Куйбышава, завул. Кутузава, завул. Лысенкі, завул. Маякоўскага, завул. Мяснікова, завул. Нікалаева, завул. Някрасава, завул. Салаўёва, завул. Свардлова, завул. Сомава, завул. Суварова, завул. Чарнышэўскага, завул. Чкалава, плошча Леніна* – усяго 82 назвы;

– НК + імя + прозвішча (псеўданім): *вул. Алега Кашавога, вул. Веры Харужай, вул. Зой Касмадзям'янскай, вул. Карла Маркса, вул. Лізы Чайкінай, вул. Максіма Багдановіча, вул. Максіма Горкага, вул. Францыска Скарыны, вул. Фрыдрых Энгельса, вул. Якуба Коласа, вул. Янкі Купалы, завул. Фрыдрых Энгельса* – усяго 12 назваў.

Да адапелятыўнай мадэлі адносяцца:

– НК + назоўнік у родным склоне: *вул. Будаўнікоў, вул. Геалагаў, вул. Міру, вул. Пераможцаў, вул. Смугнараўцаў, вул. Энергетыкаў, завул. Камунараў, завул. Энергетыкаў* – усяго 8 назваў.

Асобна вылучаецца мадэль «НК + назоўнік у родным склоне + прозвішча» – *вул. Братоў Яскавец*.

Складаныя гадонімы г. Калінкавічы адносяцца да намінаўна-субстантыўнага тыпу: *вул. 40 год Перамогі, вул. 50 год Камсамола, вул. 50 год Кастрычніка, вул. 60 год БССР, вул. 70 год Перамогі* – усяго 5 назваў.

Гадонімы горада ўтвараюцца шляхам анімізацыі апелятыва, трансанімізацыі і трансурбанімізацыі.

Анімізацыя апелятыва – спосаб утварэння назваў вуліц ад агульных імёнаў. Паводле структурных і сямантычных асаблівасцей гадонімы, утвораныя анімізацыяй апелятываў, падзяляюцца на наступныя групы:

1) гадонімы, утвораныя ад найменняў людзей, прафесій, роду заняткаў, адносін (11 назваў) па наступных мадэлях:

– НК + апелятыў: *вул. Будаўнікоў, вул. Геалагаў, вул. Міру, вул. Энергетыкаў;*

– НК + апелятыў з суфіксам *-н-*: *вул. Маладзёжная, вул. Меліярацыйная, вул. Фэстывальная, вул. Юбілейная;*

– НК + апелятыў з суфіксам *-ск-* (*-цк-*): *завул. Сялянскі;*

– НК + апелятыў з суфіксам *-ыўн-*: *вул. Спартыўная;*

– НК + апелятыў з суфіксам *-оўн-*: *вул. Працоўная;*

2) гадонімы, утвораныя ад найменняў асаблівасцей мясцовага ландшафту, іншых прыродных адметнасцей (12 назваў) па наступных мадэлях:

– НК + апелятыў з суфіксам *-н-*: *вул. Лясная, вул. Паўночная, вул. Радужная, вул. Сонечная, завул. Заходні;*

- НК + апелятыў з прэфіксам *за-* (*на-*) і суфіксам *-н-*: вул. *Зарэчная*;
 - НК + апелятыў з суфіксам *-ав-* (*-яв-*, *-ов-*): вул. *Калінавая*, вул. *Лугавая*, вул. *Палявая*, вул. *Садовая*, вул. *Сасновая*;
 - НК + апелятыў з суфіксам *-ск-* (*-цк-*): вул. *Прыпяцкая*;
 - 3) гадонімы, утвораныя ад найменняў прыкметных аб'ектаў (9 назваў) па наступных мадэлях:
 - НК + апелятыў з суфіксам *-н-*: вул. *Дачная*, вул. *Чыгуначная*, вул. *Школьная*, завул. *Вакзальны*, завул. *Транспартны*, завул. *Шасэйны*;
 - НК + апелятыў з суфіксам *-ск-*: вул. *Заводская*;
 - НК + апелятыў з суфіксам *-ов-* (*-ав-*): вул. *Кальцавая*;
 - НК + апелятыў з прэфіксам *за-* і суфіксам *-н-*: вул. *Загарадная*;
 - 4) гадонімы, якія рэпрэзентуюць сімвалы савецкай эпохі (8 назваў), утвораныя па наступных мадэлях:
 - НК + апелятыў: вул. *Пераможцаў*, вул. *Смугнараўцаў*, завул. *Камунараў*;
 - НК + апелятыў з суфіксам *-н-*: вул. *Інтэрнацыянальная*;
 - НК + апелятыў з суфіксам *-ск-* (*-цк-*): вул. *Камсамольская*, вул. *Піянерская*, вул. *Пралетарская*, вул. *Савецкая*;
 - 5) гадонімы, утвораныя ў гонар гістарычных падзей (3 назвы) па наступных мадэлях:
 - НК + апелятыў з суфіксам *-ск-* (*-цк-*): вул. *Кастрычніцкая*, вул. *Першамайская*;
 - НК + апелятыў з суфіксам *-н-*: вул. *Рэвалюцыйная*;
 - 6) гадонімы, утвораныя ад назваў ваенных супольнасцей (1 назва) па наступных мадэлях:
 - НК + складаны апелятыў з суфіксам *-ск-*: вул. *Чырвонаармейская*.
- Такім чынам, 44 гадонімы г. Калінкавічы (27,7 %) утвораны анімізацыяй апелятыва.
- Трансанімізацыя – гэта выкарыстанне ўласных імёнаў у назвах вуліц, завулкаў, бульвараў, праспектаў, трактаў. Паводле структурных і семантычных асаблівасцей трансанімізацыйныя назвы гадонімаў вылучаюцца ў наступныя групы:
- 1) гадонімы, названыя ў гонар пісьменнікаў, дзеячаў навукі і культуры (16 назваў), якія ўтвораны па наступных мадэлях:
 - НК + прозвішча: вул. *Астроўскага*, вул. *Казько*, вул. *Краўчанкі*, вул. *Ламаносава*, вул. *Лермантава*, вул. *Пушкіна*, вул. *Талстога*, вул. *Чэхава*, завул. *Маякоўскага*, завул. *Някрасава*, вул. *Шаўчэнкі*;
 - НК + імя і прозвішча: вул. *Максіма Багдановіча*, вул. *Францыска Скарыны*;
 - НК + псеўданім: вул. *Максіма Горкага*, вул. *Якуба Коласа*, вул. *Янкі Купалы*;
 - 2) гадонімы, названыя ў гонар герояў грамадзянскай і Вялікай Айчыннай войнаў (35 назваў), утвораныя па наступных мадэлях:
 - НК + прозвішча: вул. *Агафонава*, вул. *Азёрына*, вул. *Барэйкі*, вул. *Батава*, вул. *Брагоніна*, вул. *Быкоўскага*, вул. *Бялова*, вул. *Даватара*, вул. *Данілава*, вул. *Катоўскага*, вул. *Князева*, вул. *Крыўцова*, вул. *Куманёва*, вул. *Лазо*, вул. *Лазуненкі*, вул. *Матросова*, вул. *Нікалаева*, вул. *Ніканава*, вул. *Панова*, вул. *Паўлава*, вул. *Сомава*, вул. *Суркова*, вул. *Сураўцава*, вул. *Хабачова*, вул. *Шлыкава*, вул. *Языковіча*, завул. *Барысава*, завул. *Вагурына*, завул. *Заслонава*, завул. *Лысенкі*;
 - НК + імя і прозвішча: вул. *Алега Кашавога*, вул. *Веры Харужай*, вул. *Зоі Касмадзям'янскай*, вул. *Лізы Чайкінай*;
 - НК + апелятыў і прозвішча: вул. *Братоў Яскавец*;
 - 3) гадонімы, названыя ў гонар палітычных дзеячаў, кіраўнікоў Камуністычнай партыі Савецкага Саюза і ўрада СССР (13 назваў), утвораныя па наступных мадэлях:
 - НК + прозвішча: вул. *Дзяржынскага*, вул. *Калініна*, вул. *Кляшчова*, вул. *Куйбышава*, вул. *Луначарскага*, вул. *Мяснікова*, вул. *Свярдлова*, вул. *Фрунзэ*, завул. *Вароўскага*;
 - НК + імя і прозвішча: вул. *Карла Маркса*, вул. *Фрыдрыхска-Энгельска*;
 - НК + псеўданім: вул. *Кірава*, пл. *Леніна*;
 - 4) гадонімы, названыя ў гонар вядомых людзей, герояў мірнага часу (6 назваў), утвораныя па наступнай мадэлі:
 - НК + прозвішча: вул. *Волкава*, вул. *Гагарына*, вул. *Даленкі*, вул. *Піліпца*, вул. *Салаўёва*, вул. *Чкалава*;

5) гадонімы, названыя ў гонар дзеячаў рэвалюцыі (4 назвы), утвораныя па наступнай мадэлі:

– НК + прозвішча: *вул. Войкава, вул. Марата, вул. Мархалеўскага, завул. Чарнышэўскага*;

6) гадонімы, названыя ў гонар военачальнікаў (3 назвы), утвораныя па наступнай мадэлі:

– НК + прозвішча: *завул. Кутузава, вул. Суворова, вул. Шлягі*;

7) гадонімы, названыя ў гонар салдатаў, загінуўшых у Афганістане (3 назвы), утвораныя па наступнай мадэлі:

– НК + прозвішча: *вул. Карчуганова, вул. Корбаля, вул. Самсонава*.

Назвы гадонімаў, утвораныя ад прозвішчаў і імёнаў людзей, складаюць 80 адзінак – 50,3 % ад усёй колькасці назваў вуліц.

Назвы гадонімаў, матываваныя антрапонімамі, можна вылучыць у некалькі груп паводле дзейнасці і паходжання асоб (табліца 1).

Табліца 1 – Адлюстраванне ўласных імён асоб паводле іх дзейнасці і паходжання

№ п/п	Паходжанне асоб	Ураджэнцы Беларусі	Ураджэнцы Расіі	Ураджэнцы іншых краін	Усяго
1.	Удзельнікі грамадзянскай вайны	-	1	1	2
2.	Удзельнікі Вялікай Айчыннай вайны	5	25	4	34
3.	Паэты і пісьменнікі	5	7	2	14
4.	Палітычныя дзеячы	1	12	4	17
5.	Касманаўты і лётчыкі	-	2	-	2
6.	Іншыя выдатныя прадстаўнікі	6	3	-	9
7.	Вучоныя	1	1	-	2
Усяго		18 (22,5 %)	51 (63,8 %)	11 (13,7 %)	80

Асноўнымі ў гаданіміі Калінкавіч з'яўляюцца імёны ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны – ураджэнцаў Расіі. Такая значная перавага расійскіх імёнаў тлумачыцца тым, што большая іх частка – гэта імёны ўдзельнікаў вызвалення горада ў гады Вялікай Айчыннай вайны, салдат і камандзіраў, якія пахаваны ў брацкай магіле горада. Значна менш імёнаў палітычных дзеячаў, паэтаў і пісьменнікаў, сярод якіх пераважаюць імёны ўраджэнцаў Расіі.

Сярод вялікай колькасці імёнаў вядомых людзей (80 назваў) толькі 8 вуліц (10 %) носяць імёны ўраджэнцаў Калінкавічаў і Калінкавіцкага раёна: *вул. Братоў Яскавец, вул. Кляшчова, вул. Казько, вул. Корбаля, вул. Карчуганова, вул. Краўчанкі, вул. Піліпа, вул. Самсонава*;

8) частка гадонімаў г. Калінкавічы сваім паходжаннем звязана з тапонімамі і ўтвараецца па наступных мадэлях:

– НК + адтапонімнае ўтварэнне з суфіксам *-ск-*: *вул. Адэская* – гадонім утвораны ад тапоніма Адэса; *вул. Беларуская* – гадонім утвораны ад тапоніма Беларусь; *вул. Валгаградская* – гадонім, утвораны ад тапоніма Валгаград; *вул. Кіеўская* – гадонім утвораны ад тапоніма Кіеў; *вул. Ленінградская* – гадонім, утвораны ад тапоніма Ленінград; *вул. Мазырская* – гадонім, утвораны ад тапоніма Мазыр; *вул. Маскоўская* – гадонім, утвораны ад тапоніма Масква; *вул. Падольская* – гадонім, утвораны ад тапоніма Падольск; *вул. Палеская* – гадонім, утвораны ад тапоніма Палессе, указвае на рэгіён, дзе размешчаны горад; *вул. Севастопальская* – гадонім, утвораны ад тапоніма Севастопаль; *вул. Сітнянская* – гадонім, утвораны ад тапоніма Сітня; *вул. Тураўская* – гадонім, утвораны ад тапоніма Тураў; *шаіша Юравіцкая* – гадонім, утвораны ад тапоніма Юравічы. У назвах *Адэская, Беларуская, Падольская, Палеская, Юравіцкая* адбылося накладанне суфікса *-ск-* на канец асновы ўтваральнага слова: частковае (Адэская, Беларуская, Палеская) і поўнае (Падольская, Юравіцкая).

Такім чынам, адтапонімічныя гадонімы г. Калінкавічаў складаюць 13 назваў (8,2 %); назвы гадонімаў, утвораныя трансанімізацыяй, 93 адзінкі (58,5 %).

Трансурбананімізацыя – асобны спосаб утварэння гадонімаў, пры якім назва аднаго аб'екта дае назву другому ўнутрыгарадскому аб'екту:

– вуліца → завулку: вул. *Астроўскага* → завул. *Астроўскага*, вул. *Войкава* → завул. *Войкава*, вул. *Волкава* → завул. *Волкава*, вул. *Гагарына* → завул. *Гагарына*, вул. *Даватара* → завул. *Даватара*, вул. *Дзяржынскага* → завул. *Дзяржынскага*, вул. *Кастрычніцкая* → завул. *Кастрычніцкі*, вул. *Куйбышава* → завул. *Куйбышава*, вул. *Лясная* → завул. *Лясны*, вул. *Мазырская* → завул. *Мазырскі*, вул. *Мяснікова* → завул. *Мяснікова*, вул. *Нікалаева* → завул. *Нікалаева*, вул. *Працоўная* → завул. *Працоўны*, вул. *Рэвалюцыйная* → завул. *Рэвалюцыйны*, вул. *Савецкая* → завул. *Савецкі*, вул. *Салаўёва* → завул. *Салаўёва*, вул. *Свярдлова* → завул. *Свярдлова*, вул. *Совава* → завул. *Совава*, вул. *Суворава* → завул. *Суворава*, вул. *Фрыдрыхска-Энгельска* → завул. *Фрыдрыхска-Энгельска*, вул. *Чкалава* → завул. *Чкалава*, вул. *Энергетыкаў* → завул. *Энергетыкаў*.

Такім чынам, 22 гадонімы г. Калінкавічаў (13,8 %) утвораны спосабам трансурбанімізацыі.

Матываванымі гадонімамі г. Калінкавічаў з’яўляюцца: вул. *Заводская* (побач знаходзіцца Калінкавіцкі рамонтна-механічны завод), вул. *Зарэчная* (знаходзіцца каля ракі Нячеч), вул. *Чыгуначная* (ідзе ўздоўж чыгункі), завул. *Вакзальны* (знаходзіцца недалёка ад чыгуначнага вакзала), завул. *Заходні* (у заходняй частцы горада). Таксама, як лічыць У. Лякін, да матываваных гадонімаў адносіцца вул. *Калінавая* (па меркаванні крывянаўца побач з вуліцай расце многа каліны) [3, с. 90]. Такіх гадонімаў 6 (3,7 %).

Заклучэнне. Аналіз гадонімаў г. Калінкавічы паказвае, што сярод іх простыя назвы складаюць 159 адзінак (97 %), складаныя – 5 (3 %).

Прадуктыўнымі спосабамі ўтварэння простых гаданімічных адзінак з’яўляюцца трансанімізацыя і анімізацыя апелятыва. Спосабам трансанімізацыі ў горадзе ўтвораны 93 гадонімы (58,5 %), анімізацыяй – 44 (27,7 %). Менш прадуктыўным спосабам утварэння гадонімаў з’яўляецца трансурбанімізацыя – 22 гадонімы (13,8 %).

Найбольш папулярнымі назвамі лінейных аб’ектаў, утвораных ад онімаў, з’яўляюцца гадонімы, матываваныя антрапонімамі, якія часцей за ўсё ўтвараюцца па мадэлі: *НК + прозвішча* → *назва вуліцы*. Сярод адапелятыўных гадонімаў найбольш прадуктыўнымі з’яўляюцца мадэлі: *НК + апелятыў з суфіксам -ск- (-цк-)* і *НК + апелятыў з суфіксам -н-*. Да малапрадуктыўных словаўтваральных мадэлей адносяцца: *НК + апелятыў з суфіксамі -ыўн-, -оўн-, -ав-*.

Літаратура

1. Калінкавічы // Беларус. энцыклапедыя : у 18 т. – Мінск : БелЭн, 1996 – 2004. – Т. 7 : Застаўка – кантата / П. Пашкоў (гал рэд.). – 1998. – С. 469.
2. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : Изд. БГУ, 1974. – С. 151.
3. Лякин, В. А. Калиновы край в именах и названиях : историко-топонимический очерк / В. А. Лякин. – Минск : Колорград, 2016. – 136 с.
4. Тутэйшы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://tutejszy.ru/gomelskaya/kalinkovichskij/kalinkovich/252-kalinkovich-ili-kalenkovichi>. – Дата доступу : 24.08.2022.
5. Численность населения на 1 января 2022 г. и среднегодовая численность населения за 2021 год по Гомельской области в разрезе районов, городов, поселков городского типа / Национальный статистический комитет Республики Беларусь, Главное статистическое управление Гомельской области. – Гомель, 2022. – 10 с.
6. О нормализации наименований элементов улично-дорожной сети города Калинковичи : решение Калинковичского районного Совета депутатов, 26 июня 2017 г., № 123 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2017. – 9/84529.
7. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
8. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии : автореф. дис. ... д-ра филол. Наук : 10.02.02 / А. М. Мезенко ; Белорусский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени В.И. Ленина. – Минск, 1991. – 34 с.

Trends in modern Belarusian destructive discourse

A.A. LAVITSKI

The article presents the results of the diachronic research based on a detailed study of materials recognized by the court as destructive, that is, containing signs of an illegal act. The data obtained testify to the transformation of the genre preferences of the subjects of the discursive practice under consideration, which is manifested in the multiplicity, visualization and creolization of textual forms. In addition, destructive communication is characterized by the explication of publicity, as well as leveling and disauthorization, and a decrease in the general level of the author's language literacy.

Keywords: destructive discourse, legal linguistics, forensic linguistic expertise, genristics.

В статье представлены результаты диахронического исследования, основанные на детальном изучении материалов, признанных в судебном порядке деструктивными, то есть имеющими в содержании признаки противоправного деяния. Полученные данные свидетельствуют о трансформации жанровых предпочтений субъектов рассматриваемой дискурсивной практики, что проявляется в мультипликативности, визуализации и креолизации текстовых форм. Кроме того, для деструктивной коммуникации характерными являются экспликация публичности, а также юнивелизация и дезавторизация, снижение общего уровня языковой грамотности автора.

Ключевые слова: деструктивный дискурс, правовая лингвистика, лингвистическая экспертиза текста, генристика.

The first attempts to shape discourse studies into a concept date back to the fairly recent mid-sixties and even more recent is their development into a fundamental area of linguistics, which occurred when the systematic and structural approach to language learning started to be ousted by the functional model and anthropological paradigm.

Despite the existing experience in studying discursive theory and a variety of institutional practices, the concept of discourse still remains one of the most indistinct. The problem is that the multidimensional nature of discourse requires continual adjustment of approaches to the research field. This broadens the scope of scientific perception of the phenomenon, including its conceptualization in terms of aspects (i. e. discourse looked into from the standpoint of communication theory, semiotics, cognitive science, etc.). In our opinion, the most concise approach is that of N.D. Arutyunova, who defined discourse as «speech immersed in life» [1, c. 137]. The definition displays a certain foresight on the part of the researcher as her interpretation determines two most important characteristics of discourse: 1) its processuality (speech as a behavioural category) and 2) its social orientation (life as an environment for functioning). Moreover, transformations in one characteristic inevitably lead to modifications in the other.

Modern society is undergoing systematic reconfigurations, both global and regional, which are also reflected through occurrence of various discursive practices. The signs of the ongoing transformational dynamics of social relations (often sporadic and only partially predictable) are found in the «criminal actions of language» [2, c. 3], hence, in discourse itself. Modern communication, unfortunately, increasingly resorts to «substitution of notions and creation of new ones that lead to the shift in the target audience's picture of the world and create conditions for controlling their mind» [3, c. 122].

Before turning to a detailed description of the object of our research, we find it necessary to specify the concept of *destructive discourse*. It has become an isolated area of study within the general theory of discourse quite recently (see, for example, N.V. Melnichuk's dissertation «Constructive and destructive speech interaction in argumentative discourse (based on the material of parliamentary debates in the Bundestag)» [4]). This has primarily occurred due to growing intensity of research in the fields of linguistic conflictology and legal linguistics. There has been introduced the term delinquent linguistic personality, which defines an actor of illegal verbal behaviour. All this prompted researchers to reconsider their views on the development of communicative flows and focus on the problem of assessing the legality of their content, primarily, for signs of encroachment on an individual's rights and freedoms (insult, threat, slander, etc.) and violation of public order regulations (extremist appeals). The concept of destructive discourse unites these linguistic practices. Its distinctive feature is its product – a conflictogenic text. Unlike other language structures, a

conflictogenic text serves as means for committing offences and is, therefore, liable to legal action. In summary, destructive discourse is distinguished by presence of special characteristics of an actor (a delinquent linguistic personality) and a text product (an illegal verbal tool).

The reasons stated above explain the relevance of our scientific interest in the category of destructive discourse. Besides, our study also has an obvious practical value since it can significantly add to the theory of forensic linguistics expertise, concerned with developing methods and procedures for detecting offensive expressions in texts. Thus, *the purpose of our research is to reveal and describe the tendencies in the evolvement of modern destructive discourse.*

The material for our research was the findings that we obtained from special analyses (linguistic conclusions) carried out on request from procedural-investigative units and judicial bodies (the volume of expert work for 2018 – April 2022 totaling 59 copies). The methodology of processing and interpreting the obtained data comprised scientific methods (systematization and analysis) and linguistic methods (discourse analysis and linguistic parameterization).

The study of discursive dynamics fell within the range of interest of such founders of the theory of discourse as E. Benveniste, A. Greimas, W. Cheifal, and others. T.A. van Dijk stated that the speech flow is nothing but language in its constant movement, which is embodied in the socio-historical and cultural features of communicants [5, c. 112–113]. The social aspect of discourse is realized through «an expression of a certain ideological meaning» [6, c. 144], a component of the system of institutional axiological attitudes. A similar understanding of discourse as a complex phenomenon of realization of communicative behaviour is also found in the works of E. Benveniste [7, p. 54].

The dualism of discourse is revealed through the multivectoral nature of its characteristics, which include actors, functional attitudes, logical, structural-grammatical and semantic organization of the text, pragmatics of speech behaviour, communicative environment, etc. The dynamics of changes in these characteristics defines general strategies for the development of discourse. V.I. Karasik and G.G. Slyshkin believe that the most prominent features in modern communicative space are expansion of demonstrativeness, polycode nature of texts, «compression of the world», ruining of institutionality, etc. [8, c. 17–25].

Destructive discourse is not exceptional in the ongoing and profound transformations typical of the communicative paradigm. The dynamics of changes in its main characteristics already explicitly indicate its tendency to expansion, involvement of new actors and thematic transfusion.

Modern destructive discourse is developing very rapidly, which complicates the problem of systemizing the identified tendencies in terms of gradation of procedural intensification. In the time to come, we can expect to see other changes, including developments of radical nature.

Interactivity is a tendency of destructive discourse to rapidly shift to digital space. Printed texts (captions, leaflets, graffiti, etc.) are now becoming rare objects of linguistic analysis. The data that we have obtained show that in 2018 the analysis of this kind of material totaled only 30 % (three out of ten examinations), in 2019 – 20 % (three out of fifteen examinations), in 2020 – 15,8 % (three out of nineteen examinations), in 2021 – April 2022 – 53,3 % (eight out of fifteen examinations). Social media networks are becoming the main platforms for spreading conflictogenic texts.

De-identification is a direct result of the rapid shift of destructive verbal behaviour to network space, where it is a norm to preserve a certain level of anonymity of communicants. A nickname (a user's pseudonym on the Internet) and even the obligatory steps that have to be taken to register with a network forum are admittedly an ineffective form of identification control as it does not restrict users from publishing unverifiable information or using remote IP-addresses.

De-identification serves an important purpose as it gives users the freedom to neglect possible legal risks that may arise from their speech behaviour. Moreover, the same users can assume any social roles that they can choose and adjust to their needs before presenting them to their target audience.

Multiplicativity. Multiplicativity, or clip format, reveals the genre characteristic of the discursive field of destructive communication. Cases of illegal verbal behaviour are most often found in small genre forms and can hardly be encountered in large-volume analytical materials. The analysis of such verbal texts shows that they usually consist of one to three sentences in relatively small contexts. Polycode texts usually contain from one to two iconic (visual) elements supplied with an «explanatory inscription». It is obvious that this tendency stems from changes in the cognitive priorities of the linguistic personality: their analytical thinking skills are superseded by their need for «information saturation» achieved according to the formula volume = quantity x speed. The development of multiplicativity is also facilitated by format of most popular messengers which have limits for text length and audio-video size, focus on visuals, etc.

Visualization and creolization of the destructive discursive content reactualize the use of polycode information. This tendency is directly linked with the above-stated formula for information saturation and specifics of functioning of social media platforms, where creolized material is broadcast as a kind of quintessence, or accumulation, of analytically processed information. Moreover, such texts stimulate responsiveness of the organs of sense perception, which correlates with the opinion that «the largest part of sign systems – important, capacious and significant for society – is based on perception through sight and hearing» [9, c. 323]. In other words, visualization and creolization enhance the suggestive influence on the target audience. Though visualized products are more difficult to replicate, their conceptualization in the linguistic consciousness has a stronger impact than the influence that can be produced by text formats.

Juvenilization. Such a sociolinguistic characteristic of communicative behaviour as age rarely becomes an object of linguistic interest. Most linguists, though acknowledging statistically proved and obvious facts that the social media population grows on the account of increasing amount of adolescent and teenage users, seem to fail to approach the institutionalized features of their speech behaviour. The existence of youth language (slang) has become axiomatic for modern linguistic theory. However, a number of researchers believe that more profound language changes get under way when youth speech goes beyond the social boundaries of subculture and becomes a mass phenomenon. We are witnessing a massive expansion of juvenile style of behavior [8, c. 19]. Destructive discourse fits well with the general direction of this tendency. Firstly, authors of conflictogenic texts, whose identities were revealed by investigative bodies (note: based on the materials of our linguistic analysis carried out in 2018–2022), were mostly people in their mid-forties (92 %), and younger people in their late twenties and early thirties (88 %). Secondly, our findings show that the lexical and semantic content of conflictogenic texts abounds with teen slang.

It seems that this state of affairs has a certain psychological explanation: increased use of juvenile style in communicative behavior largely erases age boundaries in verbal exchanges. This is especially evident in extremist conflictogenic texts, where absence of age markers disguises their authors as «peers», increasing the intended impact on the target recipient.

Explicit publicity. The category of publicity forms a natural opposition with privacy, which is also evident in discourse. This dual opposition has a narrow and broad understanding. In a narrow sense, the differentiation of oppositional components is based on formal relationships among a number of addressees: if there is one addressee, discourse has a private nature, with two or more addressees it becomes public. Broad understanding is based on the analysis of the situation of conversational interaction: if the conversation involves a limited number of participants who are forbidden to share its content with other persons, discourse is private; if there is no limit on the number of participants, it is public. If the privacy requirements are broken, the whole discourse becomes public.

Linguistic expert science traditionally relies on broad understanding of public communication with one reservation, namely, the limited number of its participants does not have an addressee targeted by illegal verbal behaviour. It is also obvious that, technically, private discourse cannot be identified as destructive from either linguistic or legal position as it functions in a socially limited space and remains outside legal or expert scope. And only when it grows into public, that is, when it begins to involve new participants, its texts can become an object of legal assessment. However, whereas previously destructive discourse had a leaning to implicit publicity and sought to preserve maximum privacy to minimize any grounds for legal prosecution (for instance, the secret distribution of banned literature in the USSR), in modern realities, delinquent speech behavior, on the contrary, tends to reach out to an ever-increasing number of addressees so as to fully realize its potential to influence. Its inclination to extrapolate destructive information field to the widest possible social strata is revealed through the creation of open Internet groups and communities. As M.A. Osadchy says «every word spoken by a public person is repeatedly quoted and evaluated,» and «public speech can result in criminal punishment ...» [10, c. 9].

Obtrusiveness of destructive discourse is a tool of analytical technologies used for indirect Internet communication. Conflictogenic texts become an information commodity. They are promoted online, special sites regularly carry out optimization of the search engines and use contextual advertising. It seems that in the near future the tendency of destructive discourse to become obtrusive will develop into a technology used as part of PR support (we can already observe the beginning of this process).

Decline in formal literacy. We understand formal literacy as observance of linguistic norms and rules in a printed text (we use the term formal literacy to differentiate it from understanding literacy as conformity between illocutionary and perlocutionary characteristics of the text, in other words, its ability

to influence). We believe that this is not only a tendency particular to the development of discourse, but also a distinctive feature of modern communicative interaction. Moreover, obscene, stylistically diminished and slang expressions are regarded in this type of discourse as the norm, since the lexicon of this kind, according to V.I. Zelvis, is used today not so much for enhancing expressiveness as for reducing social distance and establishing communication [11, c. 349]. This approach can also be extrapolated to issues concerning the analysis of the actor's language competencies. In other words, the fact that a text contains grammar, speech and syntactic errors should not serve as a marker for defining the qualitative characteristics of the communicator (their education, intelligence, etc.). Perhaps this is a kind of communication tactics to create an image of «a peer» adjusted to the characteristics of the potential mass addressee.

Thus, modern geopolitical and socio-political realities turn information flows into an effective tool for controlling the public mind. In its extreme manifestations the organizational function of communication is replaced by manipulative (often manipulative-destructive) influence on the linguistic personality. This tendency adds to the importance of implementing legal procedures to regulate speech. However, admittedly, legal control is a kind of procedural action that can only assess legality of a particular verbal product here and now. The foundations for proactive legal measures and improvement of the legislative framework can only be laid through a complex qualitative analysis of the dynamics of destructive discourse. This is an area of interdisciplinary knowledge that requires a profound assessment of multiple factors.

The data at our disposal, actual linguistic and legal expert findings, show that modern destructive discourse features a number of tendencies, which, as we believe, can be explained by three reasons. Firstly, technological innovations have led to *interactivity* of this type of discourse and rapid development of analytical information technologies have contributed to its *obtrusiveness*. Secondly, the dynamics of the socio-psychological portrait of the communicator of destructive discourse (revealed in the *juvenilization of the linguistic personality*) has stimulated appearance of new text forms (*multiplicativity, visualization and creolization* of publications) and changes in their linguistic content (*decline in formal literacy*). Thirdly, the organizational behaviour of actors of destructive verbal practices leaves a certain imprint on the spatial and stylistic features of dissemination of conflict-prone texts: they gravitate toward *explicit publicity* and anonymity (*de-identification*).

The article was carried out within the framework of the grant of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research G 22-074 «Linguistic explication of offences (extremism, threat, insult and defamation) in terms of forensic text analysis».

Literature

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136–137.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт : монография / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1998. – 341 с.
3. Якова, И. А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию / И. А. Якова // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2015. – № 3. – С. 122–134.
4. Мельничук, Н. В. Конструктивное и деструктивное речевое взаимодействие в аргументативном дискурсе (на материале парламентских дебатов в Бундестаге) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. В. Мельничук. – Калуга, 2019. – 25 с.
5. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск, 2000. – 308 с.
6. Морозова, Е. И. Ложь как дискурсивное образование : лингвокогнитивный аспект / Е. И. Морозова. – Харьков : Экограф, 2005. – 300 с.
7. Benveniste, E. On Discourse. The Theoretical Essays : Film, Linguistics, Literature / E. Benveniste. – Manchester : Manchester Uni. Press., 1985. – 246 p.
8. Карасик, В. И. Тенденции развития современного дискурса / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Тематический выпуск : Многомерность дискурса. – 2021. – № 1. – С. 14–31.
9. Якобсон, Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. О. Якобсон. – М., 1985. – 460 с.
10. Осадчий, М. А. Правовой самоконтроль оратора / М. А. Осадчий. – М., 2007. – 360 с.
11. Жельвис, В. И. Поле брани : Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – М. : Ладомир, 2001. – 349 с.

УДК 811.111'36 (043.3)

Аргументативная составляющая аналитической статьи в британской прессе

И.В. ЛЕШКЕВИЧ

Структура англоязычной аналитической статьи анализируется в рамках семантико-прагматического подхода с опорой на концепцию суперструктуры. Выделяются семантические компоненты (формулирование проблемы, причины проблемы, пути её решения и др.) и прагматические, представленные аргументативным блоком (аргумент, контраргумент, следствие). Обязательными структурными компонентами являются формулирование проблемы и аргумент. Значимость аргументативной составляющей для аналитической статьи обуславливает её детальную классификацию и анализ с учетом роли в построении факультативных семантических компонентов.

Ключевые слова: аналитическая статья, семантическая структура, аргументативная составляющая, маркёр, обязательный компонент, факультативный компонент.

The paper presents the results of the semantic-pragmatic analysis of the structural organization of the analytical article in the British press. This integrated approach made it possible to single out semantic structural components (problem formulation, the causes of the problem, solutions to the problem, etc.) as well as pragmatic constituents (argument, counter-argument, consequence), which are classified into compulsory and optional. The types of the component argument and its specific role in the semantic structure of the analytical article have been identified.

Keywords: analytical article, semantic structure, argumentative component, marker, compulsory component, optional component.

Смена научной парадигмы привела к тому, что лингвистика перешла от изучения собственно языка к изучению его функционирования в широком социальном контексте. В результате в центре внимания лингвистов оказывается дискурс и его виды (аргументативный, рекламный, деловой, юридический, научный, спортивный и др.), а также коммуникативные и когнитивные аспекты его порождения. Дискурс определяется как понятие значительно более широкое, чем текст, включающее в себя не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы. Большинство ученых сходятся во мнении, что дискурс – это процесс, а текст – результат (Н.Д. Арутюнова, Т.А. ван Дейк, Т.П. Карпилович, И.П. Сусов, В.Е. Чернявская и др.). Таким образом, лингвистический анализ дискурса базируется на изучении текста в ситуации политического, социального и культурного контекстов.

В результате глобализации информационных процессов и расширения форм воздействия на человека с помощью новых СМИ интерес представляет изучение аргументативного дискурса на материале медиатекста. Так, существуют многочисленные работы по теории аргументации (А.Н. Баранов, Л.Г. Васильев, А.А. Ивин, Т.П. Третьякова, F.van Eemeren, R. Grootendorst, Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca и др.); исследования, направленные на изучение языкового аспекта ее реализации (А.Н. Баранов, А.Д. Белова, Т.В. Губаева, Н.Н. Ивакина, Е.В. Ключев, Н.Ю. Фанян, Н.А. Ощепкова, В.В. Киселева, Ю.А. Кошеварова и др.). Однако разработке аргументации в СМИ посвящено меньшее количество работ (В.Ю. Голубев, К.В. Гудкова, Н.В. Гущина, А.В. Калачинский, В.И. Курбатов). Проведенный теоретический обзор свидетельствует о том, что несмотря на популярность аргументации как объекта исследования, целостной теории аргументации не существует. В результате проблема аргументации продолжает оставаться одной из самых сложных в логике и недостаточно исследованной в лингвистике. Сложность дефиниции и построения теории аргументации обусловлена комплексным характером последней.

Аргументацию определяют как технику речи, направленную на убеждение собеседника, аудитории [1]; способ рассуждения, являющийся мыслительным процессом [2]; приведение одних доказательств для подкрепления / обоснования других [3]; социальную, интеллектуальную, вербальную деятельность, служащую оправданию / опровержению точки зрения, представленную системой утверждений, направленных на достижение одобрения у опреде-

ленной аудитории [4]. В рамках когнитивного подхода отмечается, что в ходе аргументации происходит взаимодействие систем восприятия, репрезентации и продуцирования информации, т. е. когниция [5, с. 14–15].

Материалом данного исследования служат 30 аналитических статей из британских периодических изданий за 2017–2022 гг.: «The Observer», «The Guardian», «The Times» и др.

Аналитическая статья – яркий представитель аргументативного дискурса: текст, в котором субъект достаточно обоснованно рассуждает о деятельности человека и событиях с целью установления их значимости для жизни человека, их правильной интерпретации и совершенствовании действительности [6]–[8]. Следовательно, основной композиционно-речевой формой в аналитической статье является рассуждение. Под рассуждением понимается текст «в основе которого лежат логические отношения обоснования: причинные, уступительные, следственные, а также в ряде случаев, условные, сопоставления, противопоставления, оформленные соответствующими логическими связками или подразумевающие их» [Цит. по: 8, с. 18]. Описание и повествование выступают вспомогательными композиционно-речевыми формами и представляют апелляцию к опыту журналиста.

Англоязычная аналитическая статья рассматривается нами как объект, с одной стороны, аргументативно-дискурсивного анализа, а с другой, – когнитивно-семантического. В результате структура аналитической статьи анализируется как структура убеждения (аргументации), связанная со способом представления знаний.

Мы полагаем, что качество аргументации как интеллектуально-речевой деятельности, реализующей прагматику убеждения, определяется рядом факторов. Один из наиболее существенных – способ «внутренней организации» [9, р. 19] аргументирующего рассуждения, или тип аргументативной схемы. Выделяется различное количество таких схем. Так, Д. Уолтон предлагает 25, из которых наиболее частотные рассуждения на основе источников, примеров, стандартов, причины, вербальной классификации, практического опыта, признака, а также градуальное и презумптивное и др. [10]. У Д. Энингера и В. Брокрида система оснований базируется на следующих типах рассуждений: на основе причины, признака, примера, аналогии и авторитета [11]. В соответствии с двумя основными формами убеждающей речи (доказательство и внушение) Т.В. Анисимова выделяет логические аргументы (факты, статистика, ссылки на законы и др.) и психологические (побуждающие и объясняющие), а также иллюстративные, образные, оценочные аргументы и ссылки на авторитеты [12].

В результате проведенного К.В. Гудковой структурно-аргументативного анализа было установлено, что аргументация аналитической статьи характеризуется многоуровневой структурой, которая представлена в виде фрейма с обязательными узлами (тезис и как минимум два аргумента) и факультативными (субтезисы и субаргументы) [13]. Е.В. Лавренко выделяет следующие структурные части аналитических экономических статей: вступление, аргументирующую и заключительную части [14]. А Т.П. Карпилович в структуре проблемной аналитической статьи дифференцирует прототипические семантические компоненты *описание проблемной ситуации* и *пути решения проблемы* [15].

Семантика текста в нашей модели анализируется с учетом понятия суперструктуры, предложенной Т. ван Дейком [16]. Суперструктура постулируется им как формальная схема дискурсивного жанра, однако в конкретном анализе текстов газетных новостей, наряду с формальными категориями, т. е. категориями композиции (*заголовок, резюме, лид* и др.), он использует семантические категории (*предшествующие события, фон, вербальные реакции* и др.).

Используя понятие суперструктуры, мы наделяем его семантическими свойствами и определяем как общую структуру содержания текста, т. е. как семантическую структуру, представленную рядом семантических компонентов. Однако, принимая во внимание значение аргументации для построения текстов данного жанра, включаем в структуру аналитической статьи элементы (структурные составляющие) аргументации. В результате интегрированного подхода нами выделяются следующие компоненты: *описание проблемной ситуации, формулирование проблемы, причины проблемы, пути решения проблемы, аргумент, контраргумент, вывод, следствие, прогнозы / предсказания*. Обязательными компонентами для текстов являются *формулирование проблемы* и *аргумент*. Остальные конститuentы струк-

турной схемы аналитической статьи относятся к факультативным, осложняющим базовую семантическую конструкцию текста. При выявлении семантических компонентов мы опирались на маркёры – поверхностные, формальные признаки – конкретные слова, лексико-семантические группы слов, словосочетания или лексико-синтаксические структуры.

Структура аналитической статьи в британской прессе начинается в большинстве случаев с обязательного семантического компонента *формулирование проблемы*, который представляет собой авторское суждение относительно проблемной ситуации, ему соответствует *тезис* в аргументативной структуре. Например, в статье Оливера Лафланда «North Korea: are missiles capable of hitting New York City?» обсуждается вероятность нанесения удара Северной Кореей по Лос-Анжелесу, Чикаго и Нью Йорку и непоследовательный подход Трампа к дипломатическому урегулированию, который не предвещает счастливого исхода: <...> *Pyongyang's missiles are capable of striking LA, Chicago or even New York – but Trump's scattergun approach to diplomacy does not bode well* (The Guardian. 28.07.2017).

С компонентом *формулирование проблемы* тесно связан компонент *описание проблемной ситуации*, предшествующий или следующий за ним. Он представляет собой факультативный элемент в структуре англоязычной аналитической статьи и используется автором для погружения читателя в проблемное поле сообщения, способствуя успешной реализации общей структуры текста-рассуждения. Во все той же статье, посвященной запуску ракет Северной Кореей, освещается факт подобного эксперимента в начале месяца: *North Korea claimed to have conducted its first test launch of an intercontinental ballistic missile (ICBM) earlier this month <...>. It was the first time that Pyongyang had showed its weapons could in theory reach American soil. But that alarming milestone appears already to have been overtaken with the launch on Friday of a new missile*. Приведенный текстовый фрагмент иллюстрирует, как компонент *описание проблемной ситуации* стимулирует интерес к обсуждаемой теме (наращиванию военной мощи Северной Кореей), с одной стороны, и способствует более детальному освещению проблемной ситуации (повторному запуску межконтинентальных баллистических ракет), с другой.

Следующий обязательный компонент аналитической статьи *аргумент* включает доводы в пользу суждения, выраженного в компоненте *формулирование проблемы*. Так, бывший аналитик ЦРУ по Корее, сейчас представляющий Фонд наследия, полагает, что значительная часть континентальных Соединенных Штатов находится в зоне поражения ракет Северной Кореи: «*It now appears that a significant portion of the continental United States is within range of North Korean missiles, Bruce Klingner, a former Korea analyst for the CIA who is currently at the Heritage Foundation, told the Associated Press.*

Структура анализируемой аналитической статьи осложняется *контраргументом*, или антидоводом, воплощающим иной ход развития событий. Например, далее в статье «North Korea: are missiles capable of hitting New York City?» приводится точка зрения аналитиков, опровергающих возможность изобретения Северной Кореей ядерных ракет, способных представлять реальную угрозу США: <...> *many analysts still doubt whether it can miniaturise a nuclear weapon sufficiently to fit it on to a missile. They also believe the regime is unlikely to have mastered the technology needed for an ICBM to survive re-entry into the earth's atmosphere.*

Необходимо отметить вариативность в способах актуализации аргументов. Приведенный выше аргумент так же, как и контраргумент, представляет собой вербальные реакции или комментарии участников событий, т. е. аргумент и контраргумент к авторитету. Под авторитетом понимается «общепризнанное неформальное значение, влияние, компетентность, которыми наделяются и пользуются люди, идеи, системы взглядов, организации, общественные институты в силу определенных качеств и функций» [17, с. 11].

Выявлены обращения к индивидуальному авторитету и коллективному. Модели презентации авторитета можно сгруппировать следующим образом. Если аргументатор уверен в представительности авторитета и в осведомленности адресата, он ограничивается упоминанием его имени и фамилии: *Merkel suggested earlier this year that the US (and Britain) could no longer be wholly relied upon* (The Observer. 30.07.2017). Сомнение в осведомленности адресата, а также желание подчеркнуть статус авторитета, его релевантность для данной области знания побуждают аргументатора к дополнению презентации авторитета характеризующими компонентами. Например: *Emma Slawinski, director of campaigns at Compassion in World Farming, said the problems of mega farms around the world included over-medication, where animals are*

given antibiotics whether they are needed or not (The Guardian. 18.07.2017). Кроме того, введение авторитета в структуру обоснования возможно как апелляция к неопределенному (анонимному) источнику. В СМИ такая презентационная модель носит массовый характер и вербализуется посредством речевых формул: *experts believe, analysts doubt, some ministers point out, said one senior Tory MP; The German newspaper Süddeutsche Zeitung, the International Consortium of Investigative Journalists, the National Center for Transgender Equality*. Например: *<...> ministerial, official and Brussels sources told the Observer that the UK urgently needs to produce clarity on its demands in order to dodge a Brexit calamity; Insiders point out a series of short, medium and long-term issues where the British position remains unclear* (The Guardian. 15.07.2017).

Авторитет, задействованный в анализе проблемной ситуации, может быть эпистемическим, моральным либо деонтическим (А.А. Ивин).

1. источник эпистемического авторитета – носитель знания (специалист, ученый), обладающий безусловной легитимностью аргументации: **Dan Cassino, a political scientist and expert on conservative media, says Breitbart is protecting Sessions because «he is a trusted broker for people on the far right on immigration»** DC (The Guardian. 26.07.2017);

2. источник морального авторитета – носитель морально-нравственных ценностей: представитель различных областей культур (философ, писатель, поэт, музыкант) или общественный деятель. Например: **Joseph Lowndes, a political scientist at the University of Oregon and the author of a book about modern conservatism, says Breitbart's latest take reflects the fact that while Trump's early presidency has been hemmed in by Congress, the courts, federal agencies and its own incompetence, the attorney general's office is one of the few areas where the administration has been able to «step on the gas» and deliver «the red meat of Trumpism»** (The Guardian. 26.07.2017);

3. источник деонтического авторитета – носитель властных полномочий (политик, чиновник, наделенный административным статусом ученый): **Norman Lamb, the Liberal Democrat MP for North Norfolk, and former minister, said: «We need new and robust domestic regulations to meet the emerging landscape and take the place of EU legislation post-Brexit»** (The Guardian. 18.07.2017). Возможны два варианта включения деонтического авторитета. Во-первых, прямая апелляция к мнению политиков, чиновников; **The foreign secretary, Boris Johnson, once more caused red faces across Whitehall this week when he suggested in parliament that the EU should «go whistle» if it wants a divorce settlement from Britain** (The Guardian. 13.07.2017). Во-вторых, как обращение к деонтическому авторитету мы квалифицируем указание в презентации авторитета его не только научного, но и социально-административного статуса: **David Wright, a physicist and co-director at the Union of Concerned Scientists Global Security Program told the AP Friday's test indicated a range of around 10,400 km (6,500 miles) – well within reach of major cities throughout the US and only around 600 km short of Washington DC** (The Guardian. 28.07.2017).

Возвращаясь к типологии аргументов, помимо аргумента к авторитету выявлены еще два – аргумент к фактам и мнению автора. Первый тип реализует фактуальную информацию, к которой обращается журналист в поисках доказательств. В качестве довода о некомпетентности и непригодности Трампа для должности Президента США автор приводит данные о «потери» им сотрудников Белого дома: *Trump, a supposedly ace chief executive, has now lost a chief of staff, a deputy chief of staff, a national security adviser, a communications director and a press secretary in short order. To lose one or even two of his most senior people might be excused as unfortunate. To lose all five suggests the fault is his* (The Observer. 30.07.2017).

Для большей убедительности фактуальная информация может дополняться статистическими данными. Таким образом, в статье Мона Чалаби «Data sketch: trans people 2.3 times more likely to serve in the US military», посвященной плану Трампа ввести запрет на службу в армии трансгендерных лиц, с помощью результатов опроса обосновывается ущемление прав этой группы населения: *In 2015, the National Center for Transgender Equality published the findings of a survey that reflected the experiences of 27,715 transgender people in the 50 US states. Their findings show that, compared with the general population, transgender people in America are:*

- 2.3 times more likely to serve in the military <...>;
- 4.8 times more likely to experience police harassment;
- 8.7 times more likely to have attempted suicide at some point in their lives (The Guardian. 28.07.2017).

Еще один тип аргумента представляет собой мнение автора аналитической статьи: *This uncertainty, like the chaos in the White House and the extraordinary disarray of the American body politics, stems from Trump's glaring unfitness for the highest office. As is now becoming ever plainer, this threatens us all* (The Observer. 30.07.2017). В приведенном отрывке маркёром данного типа аргумента выступает притяжательное местоимение *us* 'нас'. Включая себя в одну группу с читателями, автор способствует возникновению доверия и принятию его оценки профессионализму Президента США.

В результате анализа установлено, что в британской аналитической статье наиболее употребителен аргумент к авторитету. Кроме того, он способен «проникать» в другие семантические компоненты, например, компонент *причины проблемы*: *So what is causing the problems? There are two historic issues that officials point to as having dented the preparedness of the civil service. One is that it is paying the price for neglecting its trade and negotiating skills. «Civil servants rarely won praise from a minister for dealing well with Europe,» said one mandarin. The other is the failure to make any contingency plans for Brexit before the referendum, on the orders of the Cameron administration. On top of that, there is a natural capacity issue given the size of the task* (The Guardian. 15.07.2017). В приведенном отрывке из статьи, посвященной выходу Великобритании из ЕС, аргумент к авторитету встроен в факультативный компонент *причины проблемы* и представляет собой апелляцию к неопределенному (анонимному) источнику, его маркёрами являются лексико-синтаксические структуры *officials point to, said one mandarin*. Помимо маркёров деонтического авторитета (политиков, чиновник) выявлены словосочетание *to cause the problems* 'вызывать проблемы', а также лексико-синтаксические структуры *There are two historic issues, One is, The other is, On top of that*, которые сигнализируют о компоненте *причины проблемы*.

Далее для выхода из сложившейся ситуации в компоненте *пути решения проблемы* (маркёры *two options, The first is to, The second is to*) рассматриваются два возможных варианта и приводится аргумент к авторитету (*one minister puts it*): *As one minister puts it, the government has two options. The first is to plough ahead with the current «hard Brexit» in order to show Tory Brexiters that it had been attempted, which could help keep the party together. The second is to begin making clearer concessions in crucial areas now – which are likely to unleash internal accusations of capitulation. «Either way it's pretty horrid»* (The Guardian. 15.07.2017).

Компонент *пути решения проблемы* может реализовываться с помощью модальных глаголов *must* и *should*: *Efforts must not stop there. The public register for beneficial owners of UK companies must be extended to British tax havens; it must include trusts; and a proper means of checking it must be introduced. Accountability should not depend on leaks, however effective they have proved this time* (The Guardian. 28.07.2017). Такие лексические маркёры, как, например, *efforts* 'усилия' в компоненте *пути решения проблемы* или *impact* 'последствие' в одноименном семантическом компоненте участвуют в вербализации структурных компонентов британской аналитической статьи: *The impact has been financial too: governments are tracing billions of dollars in unpaid taxes or other assets. The European commission has published proposals to get tough on offshore tax schemes* (The Guardian. 28.07.2017).

В результате использования интегрированного семантико-прагматического подхода изучена структурная организация аналитической статьи из британской прессы. В соответствии с этим подходом структура рассматривается на основе концепции суперструктуры с опорой на теорию аргументации, поэтому включает как семантические компоненты (*формулирование проблемы, описание проблемной ситуации, причины проблемы, пути решения проблемы, вывод, прогнозы / предсказания*), так и аргументативные составляющие, носящие прагматический характер (*аргумент, контраргумент, следствие*). Выявлены обязательные и факультативные семантико-прагматические компоненты, которые вербализуются с помощью языковых маркёров – лексических и лексико-синтаксических средств. К обязательным относятся компонент *формулирование проблемы*, который фактически выступает тезисом аргументативного блока, и *аргумент*; к факультативным – *описание проблемной ситуации, причины проблемы, пути решения проблемы, контраргумент, вывод, следствие, прогнозы / предсказания*.

Из составляющих аргументативного блока наиболее употребителен компонент *аргумент*, что обусловило необходимость его дальнейшей дифференциации. В результате выяв-

лены следующие типы аргумента: *аргумент-факт*, *аргумент-мнение автора* и *аргумент к авторитету*. Поскольку самым значимым в семантической структуре аналитической статьи является аргумент к авторитету, он классифицируется по источнику авторитета на индивидуальный и коллективный, а также эпистемический, моральный и деонтический.

Изучение факультативных компонентов структуры аналитической статьи позволило выявить специфику реализации аргументативной составляющей, которая заключается в прерывистом характере представления в тексте. Так, компонент *аргумент к авторитету*, с одной стороны, может употребляться в последовательности аргументов в начальных, срединных и финальных позициях статьи, с другой, – принимать активное участие в построении факультативных компонентов. Таким образом, он выполняет двойную функцию: главную как самостоятельный компонент и второстепенную как элемент других составляющих семантической структуры текста, например, компонента *причины проблемы* или *пути её решения*.

Литература

1. Рождественский, Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1997. – 59 с.
2. Брутян, Г. А. Очерк теории аргументации = Outline of the theory of argumentation / Г. А. Брутян. – Ереван : Изд-во АН Армении, 1992. – 301 с.
3. Клюев, Е. В. Риторика. Инвестиция. Диспозиция. Элокуция : учеб. пособ. для вузов / Е. В. Клюев. – М. : Приор, 1999. – 271 с.
4. Алексеев, А. П. Аргументация. Познание. Общение / А. П. Алексеев. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 150 с.
5. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Н. Баранов. – М., 1990. – 349 с.
6. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов : опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС Эдиториал, 2005. – 288 с.
7. Тертычный, А. А. Аналитическая журналистика: познавательный-психологический подход / А. А. Тертычный. – М. : Гендальф, 1998. – 256 с.
8. Фролова, И. В. Оценочные стратегии в аналитических статьях качественной британской и российской прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. В. Фролова. – М., 2016. – 25 с.
9. Eemeren, F. H. van. Argumentation Theory / F. H. Eemeren van [etc.] // Handbook of Argumentation Theory. – Dordrecht : Springer, 2014. – P. 1–50.
10. Walton, D. A Pragmatic Theory of Fallacy / D. Walton. – University of Alabama Press, 1995. – 344 p.
11. Ehninger, D. Decision by Debate / D. Ehninger, W. Brockride. – New York : Dodd, 1973. – 370 p.
12. Анисимова, Т. В. Аргументация / Т. В. Анисимова // Современная деловая риторика : учеб. пособ. / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. – М., 2001. – С. 33–38.
13. Гудкова, К. В. Когнитивно-прагматический анализ аргументации в аналитической газетной статье : (на материале британской прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / К. В. Гудкова. – СПб., 2009. – 23 с.
14. Лавренко, Е. В. Языковое воплощение коммуникативных стратегий в экономическом дискурсе : (по материалам британского и американского вариантов английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Лавренко. – Минск, 2008. – 120 с.
15. Карпилович, Т. П. Распознавание смысла аналитического медиатекста формальными методами / Т. П. Карпилович // Актуальные проблемы современной прикладной лингвистики : сб. науч. ст. ; редкол.: Л. Н. Беляева [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – С. 139–144.
16. Дейк, Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петрова ; пер. с англ. яз. ; под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
17. Петренко, Е. Л. Авторитет / Е. Л. Петренко // Философский словарь ; под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. – С. 11.

УДК 821.161.3-311.9*Я.Баршчэўскі:821.111(73)-311.9*Э.По

Будучыня ва ўяўленні нацыянальных рамантыкаў (Ян Баршчэўскі і Эдгар По)

Л.А. ЛЕШЧАНКА

У артыкуле даследуецца пытанне рэпрэзентацыі тэмы будучыні ў прозе Яна Баршчэўскага і Эдгара Алана По. Адзначаецца падабенства сюжэтаў і вобразаў у творах беларускага і амерыканскага пісьменнікаў, аналізуецца выбар мастацкіх сродкаў для ўвасаблення тэмы.

Ключавыя словы: кампаратывістыка, будучыня, рамантызм, Ян Баршчэўскі, Эдгар По.

The article explores the question of the representation of the theme of future in the prose of Jan Barszewski and Edgar Allan Poe. The similarity of plots and images in the works of Belarusian and American writers is noted, the choice of stylistic devices for the embodiment of the theme is analyzed.

Keywords: comparative literature, future, romanticism, Jan Barszewski, Edgar Poe.

Тэарэтыкі рамантызму паставілі перад чалавецтвам шэраг пытанняў, адказу на якія не знайшлі да гэтага часу. Для рамантыкаў адказ на пытанне, ці робяць вялікі рух навукі наперад і свецкі прагрэс свет лепшым, быў далёка не відавочным. Яны бачылі сучасную ім цывілізацыю дэгуманізуючай і адчужаючай, таму што чалавецтва праз урбанізацыю адарвалася ад прыроды. Свецкі прагрэс і урбанізаваная цывілізацыя стваралі ўсё большы прыгнёт і рэгламентацыю ў чалавечым духу. Нягледзячы на тое, што філосафы эпохі Асветніцтва часта адстойвалі ідэалы свабоды і самавыяўлення, рамантыкі бачылі ў выніках усё большай мадэрнізацыі процілеглы эфект. Яны цвёрда верылі ў каштоўнасці індывідуалізму і свабоды, якія, на іх думку, падрываліся ў новым сусветным парадку.

Калі філосафы эпохі Асветніцтва і прыхільнікі тагачаснай навукі і тэхнікі верылі, што чалавецтва набліжаецца да раю на зямлі, рамантыкі бачылі, як разгортваецца паступальная смерць чалавечага духу [1, с. 263]. Рамантыкі глядзелі на мінулае са смуткам, але і будучыня ім бачылася не менш трагічнай. Адным словам, рамантыкам філасофія прагрэсу, пабудаваная на рацыянальнасці, аб'ектыўнасці, механізацыі і эфектыўнасці, зусім не падавалася прагрэсам; яна ўяўлялася рэгрэсіўнай і больш падобнай да смерці.

Каб прааналізаваць бачанне будучыні згаданых нацыянальных рамантыкаў, мы ўзялі за аснову іх кароткія апавяданні, цалкам прысвечаныя праблеме. У Яна Баршчэўскага гэта трынаццатае апавяданне «Жабер-трава» са зборніка «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях», а ў Эдгара По – «Mellonta Tauta» («*Тое ў будучыні*»), якое падаецца ў перакладзе аўтара.

Баршчэўскі для адлюстравання свайго бачання будучыні выкарыстоўвае вобраз «жабер-травы». Згодна народным павер'ям, гэта цудадзейная расліна, з дапамогай якой чалавек выпраўляецца ў трансцэндэнтальнае падарожжа. Яна расце на дне глыбокага возера сярод вострых камянёў і водарасцяў у валоданнях духа Фараона – аднаго з васьмі цыганскіх духаў, якія ўплываюць на людзей. Апоўдні, у ясны, сонечны дзень, у самую спёку жабер-трава свеціцца пад вадой, бы ясная зорка. Лісцік жабер-травы, прыкладзены да скроні, здымае з вачэй нябачную заслонку, і яны пачынаюць «зусім іначай глядзець на свет і бачыць будучыню» [2, с. 238].

Герой апавядання «Жабер-трава», малады Адольф, здабыўшы яе і «*прылажыўшы да скроні халодны лісцік жабер-травы, умомант адчуў у сабе перамены: перад яго вачыма з'явіліся зусім іншыя краявіды*» [2, с. 240]. Страшная будучыня адкрылася яму: «*Там, на пагорку, сярод бярэзін стаяў мураваны касцёлік, – а цяпер ад дрэў тых толькі пянькі тырчаць з зямлі, касцёл у руінах, без дзвярэй і даху. Дзе была вёска – цяпер пустка, дзве толькі засталіся старыя грушы, якія нядаўна ён бачыў у садзе. Тут жа, ля яго, некалі каласілася буйное жыта – цяпер тая ніва пакрыта дзікаю травой, быццам некалькі гадоў не бачыла ратая*» [2, с. 241].

З прыкладаў бачна, што тут трывога рамантыка Баршчэўскага за будучыню веры і за лёс свайго краю паказваецца наўпрост, без мудрагелістых намёкаў, як гэта можна назіраць у іншых апавяданнях. Заняпад рэлігіі, гаспадаркі і маралі падаюцца аўтару непазбежнымі.

Як Рып Ван Вінкль, герой твора Вашынгтона Ірвінга, Адольф Баршчэўскага вяртаецца ў родныя мясціны нібы праз адно імгненне, але насамрэч з пачатку незвычайнай сітуацыі праходзіць багата часу, і ён усюды бачыць перад сабой «вялікія перамены» [2, с. 241], якія напаўняюць сэрца скрухай. «*Калі дзень ужо патух і густы змрок лёг на лагі, Адольф падышоў да зусім незнаёмае вёскі*», дзе пачуў, як людзі кажучь, што «цяпер такія цяжкія часіны! Усюды нястача» [2, с. 241]. Цікава адзначыць, што прычыны яе не называюцца, нібы чытач сам павінен здагадацца, хто ў гэтым вінаваты.

Пазней герой сустракае цыгана Шылку, які дапамог яму здабыць жабер-траву. Ён вельмі пастарэў з іх апошняй сустачы і тлумачыць, што прайшло ўжо «*больш за дзесяць гадоў*» [2, с. 242]. Далей трывогу героя і экзістэнцыяльны жах аўтара ўзмацняе зварот да старога Шылкі: «*Не ведаю, дзе мой дом, дзе я цяпер, куды выведзе гэтая дарога, і неба хаваецца за хмары, і навалніца над галавою*» [2, с. 242].

У адказ той прарочыць, што «*не хутка будзе такое добрае надвор'е, якое было тады, як я апавядаў табе пра жабер-траву і пра духа Фарона*» [2, с. 242]. Тут відавочная агульнарамантажная тэндэнцыя шкадаваць аб далёкім і светлым мінулым, згадваць уяўны залаты век чалавецтва.

Ключавым паваротам падзей з'яўляецца пытанне героя «*Якою дарогаю ісці мне дахаты?*» [2, с. 242]. Гэта значыць, ён пытае, як яму, а разам з ім і чытачу, вярнуцца да сваіх каранёў, як трапіць у тыя слаўныя часы мінуўшчыны? Шылка адказвае, што ёсць тры дарогі: «*Злева і справа – шырокія шляхі, а між імі – вузкая і ўтравелая сцежка, што ідзе праз камяністае поле і цёмныя пушчы*» і апавядае, «*што сустракаюць людзі, якія едуць і ідуць туды, каб падарожнічаць з выгодамі*» [2, с. 242].

Кожная з пералічаных дарог увасабляе сабой шлях развіцця чалавецтва. Так, на левай дарозе «*цудоўныя малюнкi чаруюць вока*», «*зелянеюць пагоркі, на дрэвах даспявае салодкая садавіна, лугі раскашуюць духмянымі краскамі, азёры спакойныя і ясныя, як люстэркі, у вадзе люструюцца воблакi і дрэвы, што растуць на беразе, звiняць крыніцы, чыстыя, як крышталi, і гамоніць ад подыху лагоднага ветрыку лістота ў пекных гаях*» [2, с. 242]. Тут апісваецца сваеасаблівы рай на зямлі, спакой і гармонія ва ўсім. На гэтай прасторы хочацца жыць бесклапотна, забыць пра ўсе турботы свету і зліцца з прыродай.

Але там «*на лугах і ў гаях гуляюць русалкі, на галовах у іх пекныя вянкi з валошак, вусны іх каралавыя, вочы ясныя, доўгія валасы падаюць на плечы, яны ветліва страчаюць вандроўнікаў. Адны з іх – легкадумныя, заўсёды вясёлыя, скачуць і спяваюць, вабяць да сябе, смешаць жартоўнаю гаворкаю, завабліваюць у цёмныя лясы; заблукаўшы там, няшчасны падарожны ніколі не выйдзе на дарогу. Іншыя – маркотныя, у вачах меланхолія, словы іхнія хвалююць, пяшчотныя песні раняць сэрца, як страла, акунаюць думкі ў смутак і, давеўшы гэтымі чарамі да роспачы, уцякаюць прэч*» [2, с. 242]. З гэтай цытаты бачна, што за вонкавай прыгажосцю схаваныя спакусы і жахі. Вобраз русалак, якія завабліваюць у цёмныя лясы ці даводзяць да роспачы, псеу гэтую звышнатуральную пастараль.

Правая дарога ідзе праз «*высокія горы, а на іх – велічныя замкі, там шмат золата і срэбра, гаспадары гэтых гмаху пагарджаюць беднасцю і пакутамі, але і самі пакутуюць, бо апоўначы ў іх салонах скачуць шкiлеты, мучачы лютым страхам і гасячы ўвесь бляск велічы*» [2, с. 242]. Веліч і пыха, прага золата і гонар, бляск вышэйшага сусвету – вось што прапануе вандроўніку дарога нумар два. Але разам з тым начамі жах ахоплівае магутных уладароў гэтай прасторы, і не прыносіць ім радасці ні золата, ні ўлада, ні веліч продкаў. Тут удалым падаецца ўгадаць «Падзенне дома Ашэраў» Эдгара По, у якім можна прасачыць тыя ж матывы.

У выніку, Адольф пайшоў трэцім, складаным шляхам, «*вузкаю сцежкаю праз камяністыя палі і цёмныя пушчы*», паслухаўшы параду Шылкі «*не глядзець на шырокія дарогі*» і не «*падарожнічаць з выгодамі*». Гэта падаецца адным з самых важных момантаў, якія спрабуе данесці да чытача аўтар, што вандраваць па жыцці варта толькі сумленна пераадольваючы перашкоды.

У дарозе герой дастаў лісточак жабер-травы, які нёс з сабою, «*падзівіўся з незразумелае яго сілы, пашкадаваў, што адважыўся ісці ў падводную краіну да духа Фарона, убачыў, да чаго давяло яго жаданне ведаць будучыню, схваў зноў свой лісцік, уздыхнуў і пайшоў далей*» [2, с. 243]. Вядома, што веданне будучыні нялёгкае, яно ставіць шмат пытанняў і патрабуе ад чалавека прыняцця сур'ёзных рашэнняў.

Канец апавядання вельмі неадназначны. Чытач не даведваецца, што адбылося далей. Магчыма, аўтар хацеў, каб кожны дапісаў свой фінал, нібы перадаючы адказнасць за будучыню кожнаму з чытачоў: «... *Выходзіць з гаю нейкая кабета – высокага росту, у белай сукні, твар заліты слязьмі, і, трымаючы ў руцэ меч, спыняецца каля дарогі*» [2, с. 243]. Далей ідуць два радкі шматкроп'я.

Пасля адзінаццатага апавядання зборніка дзея вяртаецца ў рэальнасць, у хату пана Завальні, дзе госці разам з панам праводзяць стары год і святкуюць новы. Адзін з гасцей кажа: «*Мы не ведаем, што будзе, у адным толькі нэўня: з кожным годам нас, старых людзей, усё меней. Абы толькі Бог захаваў маладых, каб былі цнатлівыя і не забывалі звычай і звычкі сваіх продкаў!*» [2, с. 244]. Іншы госць дадае, што апавядальнік «*яшчэ не закончыў свайго апавядання*». Той адказвае без вялікай надзеі «*Можна, калі-небудзь закончу*». Гэтае апавяданне – адно з самых загадкавых у зборніку. Верагодна, з-за царскай цензуры аўтар не называе прычыны заняпаду, але чытачу нібыта павіна быць усё зразумела.

Яшчэ адна яркая згадка будучыні сустракаецца ў фінальнай частцы зборніка «Шляхціц Завальня» «Ад'езд», дзе галоўны апавядальнік Янка кажа: «*Сярод весялосці прыроды, сярод добрага надвор'я я быў журботны, мае думкі азмрочыў смутак; адведваў палаткі і лясы, развітваючыся з веснавою роднаю зямлёю; будучыня паўставала ў маіх думках як далёкая, дзікая і страшная пустэля, дзе мяне могуць спаткаць прорвы, звяры і гадзюкі*» [2, с. 281]. Тут ясна бачна, што пазіцыя аўтара не можа мець дваіснай трактоўкі – у будучыні чакае толькі змрок, жах і заняпад.

Параўнаем бачанне будучыні ў Эдгара По. Для аналізу возьмем наву, у назве якой як раз і прысутнічае будучыня – «Мелонта таўта». У адрозненні ад Баршчэўскага, По не выкарыстоўвае тут прыём трансцэдэнтальнага падарожжа, ён пераносіць чытача наўпрост у далёкую будучыню, з якой людзі пазіраюць на Амерыку XIX ст. як на далёкае і змрочнае мінулае.

Наву ўяўляе сабой ліст ад Пандзіты да яе сябра, які складзены ў вельмі далёкай будучыні, на працягу 2848 г. Дзеянне адбываецца на борце паветранага шара ці дырыжабля пад назвай «Жаваранак», які перавозіць сотні людзей. Па словах апавядальніцы, гэтая вандроўка павінна была быць адпачынкам – «*забаўляльная экскурсія*» [3, с. 871], аднак Пандзіта маркоціцца і знаходзіць яе стамляючай. Як бачыць чытач, тэхналогіі будучыні не прасунуліся занадта моцна, бо паветраныя шары з'яўляюцца дамінуючым сродкам перамяшчэння.

Калі ўжо якое-небудзь вынаходніцтва наведзе розум чалавека? Няўжо мы назаўсёды асуджаныя на тысячу нязручнасцяў паветранага шара? Няўжо ніхто не прыдумае больш апэратыўнага спосабу прагрэсу? Рух трушком, на мой погляд, – чыстае катаванне. Па адчуваннях, мы не ішлі больш за сто міль у гадзіну з моманту выхаду з дому! Нас апырэджвалі нават птушкі – прынамсі некаторыя [3, с. 871].

Большая частка апавядання засяроджана на апісанні свету, у якім жыве Пандзіта, і параўнанні яго са светам старажытных часоў, пра які яна ведае вельмі мала і недакладна. Апавядальніца блытае гістарычныя факты, што задае наву сатырычныя адценні:

Гэты шоўк... быў тканінай, створанай з вантробаў дажджавога чарвяка. Чарвяка старанна кармілі ягадамі шаўкоўніцы – садавінай, што падобна на кавун, – і, калі ён станавіўся дастаткова тлустым, яе здрабнялі ў млыне [3, с. 872]. Як адзначаюць даследчыкі, тут чытач бачыць, што По смяецца з XIX ст. [4, с. 49].

Калі розум Пандзіты ў лісце блукае ад тэмы да тэмы, апісваючы яе асабістае бачанне далёкага мінулага і ўспрыманне сацыяльна-палітычных і філасофскіх поглядаў пакаленняў продкаў, чытач даведваецца больш пра будучыню – і пра тое, як мала разумеюць яе жыхары амерыканскае гістарычнае мінулае і тагачасныя каштоўнасці. Гэта павінна было не толькі здзівіць, але і падацца жахлівым чытачу апавядання.

...Ён кажа, што яны сыходзілі ад вельмі дзіўнай ідэі, якую можна сабе ўявіць, а менавіта, што ўсе людзі нараджаюцца свабоднымі і роўнымі – і гэта насуперак законам градацыі, якія так відавочна праяўляюцца ва ўсім як духоўным, так і фізічным свеце. Кожны чалавек «галасаваў», як яны гэта называлі, – гэта значыць умешваўся ў дзяржаўныя справы, – пакуль нарэшце не высветлілася, што справа кожнага – нічыйная, і што «Рэспубліка» (так гэтая абсурдная рэч называлася) была зусім без урада [3, с. 879]. По катэгарычна не пагаджаўся з ідэяй дасканаласці чалавека, якая ўзнікла ў эпоху Асветніцтва, і такім чынам ён паказвае рэзкі кантраст паміж тэхналагічнымі цудамі будучыні ў «Mellonta Tauta» і

гобсаўскай жорсткасцю паўсядзённага жыцця людзей. Без устаноў, якія б абмежавалі ўладу і прасоўвалі індывідуалізм, будучыня, якую нам паказвае По, стала кашмарам, у якім квітнеюць кіраўнікі, а чалавечыя жыцці больш не маюць значэння.

Я радуся, мой дарагі сябар, што мы жывем у век, настолькі асветлены, што асобнага чалавека не павінна існаваць. Сапраўднае Чалавецтва клапоціцца толькі пра масу. Футурыстычны свет Пандзіты вельмі паганы, бо людзі праслаўляюць вайну і чуму. Для філасофіі будучага не існуе індывідуальнасці, асобны чалавек не прадстаўляе сабой ніякай каштоўнасці, яго жыццё не цікавіць нікога.

Хіба не дзіўна, што да цудоўнага святла, пралітага чалавецтвам на філасофію, свет звык разглядаць вайну і чуму як бедствы? Ці ведаеце вы, што ў старажытных храмах сапраўды ўзносіліся малітвы, каб гэтыя беды (!) не наведалі чалавецтва? Цяжка зразумець, на якім прынцыпе інтарэсаў дзейнічалі нашы продкі. Няўжо яны былі настолькі сляпыя, каб не разумець, што знішчэнне мноства людзей – гэта толькі становучая перавага для масы! [3, с. 873].

Адным з ключавых момантаў навэлы з’яўляецца апісанне Натоўпа і яго ролі ў дэмакратыі Амерыкі XIX ст. Як бачна, у амерыканскай будучыні людзі вывучылі гэты ўрок, звярнуўшыся да сацыяльнага дарвінізму, які пераносіў тэорыю натуральнага адбору і барацьбы за існаванне ў прыродзе на чалавечае грамадства.

Пакуль як філосафы былі занятыя тым, што чырванелі ад свайго глупства, бо не прадбачылі гэтыя непазбежныя беды, і старанна спрабавалі выйнайсці новыя тэорыі, з’явіўся малойчык на імені Чэрнь, які хутка ўзяў усё ў свае рукі і ўсталяваў дэспатызм, у параўнанні з якім легендарны Зерон і Гелафагабал былі наважымі і прыемнымі. Кажуць, што гэты Натоўп (Чэрнь) (іншаземец, між іншым) быў самым адыёзным з усіх людзей, якія калі-небудзь абцяжарвалі зямлю. Ростам ён быў як волат – нахабны, драпежны, брудны, меў жоўць быка з сэрцам гіены і розумам паўліна. Нарэшце ён памёр ад празмернасці ўласных сіл. Тым не менш, і ад яго была карысць... бо ён даў чалавецтву ўрок, які яно не забывае да сённяшняга дня – ніколі не супярэчыць аналогіям, якія існуюць у прыродзе.

Далей яўна прасочваецца крытыка сучасных По навуковых метадаў пазнання, якія не дазвалялі чалавеку адкрываць ісціну з дапамогай уяўлення, а толькі патрабавалі даказваць і паказваць шлях, якім да гэтай ісціны прыйшлі:

Аднак гэтыя старажытныя абураюць мяне не столькі тым, што іх логіка, наводле іх жа ўласных прызнаннях і абсалютна беспадстаўная, нікчэмная і фантастычная, колькі іх пампезнай і бязглуздай забаронай усіх іншых шляхоў да Ісціны, усіх іншых сродкаў для яе дасягнення, акрамя двух недарэчных, калі трэба або паўзці, або караскацца, да якіх яны адважыліся абмежаваць Душу, якая нічога не любіць больш чым лунаць [3, с. 877].

Крытыку заняпаду маралі і рэлігіі можна назіраць у пассажах: «Яны... былі апантанымі дзіўнай маніяй: будаваць тое, што ў старажытнай амерыканскай мове называлася “царква” – свайго роду пагада, створаная для пакланення двум ідалам, якія зваліся Багацце і Мода» [3, с. 883]. Відавочна, што аўтар не падзяляе агульнае захапленне гэтымі спакусамі.

Фактычна, гэтае апавяданне – антыўтапічная сатыра, накіраваная на тое, каб «уразіць здранцвелае сучаснае яму грамадства» [5, с. 167], будучыня не бачыцца По радаснай, у апавяданні мала аптымізму, акрамя толькі навуковага пазнання, якое яму імпануе.

По пакідае чытачам некалькі цвярозых і вечных высноў. Напрыклад, ідэі, якія, як людзі ў сваёй самазадаволенасці мяркуюць, з’яўляюцца пастаяннымі (ці, прынамсі, доўгатэрміновымі), насамрэч эфемерныя. Злы гумар По і рэзкая крытыка ўсяго, ад палітыкі да моды яго часу, паказвае нам, як хутка мы губляем сувязь з гісторыяй.

Такім чынам, у параўнанні з залатым мінулым, будучыня падаецца рамантыкам цёмнай і страшнай, але кожны аўтар малюе жахі па-свойму: Ян Баршчэўскі бачыць спустошанасць Беларусі і страту маралі сярод моладзі, По – чэрнь, заняпад адукацыі і бесчалавечнасць у адносінах. Увогуле, уздым рамантызму стварыў глебу для бесперапыннай дыскусіі у наступным развіцці навуковай фантастыкі і паставіў шэраг пытанняў: «Ці добрыя рэчы навука, развіццё тэхналагічнай прамысловасці і свецкі прагрэс?», «Ці рухаемся мы да лепшай

будучыні, прымаючы гэтыя ідэалы ці ў гэтым працэсе мы губляем сувязь з прыродай, чалавечнасцю, пачуццём прыгожага і ўнутраным эмацыйным “Я”?, «Рацыянальная, навуковая і тэхналагічная будучыня – гэта тое, на што можна спадзявацца і да чаго імкнуцца, ці тое, чаго варта баяцца?» і г. д. Рацыянальнасць, аб’ектыўнасць і тэхнаіндустрыялізм вялі, на іх думку, да вельмі непажаданай будучыні. Як пісаў Баршчэўскі, *«зло ўсё шырэй распаўзаецца, і людзі, якія ведаюць, што дзеецца ў свеце, не прадказваюць добрага»* [2, с. 152].

Але, нягледзячы на тое, што рамантыкі крытычна глядзелі на свецкую тэорыю прагрэсу і шанавалі міфічныя традыцыі мінулага, яны не столькі ставіліся да будучыні зняважліва-пагардліва, колькі проста прапаноўвалі ў сваіх творах альтэрнатыўнае бачанне заўтрашняга дня.

Літаратура

1. Lombardo, T. Science Fiction : The Evolutionary Mythology of the Future / T. Lombardo. – Washington : Change Makers Books, 2018. – 609 p.
2. Баршчэўскі, Я. Выбраныя творы / Я. Баршчэўскі – Мінск : Міжнар. фонд «Бел. кнігазбор», 1998. – 476 с.
3. Poe, E. Poetry and Tales / E. Poe. – New York : Literary Classics of the United States, 1984. – 1408 p.
4. Brunet, F. Poe à la croisée des chemins : réalisme et scepticisme / F. Brunet, Ph. Jaworski, D. Marçais // Revue Française d'Études Américaines. – 1997. – № 71. – P. 44–50.
5. Llácer, E. V. A 21st-century retrospective view about Edgar Allan Poe / E. V. Llácer, A. O. Pardo, N. E. Fuertes. – Bern : Peter Lang Verlag, 2011. – 257 p.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 03.10.2022

УДК 811.161.3'42'271:398.92:642

Культурна-моўная спецыфіка фразеалагізмаў-характарыстык чалавека паводле ўжывання ежы

В.А. ЛЯШЧЫНСКАЯ

У артыкуле на матэрыяле літаратурных і дыялектных фразеалагізмаў беларускай мовы, што часткова рэпрэзентуюць гастронамічны код культуры беларусаў, устанаўліваюцца асновы характарыстыкі чалавека адносна аднаго з аспектаў яго жыцця – ужывання ежы як дзеяння і яго прыкмет, вызначаецца каштоўнасць зместу культуры, яе катэгорый і сэнсаў, выяўляецца ўзаемадзеянне мовы і культуры, вызначаецца ацэнка з перавагай у адмоўны бок.

Ключавыя словы: фразеалагічная адзінка, вобраз, чалавек, ежа, колькасць, спосаб, ацэнка, эталон, стэрэатып.

In the article, based on the material of literary and dialectal phrases of the Belarusian language, which partially represent the gastronomic code of the culture of Belarusians, the basis for characterizing a person is established in relation to one of the aspects of his life that is the consumption of food as an action and its signs; the value content of culture, its categories and meanings are determined, the interaction of language and culture is revealed, the assessment is determined with a preference in the negative direction.

Keywords: phraseological unit, image, person, food, quantity, method, evaluation, standard, stereotype.

Ежа – адзін з важнейшых складнікаў нармальнага працякання жыцця чалавека. Яна ж і адна з фундаментальных культурных адзнак чалавека, яго характарыстыкі. А як вядома, усё адлюстроўваецца ў мове, якая, «дзякуючы яе кумулятыўнай функцыі, захоўвае культуру, забяспечваючы дыялог пакаленняў, не толькі з мінулага ў сучаснае, але і з сучаснага ў будучае» [1, с. 228]. Асабліва «культураноснымі» лічацца фразеалагічныя адзінкі (ФА), якія прадстаўляюць функцыянальна значную культурную інфармацыю пра гастронамічны фрагмент жыцця беларусаў, іх культурныя каштоўнасці, выпрацаваныя правілы і нормы з прычыны ўмоў існавання, спецыфічных традыцыйных уяўленняў пра ежу і яе ўжыванне, складзеныя ў ходзе практычнага і гістарычнага вопыту.

Аналіз сукупнасці ФА праводзіцца з мэтай расказвання вобразнай формы, устанаўлення культурнай канатацыі, скрытай інфармацыі пра вытокі ацэнкі, вызначэння тых эталонных і стэрэатыпных культурных канатацый ці, часцей, антыэталонных і антыстэрэатыпных, што замацаваны ў ФА з іх характэрнай рысай «цягачення да адмоўнага полюса ацэначнай шкалы» і перададзены праз іх у часе новым пакаленням носьбітаў беларускай мовы [2, с. 310]. Акрамя таго, а можа, перш за ўсё, выклікае цікавасць, якая дадатковая культурная інфармацыя «схавана» ў ФА, якія веды, устаноўкі і рэкамендацыі пакінуты наступнікам беларусаў адносна ўжывання чалавекам ежы. З усёй сукупнасці ФА гастронамічнага кода культуры беларусаў у межах артыкула абраны літаратурныя і дыялектныя ФА беларускай мовы (гл. прынятыя скарачэнні крыніц ФА), што сваімі вобразамі, кампанентным складам, структурай, семантыкай не толькі называюць, захоўваюць і даносяць каштоўныя арыенціры народа, але дазваляюць спазнаць яго густы, норавы, устаноўкі, правілы і даюць характарыстыку самому чалавеку паводле яго ўжывання ежы як дзеяння, працэсу ці тых прыкмет, уласцівасцей, што суправаджаюць гэтае дзеянне.

Дзеянне ўжывання ежы ў фразеалогіі беларусаў прадстаўлена найперш з улікам патрэбы не проста назваць тое, што ўжо названа (= *есці, наесціся*), але вобразна абазначыць яго, дапоўніць дадатковымі звесткамі пра ўмовы, прычыны, патрэбу *есці*, даць ацэнку такому дзеянню ў яго разнавіднасцях і тым самым чалавеку, які так ці інакш *есць*. А паколькі ў ФА засяроджваецца ўвага на тым, што важна і што звязана з гэтым дзеяннем, у мове існуюць шматлікія ФА, якія выступаюць у ролі стэрэатыпаў, эталонаў з прымальнымі ці непрымальнымі правіламі і нормама ўжывання ежы: як можна, добра, трэба, адпавядае і найбольш як не трэба *есці*, што не адпавядае прынятым нормам, што нядобра.

Першы колькасны рад такіх адзінак складаюць дзеяслоўныя ФА з агульным значэннем ‘есці, наесціся’, а зыходнай, «дамінантнай» выступае ФА *браць у губу* ‘есці’ (Д-2020: 161), якая дае вобразнае найменне гэтага дзеяння без выразнай дадатковай інфармацыі. Але асабліва нагляднае адрозненне ў змесце гэтай ФА выяўляецца пры параўнанні яе з іншымі, паколькі, напрыклад, ФА *ўвайсці ў смак* – гэта не толькі есці, але есці з апетытам (М-К-1972: 265), *дайсці да смаку* – есці з апетытам тое, што спадабалася (М-К-1972: 65), *есці да дзюбкі* – есці ўволю ды яшчэ тое, што падабаецца (М-К-1972: 84), *хадзіць каля посуду / пасуды чыста* – ‘есці, піць з апетытам і да канца ўсё, што даюць’ (Л-2008-2: 591) ці *дно ўгледзец* – ‘з’есці ўсё, што ў пасудзе (місцы, гаршку), апаражніць посуду’ (М-К-1972: 78), *зробіць сабе Вялікдзень* – ‘смачна, уволу наесціся’ (Д-2020: 118), *прогліца напала* на каго – ‘многа з’есці чаго, прагаладаўшыся, есці як не ў сябе’ (М-К-1972: 216) і інш. І кожная ФА, дзякуючы адметнаму вобразу, абраным кампанентам, тым працэсам, што спрыялі ўтварэнню новай адзінкі мовы са старой формы, выяўляе адметнасць семантыкі, наяўнасць адпаведнай экспрэсіўна-эмацыянальнай афарбоўкі, выразнай ацэнкі. А вось ФА *бавіць дух* вызначаецца адрозным значэннем ад усіх вышэй названых ФА – ‘перабівацца, карміцца, каб толькі пражыць’ (Л-2008-1: 97), і, дзякуючы абранаму словазлучэнню, створанаму вобразу і асабліва кампаненту *дух*, даводзіць інфармацыю аб бедным існаванні, мінімуме ўжывання ежы і пры гэтым не выяўляе негатыву, а, наадварот, прымаецца за норму, правіла, напрыклад: *Чым той Сёмка дух бавіў? На людзях дзе, на далёкай рабоце ніхто ніколі не бачыў, што ён з торбы дастае* (М. Клебановіч).

Да папярэдніх далучаем дзеяслоўную ФА *есці на два бакі* ‘есці колькі хочацца і чаго хочацца (пра багацце прадуктаў і напіткаў)’, якая па-народнаму вобразна перадае ўяўленне чалавека і выражае станоўчую ацэнку наяўнасці багацця прадуктаў харчавання і магчымасці іх ужывання без абмежавання, напрыклад: – *Яечкі ё (рэшата ета, што сеюць, мо дзісяткаў паўтары), яблычкі ў скрылёчкі (сушаныя), канпоцік вару, чай зь ягід і яблычак. Еж на два бакі* (М-К-1972: 85).

Зусім іншы аспект зместу і ацэнкі даносяць ФА *набіваць пуцы* (Д-2020: 409), *набіваць пуза / бруха / трыбух* (Ю-1974: 195), *кішку набіць* (Д-2020: 258), *выкладаць бакі* (Л-2008-1: 242), *выкладзіць / вылажыць бокі/бакі* (Д-2020: 52), *есці як не ў сябе* (М-К-1972: 85), *як у церніцу церці і малоць / мняць як у церніцу* (Д-2020: 555), *як у Бажка ў хляве стаяў* (Д-2020: 26). І хоць усе яны таксама аб’яднаны агульным значэннем ‘есці’, але іх кампанентны склад у прамым і пераносным значэнні, створаныя вобразы даводзяць дадатковыя звесткі пра ўжыванне ежы: празмерна многа, хутка, апетытна і выражаюць эмацыянальна-экспрэсіўна-ацэначную афарбоўку неадабрэння, іроніі, жарту і інш., ці такім чынам характарызуюць чалавека, што так есць, вызначаюць гэты працэс як неэтычны, нядобры, непрыгожы, не адпаведны ўстаноўленым правілам і нормам, напрыклад: *Гэтак бокі вылажыў, што з-за стала ні паньняцца. Куды табе лезе, ты ўжо вылажыла бокі блінамі* (Д-2020: 52).

Такая адмоўная ацэнка ўжывання ежы празмерна, вельмі многа, спешна, уласцівая папярэднім ФА, асабліва выразная на фоне празрыста матываваных ФА *ўзяць на зуб* (Л-2008-2: 560), *браць / узяць на зуб* (М-К-1972: 32), *вусы памачыць* (Ф-1993: 102), *замарыць чарвячка / чарвяка* (Л-2008-1: 457), *каліўца / каліва ў рот укінуць, каліўца з’есці* (С-1991: 65), *накласці / палажыць на зуб* (Л-2008-2: 165), *першы голад прагнаць* (С-1991: 65), *пражывіць/прабавіць душу* (Л-2008-2: 243), якія па-рознаму даносяць, з аднаго боку, адметны сэнс – каштаваць што-небудзь, крыху перакусіць, есці нямнога; з другога боку, даюць выразную станоўчую ацэнку, служаць выражэнню адабрэння і выступаюць своеасаблівым правілам і ўзорам ужывання ежы.

Адметны спосаб ужывання ежы дае і кампаратыўная ФА *як за сябе закінуць* што ‘лёгка і хутка з’есці, выпіць’ (Л-2008-1: 449), напрыклад: – *Што ў сталоўцы абед? Два як за сябе закіну* (Ф. Янкоўскі).

Як відаць, галоўнае прызначэнне дзеяслоўных ФА – назваць і ахарактарызаваць гэтае дзеянне чалавека, давесці яго ацэнку і службыць правілам, культурным арыенцірам чалавеку-едаку, даючы яму характарыстыку.

Другую групу адносна ўжывання ежы чалавекам складаюць ФА, якія створаны для вобразнага азначання і характарыстыкі прыкмет гэтага важнага ў жыцці чалавека дзеяння, ці тыя, што вызначаюць пэўныя прыкметы ўжывання ежы чалавекам, даючы ім ацэнку – добра ці нядобра гэта – і адпаведна выступаючы стэрэатыпамі, эталонамі характарыстыкі чалавека-едака.

Найбольшую колькасць з ліку прыслоўных складаюць ФА, што скіраваны да колькаснай характарыстыкі ўжывання ежы ў яе процілегласці – многа ці мала, аддаючы перавагу першаму, паколькі адзначана адзінкавая ФА *напалам клёцку* для жартоўнай ацэнкі

малой колькасці ўжывання ежы – ‘надгаладзь, мала (есці)’ (Ф-1993: 255). Несумненна, колькасны паказчык ФА з агульнай семай ‘многа’ тлумачыцца не толькі ўвагай чалавека да гэтага аспекта і ў асноўным для яго негатыўнай ацэнкі, але і тым, што ФА перадаюць самыя розныя дадатковыя прыкметы, уласцівасці і якасці працэсу ўжывання ежы чалавекам у іх сукупнасці (радзей наяўнасці вялікай колькасці ежы). Ці гэтыя ФА выяўляюць, па-першае, інтэнсіўнасць праяўлення вялікай колькасці: не проста ‘многа’, а ‘вельмі’, а яшчэ спадарожныя прыкметы і якасці гэтага: многа і празмерна, залішне, хутка, прагна, уволью, добра, сытна, ненасытна і інш. у іх разнавіднасцях спалучэнняў і праяўлення.

Але спачатку выдзелім ФА, што выражаюць станоўчую ацэнку, тым самым даносячы з мінулага звесткі пра сціплае харчаванне і абмежаваную колькасць ужывання ежы, наяўнасці страў у штодзённым жыцці і пачуццё задаволенасці, як правіла, ад багацця і разнастайнасці страў, ежы з пэўнай прычыны ці дзе-небудзь. Гэта некалькі размоўных ФА з агульным значэннем ‘многа’ як адной з адзнак наяўнай ежы, страў, прадуктаў ці ‘ўволью, удосталь’ як такой магчымасці яе ўжывання і выражэння задавальнення гэтым чалавека: *еш не хачу ‘ўдосталь (чаго-н., часцей прадуктаў)’* (Л-2008-1: 418), *еш расперажыся ‘еш колькі хочаш’* (М-К-1972: 86), *хоць заліся чаго ‘вельмі многа. Часцей пра малако, ваду і пад.’* (Л-2008-1: 456), *як на дзяды ‘вельмі многа. Пра яду’* (Л-2008-1: 379). Напрыклад: [Міхаліна:] *А хлеба ў лаўцы, дзякуй богу, усякага – еш не хачу, і цукар ёсць, і агуркі ў банках балгарскія з перцам, і рыбы гэтай вірлавокай невыводна...* (А. Петрашкевіч).

Да папярэдніх далучаем кампаратыўныя ФА *як на Куццю* наесціся (Д-2020: 282), *як на Вялікдзень* пад’есці (Д-2020: 118), *як на Дзяды* наесціся (Л-2008-1: 379), *як на вяселлі* наесціся (Д-2020: 120) з агульным значэннем ‘выдатна, уволью, сытна’, у якіх абраны народныя вобразы-эталонны на аснове параўнання з вялікай колькасцю ежы ў час названых свят, калі рыхтавалі розныя і шматлікія стравы да святочнага стала і ўволью, добра і многа елі, асабліва пасля пастоў ці звычайнага сціплага харчавання ў будні. Напрыклад: [Скіба:] *Ну як, таварыш Бадэль, накармілі вас?* [Дзед Бадэль:] *Дзякую. Наеўся як на дзяды* (К. Крапіва).

Не асуджаецца і сытнаць ежы як прыкметы ўжывання страў: *тры клёцкі ў роце ‘сытна, многа (есці)’* (Ф-1993: 255), *як на ўбой* карміць ‘вельмі сытна, пажыўна’ (Л-2008-2: 546), *як туз (-а) ‘вельмі добра, многа, сытна (наесціся)’* (Д-2000: 255), хоць, зразумела, гэта не ўхваляецца. Асабліва гэта заўважна ў ФА пра прыкмету кармлення чалавека, якая, паводле ўжытых кампанентаў *на ўбой*, выклікае асацыяцыю з кармленнем жывёлы для гэтай мэты.

Папярэдняе колькасць ФА, утвораных для перадачы задавальнення, адабрэння ўжывання ежы ўволью, удосталь, колькі чалавеку хочацца, шматлікімі новымі адзінкамі. Аднак у залежнасці ад вобраза і асабліва абраных кампанентаў як цэнтраў гэтых вобразаў у іх прасочваецца выразная негатыўная экспрэсіўна-эмацыянальна-ацэначная афарбоўка такіх якасцей ужывання ежы. Гэта ФА *ад пуза* (Л-2008-2: 272), *ад пуга* (Д-2020: 408), *аж пуза трашчыць* (Д-2020: 407), *да адвалу* (Л-2008-1: 56), *да круглага боку* (Д-2020: 53), *на поўную губу, на ўсю губу* (Л-2008-1: 332), *на поўны жыўот* (М-К-1972: 150), *поўнай губой* (Д-2020: 160), *хоць жыўот / пуза / пуп расперажы / развяжы* (Л-2008-2: 310), у якіх «паказчыкамі» такой магчымасці-якасці есці, наесціся, паесці колькі хочацца выступаюць саматызмы *губа, рот, бок, жыўот* з іх азначальнымі кампанентамі і асабліва, *пуза, пуп* як лексемы з ярка выражанай сімволікай, вобразы з якімі дазваляюць данесці іронію, насмешку, асуджэнне – усю гаму негатыву. Напрыклад: *Яны будуць жэрці на ўсю губу, а мы з Алачкай...* (М. Гамолка); *Запрасіў [Славік] усіх у буфет. Частаваў з купецкім размахам. Талерку эскімо. Ешце хоць пуза расперажыце* (І. Шамякін).

У фразеалогіі беларусаў звернута ўвага на яшчэ адну прыкмету ўжывання ежы: не проста многа, а залішне, больш, як трэба, празмерна. І гэта адлюстравана ў ФА з празрыстай матывацыяй і агульным значэннем з яго нюансамі выражэння: *аж праз вушы лезе* (Д-2020: 114), *аж пуза трашчыць* (Д-2020: 407), *колькі ўлезе* (Л-2008-2: 565), *хоць з рота бяры* (Д-2020: 434), *як дурны на памінках* (Л-2008-1: 395). Да іх далучаюцца ФА для фіксацыі такой прыкметы, як залішне многа, празмерна накарміць каго (*на <самую> завязку* (Л-2008-1: 436) або наесціся (*як чоп* (Д-2020: 565)). Але ўсе названыя ФА служаць для выражэння асуджэння ўжывання ежы ў вялікай колькасці, празмерна, а іх вобразы – для выказвання крытычных адносін да чалавека з яго схільнасцю да празмернага ўжывання яды і негатыўнай характарыстыкі чалавека-едака. Напрыклад: *Віця як выпя чарку, та есць як дурны на памінках* (Д-2020: 183); *Наеўся як чоп, уночы спаць цяшка будзе* (Д-2020: 565).

Яшчэ адну групу складаюць прыслоўныя ФА, вобразы якіх выразна даносяць негатыў і асуджэнне чалавеку, які есць многа і, галоўнае, ненасытна, спешна, з прагнасцю: есць як *валоў шэсць* (С-1991: 56), есць як *сабак шэсць* (Л-1991: 92), *за абедзве шчакі* (Л-2008-2: 675), *за трох / сем дурных* (Л-2008-1: 395), *на поўную губу* (Л-2008-1: 332), *на поўны рот* (Л-2008-2: 323), *на ўвесь рот* (Л-2008-2: 323), *не ў свае духі* (Д-2020: 187), *не ў свой дух* (Л-2008-1: 397), *на поўніцы* (Д-2020: 400), *як не ў свае духі* (Д-2020: 187), *як не ў сябе* (Л-2008-2: 493), *як спісаны конь* (Д-2000: 251), *як у прорву* (Л-2008-2: 252), *як у цярніцу* (Д-2020: 555), дзе найбольш часта гэта даводзіцца праз параўнанне як сродак пазнання новага і магчымасць ацаніць яго дзякуючы абраным народным вобразам-эталонам. Напрыклад: *Са смакам елі яйкі, смятану, мяса, уплятлі на ўвесь рот варэнікі і запівалі іх малаком* (М. Капыловіч); *Есць як у прорву, куды толькі леза* (Д-2020: 403).

У фразеалогіі адзначаецца і такая асаблівасць працэсу ўжывання ежы, як наяўнасць ці адсутнасць апетыту. Большасць з ліку такіх ФА вызначае прыкмету апетытнага ўжывання ежы, але, як правіла, ФА служаць часцей для жарту, гумару ці выражэння іроніі да такога едака: *аж вушы круцяцца, аж вушы трасуцца, аж вушы трашчаць* (Д-2020: 113), *аж / ажно вушы трасуцца* (М-К-1972: 24), *аж за вушамі пішчыць* (Д-2020: 112), *аж за вушамі трашчыць (-ала)* (Л-2008-2: 524), *аж нос гайдука скача* (С-1991: 64), *аж нос гнецца* (М-К-1972: 24), *аж нос угінаецца* (С-1991: 65), *аж нос у дугу гнецца* (Д-2020: 352), *аж нос у прысядкі гуляе / ідзе* (С-1991: 64), *аж нос упрысядку (-і) ходзіць / ідзе* (Д-2020: 352), *аж пуцкі трасуцца* (Д-2020: 409), *поўным ротам* (Д-2020: 434), паколькі выразнікамі абстрактнага паняцця 'з апетытам' выступаюць саматызмы з неўласцівымі ім рухамі. Менавіта створаныя вобразы з абранымі кампанентамі амаль усіх ФА выяўляюць адмоўную канатацыю, бо ў іх падкрэсліваецца не так апетытнасць ужывання стравы, колькі негатыўны выгляд едака, у якога пуцкі (шчокі) трасуцца, вушы трашчаць, трасуцца, нос гнецца, угінаецца, гуляе, ходзіць і інш., ці абраны саматызмы з іх жэставай функцыяй, якія атрымліваюць новую прадметна-паняццёвую суадноснасць, што рэалізуецца пры сумесным ужыванні з іншымі словамі, і набываюць сімволіку, выступаюць кампанентам другасных адзінак – фразеалагізмаў [3, с. 67].

Выключэнне складаюць прыслоўныя ФА *за маліну* (Л-2008-2: 16) і *да крошкі* (Л-2008-1: 608), якія станоўча ацэньваюць спосаб ці прыкмету яды чалавека і пры гэтым ускосна і саму ежу, праўда, вызначаючы і падкрэсліваючы ў першай ФА штосьці смачнае на аснове параўнання з малінай як ягадай-эталонам смаку, а ў другой – ашчаднасць і беражлівасць на аснове абранага кампанента *крошкі* як народнага эталона найменшай колькасці.

Адваротны паказчык ужывання ежы – без апетыту – даводзяць адзінкавыя ФА: *адбіцца / адбівацца ад харчы* (*Некая нягеглая зрабілася, адбілася ад харчы. Спрагу (спяку) яечка – і есці ні хачу.* (М-К-1972: 15), *есці як/што на плот / пляцень вешаць* (Л-2008-1: 194) (*Упарадкавалася яна [Сахвея] і села перакусіць. Але ела як на пляцень вешала* (Л. Калодзежны)), *як на плот чапляць* (*Бывала, ўсіх паатпраўляе с хаты, таго араць, таго што рабіць, а сама сядзе, наецца, чаго хоча, прысмачкаў, а тады: «От, што я там вельма ела. Як на плот чапляла, есці хочацца»* (М-К-1972: 315), *як не сваім / чужым ротам есці* (*Нешто ты ў міне ясі як ні сваім ротам, можа, нісмашно?* (Д-2020: 434), *расце ў роце* (*Наша Аня ото лютаега. Сядзе есці і ў році расьце* (М-К-1972: 315))).

Адзначаецца і такая характарыстыка ўжывання ежы, як лёгка і хутка: *як за сябе* (*Аўдоця от гэтакі о качан капуста паране ўлажыла, міску ў калені картопля рэткіх хоп-хоп, як за сябе выбрала* (М-К-1972: 310), *як за сябе закінуў / выліў з'еў, выпіў* (*З'еў кашу як за сябе закінуў.* (Д-2020: 513)), адзінкавая наадварот: *як / што не сваімі зубамі* 'павольна, неахвотна есці' (*Ён усігда есць як ні сваімі зубамі, сьпяшыць ня любіць* (Ю-1977: 237)).

Важны паказчык ужывання ежы ў беларусаў – акуратнасць, што можна заключыць на аснове выдзялення шматлікіх ФА, прысвечаных адваротнай прыкмеце ўжывання ежы як фармулёўцы правіла праз антыправіла: *як не трэба есці, якім не трэба быць чалавеку-едаку*. Гэта ФА-сказы, у якіх акцэнтуюцца ўвага на выпадзенне, выліванне ежы пры яе ўжыванні праз створаныя вобразы, цэнтрамі якіх становяцца «дзіравыя» часткі твару, што звязаны з прыманнем ежы: *дзіравая барада* (Д-2020: 31), *губа(-ы) дзіравая(-ыя)* (Д-2020: 160), *рот дзіравы* (Д-2020: 433), *дзіра ў горле* (Д-2020: 172). Адметны вобраз прадстаўляе дзеяслоўная ФА *зямлю накарміць* 'неакуратна паесці, выпускаючы з рук ці праліваючы на падлогу ежу' (Д-2020: 224), у аснове якой абрана «антрапаморфная метафара, паводле якой тое, што меркавалася для з'ядання чалавеку, але было выпушчана з рук на зямлю, прыпадабняецца да кармлення зямлі» [4, с. 166].

У выніку ўсе ФА служаць для выражэння іроніі, неадабрэння ці незадавальнення да такога едака, напрыклад: *У цябе вечна рот дзіравы, хоць ты з лошкі кармі, як малага* (Д-2020: 433); *Што за дзіця ніакуратна, пакуль зямлю не накарміць – не паесць* (Д-2020: 224).

Заклучнымі выступаюць асобныя ФА, што вобразна называюць, характарызуюць і негатыўна ацэньваюць самога чалавека-едака, паколькі ў аснове вобразаў іх зноў жа такія рысы, як пераяданне, пражорлівасць, прагнасць. Гэта ФА *не дурань* ‘вялікі аматар, ахвотнік (выпіць, паесці)’ (Л-2008-1: 394), *плячысты на жыivot / пуза* ‘прагны да яды, пражэрлівы, любіць многа есці’ (Л-2008-2: 230), *жыivot у тры столкі* ‘хто-н. ненасытны, ненаедны’ (Д-2020: 199).

Такім чынам, сабраныя фразеалагізмы вызначаюцца ўнутранай складанасцю, наяўнасцю аб’ёмнай інфармацыі, многія з іх «знешне анамальныя, але за кошт гэтага набываюць рознааспектную інфармацыйную “памяць”» [1, с. 152]. Большасць з ліку амаль 100 ФА характарызуецца негатыўнай ацэнкай, што выражаецца найперш з дапамогай унутранага вобраза, пэўных кампанентаў кожнай фразеалагічнай адзінкі. Стэрэатыпнае ўяўленне пра негатыўнасць дзеяння і яго прыкметы найбольш рэпрэзентуюць вобразы адзінак з кампанентамі-саматызмамі, якія адлюстроўваюць нацыянальна-спецыфічнае самапазнанне, калі пэўныя меркаванні, зафіксаваныя ў фразеалагізмах, выступаюць вынікам экстрапаляцыі ў іх меркаванняў чалавека пра самога сябе і свае часткі цела, апошнія з якіх выступаюць эталонамі абіходнага вопыту. Семантыка фразеалагізмаў апіраецца на своеасаблівыя эталоны і стэрэатыпы беларускай нацыянальнай культуры, у выніку чаго складзены адзінкі як правілы, устаноўкі ўжывання ежы і важныя прыкметы гэтага – многа, празмерна, прагна, ненасытна, неакуратна і інш. Значна менш падкрэсліваецца станоўчае: вітаецца вялікая колькасць ежы ў сувязі з частаваннем, святам у хаце, лічыцца нормай мінімальнае харчаванне, апшчаднасць у ядзе і інш. Усе фразеалагізмы адлюстроўваюць і выражаюць у спецыфічнай лаканічна-ацэнчнай форме нацыянальныя стэрэатыпы чалавека-едака, асаблівасці менталітэту беларусаў і перадаюць культурныя ўстаноўкі пэўнага часу, у які яны ўзніклі, новым пакаленням. Несумненна, фразеалагізмы служаць своеасаблівымі правіламі, у большасці «антыправіламі», паводзін чалавека ў сувязі з перавагай адлюстравання ў фразеалогіі адмоўнага.

Літаратура

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
2. Телия, В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) / В. Н. Телия // Славянское языкознание : XI Межд. съезд славистов. Доклады российской делегации : сб. докладов ; отв. ред. Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1993. – С. 302–313.
3. Аксамітаў, А. С. Беларуская фразеалогія / А. С. Аксамітаў. – Мінск : Выш. шк., 1978. – 224 с.
4. Ляшчынская, В. А. Канцэпты прыродных стыхій у фразеалагічнай карціне свету беларусаў : агонь, вада, зямля і паветра / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2018. – 222 с.

Прынятыя скарачэнні крыніц ФА

Д-2020 – Даніловіч, М. А. Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна, 2020. – 267 с.; Л-2008-1 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Бел. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 672 с.; Л-2008-2 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Бел. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2 : М–Я. – 704 с.; Л-Ш-2007 – Ляшчынская, В. А. Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Я. Купалы / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2007. – 312 с.; М-К-1972 – Мяцельская, Е. С. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / Е. С. Мяцельская, Я. М. Камароўскі. – Мінск, 1972. – 320 с.; С-1991 – Санько, З. Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск, 1991. – 218 с.; Ф-1993 – Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа / А. С. Аксамітаў [і інш.] ; пад рэд. А. С. Аксамітава. – Мінск, 1993. – 655 с.; Ю-1972 – Юрчанка, Г. Ф. І коціцца і валіцца (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск, 1972. – 288 с.; Ю-1974 – Юрчанка, Г. Ф. І сячэ і паліць (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск, 1974. – 296 с.; Ю-1977 – Юрчанка, Г. Ф. Слова за слова (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск, 1977. – 272 с.

УДК 811.161.1'42'373.611'367.625:821.161.1-94

Энклитика **сѧ** в структуре возвратных глаголов Лаврентьевской летописи

Г.В. СЕРИКОВ

В статье анализируются особенности функционирования в тексте Лаврентьевской летописи (XIV в.) возвратных глагольных форм, раскрываются закономерности их построения. Автор использует понятия контактной и дистактной препозиции и постпозиции энклитики **сѧ**, указывает на её относительно свободное и связанное место в синтаксисе простого предложения. Обращается внимание на особенности перевода древнерусских возвратных конструкций на современный русский язык, раскрываются причины, обуславливающие постановку возвратного местоимения-морфемы в контактной препозиции относительно глагола, раскрывается организующая роль ритмического отрезка фразы; проводятся необходимые для исследования параллели с аналогичными явлениями в современном польском языке.

Ключевые слова: энклитика, возвратные глаголы, возвратное местоимение, контактная препозиция, дистактная препозиция, контактная постпозиция, дистактная постпозиция, делимитер, ритмический отрезок, дыхательная пауза, аппликат, сегментация, вербоиды.

The article analyzes the peculiarities of reflexive verb forms functioning in the text of the Laurentian Chronicle (XIV cent.), reveals the laws of their construction. The author uses the concepts of contact and distact preposition and postposition of the enclitic **сѧ**, indicates its relatively free and bound place in the syntax of a simple sentence. The attention is drawn to the peculiarities of the translation of Old Russian reflexive constructions into modern Russian, the reasons for setting the reflexive morpheme pronoun in the contact preposition relative to the verb are revealed, the organizational role of the rhythmic segment of the phrase is revealed; the parallels with similar phenomena in modern Polish are being carried out.

Keywords: enclitics, reflexive verbs, reflexive pronoun, contact preposition, distact preposition, contact postposition, distact postposition, delimiter, rhythmic segment, respiratory pause, applicate, segmentation, verboids.

Изумительны тайны твои, о седая, молчаливая древность!

Е.П. Блаватская

Являясь неисчерпаемым источником исторических, филологических и общекультурных исследований, разнородный (по причине множества авторов и переписчиков) языковой материал Летописи (1377 г.) в контексте нашей темы представляет собой свидетельство исторического развития категории возвратности глагола, которая, ещё не будучи строго кодифицированной в тогдашнем правописании, весьма разнообразно отражалась на письме. В тексте этого времени (XIV в.), факсимильное издание которого доступно современному читателю [1], в преобладающем количестве случаев наблюдается слитное написание энклитики **сѧ** с соответствующими глаголами разных значений. Текст «Повести временных лет» (ПВЛ) изначально представлял собой рукописную копию документов несколько более раннего периода, в которую переписчики вносили свои изменения, касающиеся также характера письма и передачи возвратных глаголов. Избранный хронологический срез являет нашему вниманию достаточно разнообразную палитру возвратных конструкций, поскольку, как свидетельствовал профессор МГУ П.Я. Черных (1896–1970), лишь «к середине XVII в. энклитические местоимения в старомосковской речи вышли из обращения. Только одна из этих форм (*ся*) пережиточно сохранилась в качестве залоговой частицы, которая долгое время могла употребляться свободно, т. е. отдельно от глагола, и лишь постепенно была окончательно закреплена в положении за глаголом» [2, с. 206]. Для понимания появления неизбежных временных графических наслоений в тексте исследуемой Летописи обратимся к рисунку 1, представленному в труде А.А. Шахматова (1864–1920) [3, с. 357].

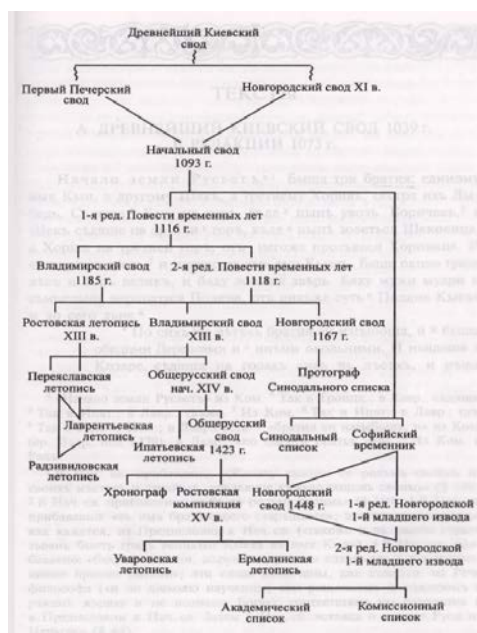

Рисунок 1 – Сводь ПВЛ по А.А. Шахматову

Всего в трёх частях упомянутого издания Летописи («Повести временных лет по Лаврентьевскому списку», «Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку» и «Продолжении Суздальской летописи по академическому списку» (на рисунке 1 выделена нами ромбом)) выявлено 2470 случаев употребления возвратных глаголов. Такой их внушительный удельный вес в исследуемом тексте объясняется отнюдь не разнообразием слов, а их повторяемостью. Это глаголы наименования, движения, стихийных процессов, различных родов деятельности человека (мыслительной и трудовой). Примерами слитного постпозиционного написания **сѧ** изобилует весь текст от начала до конца, это 2101 случай из общего числа, т. е. 85,06 %. Так, например, в самом начале летописи, при перечислении летописцем названий земель, заселённых различными племенами, читаем: **...таже и Полопонисъ наречесѧ** [1, с. 3] – ‘и которая Полопонис назвалась’; **...и сѧсѣдѧтъсѧ сѧ племенемъ Хамовымъ** [1, с. 4] – ‘и соседствуют с племенем Хамовым’; **...и собрашасѧ на мѣстѣ** [1, с. 5] – ‘и собрались на месте’; **...разидошасѧ по землѣ и прозвашасѧ имены свѣими** [1, с. 6] – ‘разошлись по земле и прозвались именами своими’; **...ѿ сѧа прозвашасѧ Полочане** [1, с. 6] – ‘от этой прозвались полочане’; **...такъ разидесѧ Словѣньскій ѧзыкъ** [1, с. 6] – ‘так разошёлся славянский язык’; **...[и] соволокутъсѧ и вѣдуть назн. и шѣлѣютсѧ квасомъ** – ‘и разденутся, и будут наги, и обольются квасом’; **помроша вси. и не остасѧ ни единъ** [1, с. 12] – ‘умерли все, и ни одного не осталось’; **се же сбысѧ все** [1, с. 17] – ‘это же всё сбылось’ и мн. др.

Данные примеры свидетельствуют о том, что энклитика **сѧ** устойчиво заняла к XIV в. преобладающее постпозиционное употребление в устной речи восточных славян, что регулярно отражалось в соответствующих написаниях. Как отмечал академик Л.А. Булаховский (1888–1961), «восточнославянские языки одни среди всех славянских имеют синтетические формы возвратного и родственные ему залогов: *одеваться, ложиться, торопиться, биться, лениться*. Такого рода прочные сращения глаголов с возвратным (по происхождению) местоимением **сѧ**, русск. *ся* – продукты исторического развития восточнославянских языков» [4, с. 163]. Приведённые выше цифры – яркое тому подтверждение. Следует отметить, что к слитному написанию энклитики нами были отнесены и случаи написаний в виде полного или частичного надстрочного индекса, как в следующем примере: **а братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашасѧ** [1, с. 10] – ‘а брат его Щек и Хорив, и сестра их Лыбедь тут умерли’; **и въпраша ихъ кде Хѣ ражае^{тсѧ}** [1, с. 102] – ‘и спрашивали их, где Христос рождается’; **ѿступили^{сѧ} князи Черниговьстни** [1, с. 316] – ‘отступились князья черниговские’; **начнете^{сѧ} боѧти насъ** [1, с. 358] – ‘начнёте бояться нас’; **ѿ негоже и Туровци прозва^{ша} сѧ** [1, с. 76] – ‘от него и туровцы назвались’.

Относительно обилия в древних памятниках письменности возвратных глаголов с приращённой к ним возвратной морфемой **-ся** профессор П.С. Кузнецов (1899–1968) утверждал следующее: «Хотя **сѧ** и **си** в древнерусском языке и были отдельными, хотя и несамостоятельными словами и сочетание с ними глагольной формы <...> носило характер даже не аналитической формы, а синтаксического сочетания, тем не менее определённые предпосылки для слияния местоимения с глаголом в дальнейшем имелись, поскольку некоторые глаголы уже в древнейших памятниках не могли функционировать без возвратного местоимения» [5, с. 272].

Довольно регулярно в виде частичного надстрочного индекса выносятся один малый юс (**ѧ**) данной энклитики: **да не разрѣшитсѧ дондеже сѧнце съѧеть** [1, с. 53] – ‘да не разрушится, пока солнце сияет’; **оутвердисѧ сѧрце его** [1, с. 68] – ‘утвердилось сердце его’; **но стоѧ поклонитсѧ** [1, с. 114] – ‘но стоя поклонится’; **золъ бо чѧвкъ тѧщасѧ на злое** [1, с. 135] – ‘плох человек, подвигающийся на злое’; **престависѧ митрополитъ Киевскыи** [1, с. 349] – ‘преставился митрополит киевский’.

О том, что в это время (XIV в.) энклитика **сѧ** воспринималась как морфема, органично присущая переходному глаголу, отчасти не столь важная и необходимая лишь для правильного прочтения слова, свидетельствуют её написания под титлом (ради экономии места), причём иногда в одном предложении соседствовало слитное написание **сѧ** с глаголом и написание под титлом: **крѣтитсѧ просиша и покоритѧ Грекомъ** [1, с. 19] – ‘креститься просили и покориться грекам’; **...а друзии Чеси нарекошѧ** [1, с. 6] – ‘а другие чехами нареклись’; **такѡ* гавитѧ согрѣшенѣе ѡ сѧм** [1, с. 34] – ‘как же явится согрѣшенѣе об этом’; **и оубогашѧ Греци** [1, с. 30] – ‘и испугались греки’; **аще злодѣи възратитѧ в Русѣ** [1, с. 37] – ‘если злодей возвратится в Русь’ и др. Таких вариантов написаний из всего текста Лаврентьевской летописи нами выявлено 119.

Несмотря на кристаллизацию синтетической формы возвратного глагола к XIV в., раздельное написание энклитики в это время всё же имеет место, причём зачастую форма **сѧ** приобретает лексическую и грамматическую самостоятельность. Из общего количества выявленных возвратных форм (2470) обнаружено 250 случаев раздельного написания **сѧ**, т. е. 10,12 %. Среди этих раздельных написаний отмечаются следующие модели:

1. Контактная препозиция «сѧ + V», которая свидетельствует о сильной смысловой привязке **сѧ** к переходным глаголам различных значений: **...и видѣтъ тѣ люди сѣщаѧ како есть ѡбычаи имѣ и како сѧ мыють [и] хвощютсѧ и оудивисѧ имѣ** [1, с. 8] – ‘и видел здесь людей, и их обычаи: как моются и хвощутся, и удивился им’; **...не мѣчимы никимъ же но сами сѧ мѣчатъ** [1, с. 9] – ‘никем не мучимы, но сами себя мучают’; **...[и] сѣтъ гради их и до сего днѣ да то сѧ зваху ѡ Грекъ** [1, с. 13] – ‘и есть города их и до сего дня, да назывались от греков’; **...мы сѧ доискахомъ оружьемъ** [1, с. 17] – ‘мы добились оружием’; **скажемъ што сѧ оудѣяло в лѣта си** [1, с. 18] – ‘скажем, что случилось в эти годы’; **сице бо сѧ звахуть и варази сѣтъ** [1, с. 19] – ‘ибо так звать их, суть варяги’; **еже сѧ ныне зоветъ Оугорское** [1, с. 23] – ‘который ныне называется Угорское’; **и сѣдоша сѧ словѣны покорише ѧ подѧ сѧ** [1, с. 25] – ‘и сели со словенами, покориши их себе’; **да сѧ исполнить книжное слово** [1, с. 27] – ‘да исполнится книжное слово’; **да бѣдетъ ѡмѣненъ ѡ цѣркве донде сѧ испрѣвѧтъ** [1, с. 27] – ‘да будет отлучён от церкви до тех пор, пока исправится’; **аще сѧ въвадитъ волкъ в овцѣ то выноситъ все стадо** [1, с. 55] – ‘если притворится волк овцой, то вынесет всё стадо’; **Древляне начаша сѧ мыти** [1, с. 57] – ‘древляне начали мыться’ и мн. др. аналогичные случаи.

На странице 135 Летописи буквально в четырёх соседних строках уживаются синтетические и аналитические формы возвратных глаголов, что даёт основание думать о естественном параллельном употреблении в ту пору таких форм с преобладанием, однако, слитных написаний: **бѣси бо Бѧ боѧтсѧ а золъ чѧвкъ ни Бѧ боѧтсѧ ни чѧвкъ сѧ стыдитъ бѣси бо кѣта сѧ боѧтъ Гѧа а чѧвкъ золъ ни кѣта сѧ боѧтъ** [1, с. 135] – ‘ибо бесы Бога боятся, а злой человек ни Бога не боится, ни людей не стыдится, а бесы креста боятся Господня, а злой человек и креста не боится’. Также в одном стилистически однородном фрагменте текста, на небольшом отдалении – в 13 страниц друг от друга – встречаются структурно разные написания личных форм настоящего времени глагола **каяться**: первый из них представлен моделью «**сѧ + V**», а второй – слитным постпозиционным написанием, т. е. синтетической формой: **дела ли того сѧ каю** [1, с. 254] – ‘для того ли каюсь’; **почто зло створи въ и не какшисѧ его** [1, с. 267] – ‘зачем зло сотворил и не каешься в нём’.

Данная позиция **сѧ** в модели «**сѧ** + **V**» по отношению к «своему» глаголу Л.А. Булаховским объяснялась так: «По-видимому, первоначально место употребления **сѧ** зависело от старого принципа славянских языков, согласно которому частицы употреблялись чаще всего после первого полнозначного слова ритмического отрезка. Такие примеры имеем в древнейших памятниках восточнославянских языков, вроде: **Донелѣже ся миръ състоить**; **Кто ся изоостанеть въ манастири** (Мстисл. грам., 1130 г.)» [4, с. 164]. Ритмическим отрезком по сути является любая часть сложносочинённого или сложноподчинённого предложения, группа обособленных членов предложения, т. е. отрезки высказывания между дыхательными паузами. Относительно таких случаев Л.А. Булаховский также утверждал: «Сколько в подобном употреблении живого и сколько традиционного, нельзя сказать определённо. Скорее, однако, это живые факты. Сомнение в значении подобных примеров возникает только применительно к памятникам более поздним, когда искусственность **ся** на втором месте отрезка выступает на фоне глагола с **ся**, примкнувшим к нему» [4, с. 164]. А в Летописи как раз отмечаются подобные эпизоды: **мало сѧ насытилѧ крове моеѧ а се хочеть боле насытитисѧ** [1, с. 266] – ‘мало напился крови моей, но вот хочет больше напиться’.

2. Дистактная препозиция «сѧ + n^1 + **V».** Данный тип возвратной модели, где энклитику и соответствующий глагол разделяет один делимитер (*от лат. delimiter* ‘разделитель’) встречается в летописи ещё реже: **егда сѧ начаху каяти**. [1, с. 97] – ‘когда начали каяться’; **мѣми^а бѹдѹтъ в огни иже сѧ не крѣтитъ**. [1, с. 106] – ‘да будут мучимы в огне, если не крестятся’; **аще сѧ не вдасте имамъ стоимъ** [1, с. 109] – ‘если не сдадитесь, я буду стоять’; **проклаша иже сѧ не поклонѧ^т иконамъ**. [1, с. 114] – ‘проклинали, если не поклонятся иконам’; **хотѧт сѧ людье передати Печенѣгомъ**. [1, с. 127] – ‘хотят люди сдаться печенегам’; **иже сѧ бѣ родилъ ѿ прелюбодѣяныа**. [1, с. 146] – ‘который родился от прелюбодеяния’ и нек. др. случаи.

Характерно, что в качестве делимитеров в данной модели чаще всего выступают односложные слова: отрицательная частица *не*, союз *и*, местоимения *что*, *нас*, *мне*, *сам*, форма имперфективного аориста глагола *быть* (**бѣ**) в составе плюсквамперфекта, реже – полнозначные многосложные лексемы (**начаху**, **людье**). Устойчивость данной модели поддерживалась, видимо, ритмом фразы, в которую наиболее органично вписывались именно односложные делимитеры, как это происходит до сих пор в современном польском языке. Сравним ритм отрезков, описывающихся данной моделью, в польском и древнерусском языках:

« się + n^1 + V »	« сѧ + n^1 + V »
<i>mokry deszczu się nie boi</i> <i>jakoś się to rozeszło po kościołach</i> <i>co tu się żywnie podoba</i> <i>aż tu się uszy trzęsły</i>	но мы сѧ не боямъ . проклаша иже сѧ не поклонѧ^т тобе сѧ что створить хто сѧ насъ всталъ живы^х .

3. Дистактная препозиция типа «сѧ + n^1 + n^2 + **V».** Ещё реже по сравнению с предыдущей моделью встречается в Летописи препозиция с двумя делимитерами: **можеш сѧ с ни[мъ] бороти**. [1, с. 123] – ‘сможешь с ним бороться’; **хочемъ сѧ и еще бити съ Болеславомъ** [1, с. 143] – ‘будем и ещё биться с Болеславом’; **и не вѣдѹче что сѧ надъ Кытаномъ створи**. [1, с. 227] – ‘и не зная, что над Китаном сделалось’; **смѣти бо сѧ дти не боячи**. [1, с. 252] – ‘ибо смерти дети не боялись’; **и рѣша се сѧ оуже тако створило князь нашъ оубѣенъ**. [1, с. 371] – ‘и сказали: «Вот уже так случилось, князь наш убит»’; **а что сѧ на дьска^х встало в писмѣ а то все князю** [1, с. 490] – ‘а что на столах осталось в письме, то всё князю’.

4. Дистактная препозиция типа «сѧ + n^1 + n^2 + n^3 + **V».** Редкими эпизодами представлена данная модель в Летописи (в отличие от аналогичных случаев в современном польском языке), что объясняется устойчивым закреплением **сѧ** к тому времени в контактной постпозиции, особенно в устной речи: **река любо си сѧ на^{мъ} ѿцю гнѣвати**. [1, с. 319] – ‘говоря: «если даже на меня отец разгневется»’; **уже сѧ с ними начне^{мъ} бити то се на^{мъ} бѹдѹтъ первии ворози**. [1, с. 359] – ‘если с ними начнём биться, то будут нам первыми врагами’; **такъ тобою сѧ намъ многа зла створи**. [1, с. 499] – ‘потому что из-за тебя нам много зла сделалось’.

5. Дистактная препозиция типа «**сѧ** + n^1 + n^2 + n^3 + n^4 + V». В тексте Летописи нами обнаружена единственная модель дистактной препозиции с четырьмя делимитерами: **дѣти мѧ сѧ бѣдѣ добро ѿ силы мирити**. [1, с. 321] – ‘что мне будет хорошо от силы мириться’. Сохранение довольно редкой модели в памятнике письменности XIV в. можно объяснить той же причиной, что и в п. 4.

6. Дистактная постпозиция типа «V + n^1 + **сѧ**». Данная модель встречается в летописи нечасто, и в качестве делимитера (n^1) здесь выступают одно- или двусложные союзы или частицы. Сразу отметим употребление такой модели в составе распространённой в древности лаконичной синтаксической конструкции «дательного самостоятельного» со значением времени. О распространённости в древнерусскую эпоху синтаксической конструкции «дательного самостоятельного» с различными значениями сообщалось нами в одной из предыдущих публикаций [6, с. 76].

Итак, делимитерами в структуре данной модели выступают:

а) противительный союз *же*:

– **крѣти жѣ сѧ в цѣркви ѿтого Васи́лы** [1, с. 111] – ‘крестили же в церкви святого Василия’; **крѣтившим же сѧ людемъ** [1, с. 118] – ‘крестившимся же людям’; **смиривъ же сѧ с Половци и подаривъ и** [1, с. 358] – ‘смирившись же с половцами и подарив его’; **и помолѣ же сѧ бѣголюбивый еѣписъ Митрофанъ** [1, с. 518] – ‘и помолился же боголюбивый епископ Митрофан’;

б) причинный союз *бо* ‘ибо, потому что’:

– **раздѣлаетъ бо сѧ нераздѣлно** [1, с. 111] – ‘ибо разделятся нераздельно’; **ѿторваху бо сѧ на землю** [1, с. 165] – ‘оторвалось ибо на землю’; **постивъ бо сѧ Моисѣ дѣни .ѿ.** [1, с. 185] – ‘ибо постился Моисей 40 дней’; **впадѣ в болѣзнь разболѣвшю бо сѧ кмѣ** [1, с. 186] – ‘впал в болезнь, охватившую его’; **облече бо сѧ во власяницу** [1, с. 192] – ‘ибо облёк себя во власяницу’;

в) условный союз *ли* ‘если’:

– **взвернутъ ли сѧ на нѧ изматѣтъ ны** [1, с. 498] – ‘если повернутся на нас – разметут нас’;

г) энклитические формы личных местоимений *ти* ‘тебе’ и *ми* ‘мне’:

– **молимъ ти сѧ раби твои** [1, с. 256] – ‘молимся тебе, твои рабы’; **не покорить ми сѧ** [1, с. 347] – ‘не покориться мне’; **исповѣдаю ти сѧ ѿче** [1, с. 378] – ‘исповедаюсь Тебе, Отче’; **и рече преданте ми сѧ** [1, с. 490] – ‘и сказал: «Сдайтесь мне»’.

Как свидетельствует фактический материал пункта «б)», порядок слов в предложении тех времён предписывал следование причинного союза *бо* ‘ибо, потому что’ непосредственно после знаменательных частей речи, не обязательно только глаголов, но и существительных: **Бѣ бо казнить члѣка члѣкомъ** [1, с. 481] – ‘ибо Бог казнит человека человеком’. Следовательно, союз **бо** был устойчивым и довольно регулярным делимитером в составе глагольной возвратной модели. В случае же отсутствия данного союза при возвратном глаголе энклитика **сѧ** превращалась в привычный нам постфикс, агглютинируясь с глаголом. Яркий пример таких вариаций представлен глаголом *поститься* на одной и той же странице: **постивъ бо сѧ Моисѣ дѣни .ѿ.** [1, с. 185] – ‘ибо постился Моисей 40 дней’ и 6-ю строками ниже: **постивъсѧ и Гь .ѿ. дѣни** [1, с. 185] – ‘постился и Господь 40 дней’.

Древние документы письменности, как, например, ПВЛ, сохранили для нас тогдашнюю оптимальную упорядоченность (*порядок, шик*) слов, которая была органично свойственна, натуральна и мелодична для наших пращуров. Древнерусская, забытая теперь модель «V + n^1 + **сѧ**» соответствует современной польской модели «V + n^1 + *się*», занимающей в текстах различных стилей и жанров до 2,5 % употреблений. Примечательно, что в большинстве случаев в качестве делимитера n^1 в польских конструкциях выступают односложные лексемы, часто – формы личных местоимений: *rzuciła mi się w ramiona* [7, с. 34] – ‘бросилась ему в объятия’; *wydali jej się szalenie egzotyczni* [7, с. 49] – ‘показались ей безумно экзотическими’.

7. Контактная постпозиция типа «V + **сѧ**». Такие модели очень редки в силу тенденции слитного написания энклитики сразу после глагола: **не мори сѧ голодомъ с дружиною** [1, с. 402] – ‘не мори себя с дружиной голодом’; **Тоѣ же зимы ѡжени сѧ князь Ярославичъ Андреи** [1, с. 472] – ‘в ту же зиму женился князь Ярославичъ Андрей’. Можно предполагать, что данные факты – свидетельство старинного традиционного восприятия **сѧ** как самостоятельного возвратного местоимения, не обретшего ещё черты сугубо возвратной морфемы.

Комбинированные употребления. В некоторых случаях в Летописи можно наблюдать соседствующие возвратные формы с очевидной усиленной или ослабленной смысловой нагрузкой **сѧ**. Данный вывод о смысловой нагрузке напрашивается вследствие сравнения спо-

собо́в графического оформления возвратных глаголов, выступающих в границах одного предложения: **кгда сѧ падеть и не развьѣтъѣ** [1, с. 242] – ‘когда упадёт и не разобьётся’; **а Бѧ дѣлаа не лѣнитеса молю вы сѧ. не забываете. ꙗко дѣлаа тѣхъ** [1, с. 244] – ‘а ради Бога не ленитесь, молю вас, не забываете господних дел тех’. Здесь видим очевидное приращение самостоятельности **сѧ** в первом возвратном глаголе **сѧ падеть** и лишь формальную маркировку возвратности при помощи подтитловой записи во втором случае: **развьѣтъѣ**. Следует отметить, что в современном польском языке модель контактной препозиции «**się + V**» квалифицируется как характеристика книжности в противовес разговорности [8, с. 423–424].

Анализируя особенности подобных синтаксических конструкций (включающих модель «**сѧ + V**»), делаем неизбежный вывод об огромной организующей роли интонационного рисунка фразы, возрастающей и ниспадающей интонации, обусловленной физиологией естественного человеческого дыхания: **и не могу́че сѧ докопати нача́ тужити** [1, с. 210] – ‘и, не в силах докопаться, начали тужить’; **послѣди сѧ оуладита. а нонѣ пондита противу поганымъ** [1, с. 219] – ‘после вы [оба] помиритесь, а ныне пойдите против поганых’:

Вообще же исследованный материал Летописи XIV в. являет нам свидетельства либо приращения энклитики **сѧ**, либо самостоятельного её употребления с самыми различными глагольными формами и наклонениями в единственном, двойственном и множественном числе:

а) в аористе:

– **мѧ же клахо́у сѧ ко црю́ вашему** [1, с. 37] – ‘мы же поклялись царю вашему’; **Улег же посмѣсѧ и оукори кудесника** [1, с. 39] – ‘Олег же посмеялся и укорил кудесника’; **Древляне затвориша́ по Улговѣ смѣрти** [1, с. 42] – ‘и древляне закрылись после Олеговой смерти’; **клахо́у сѧ црквыю сѣто Ильѣ** [1, с. 52] – ‘мы поклялись церковью святого Ильи’; **с малоу же дружины возвратисѧ** [1, с. 54] – ‘с малой частью дружины возвратился’; **а Древляне затворишасѧ въ градѣ** [1, с. 58] – ‘а древляне закрылись в городе’; **в то же лѣтѣ и дѣта сѧ роди** [1, с. 247] – ‘в тот же год и дитя родилось’; **еже сѧ събѣ прѣречение Феодосьево** [1, с. 211] – ‘что сбылось пророчество Феодосьево’; **и плакастасѧ реку́ще тако не было в родѣ нашемъ** [1, с. 262] – ‘и плакали, говоря, что не было [такого] в нашем роду’; **и молистасѧ кми. и повѣдаста мольбу Кыпанѣ** [1, с. 264] – ‘и молились ему и рассказали мольбу киевлян’ и мн. др. (по свидетельству Г.Я. Симиной (1907–?), «аорист – самая употребительная форма прошедшего времени в «Повести временных лет». Всего в исследованном тексте встретилось 1815 случаев употребления аориста, это составляет около 86 % от всех форм прошедшего времени» [9, с. 48]. Заметим, однако, что Г.Я. Сими́на учитывала все формы: и возвратные, и невозвратные);

б) в имперфекте:

– **и бораху́сѧ крѣпко изъ града** [1, с. 58] – ‘и [древляне] боролись крепко из города’; (по Г.Я. Симиной: «195 случаев употребления имперфекта, что составляет около 9,5 % всех глагольных форм прошедшего времени» [9, с. 54]);

в) в перфекте:

– **и мы же елико насъ хрѣтисѧ есмы** [1, с. 52] – ‘мы же, сколько нас есть, крестились’; **не вси сѧ ксмы совкупили нынѣ** [1, с. 323] – ‘не все мы объединились ныне’; **сѣтъ сѧ свитали с Чернѣговьскѣми || кнѣзи** [1, с. 323] – ‘они совещались с черниговскими князьями’ и мн. др. (более 70 случаев употребления перфекта, т. е. 3,5 % всех глагольных форм [9, с. 44]);

г) в плюсквамперфекте:

– **зане сѧ баше приложилъ к Половце** [1, с. 249] – ‘потому что присоединился было к половцам’; **баше во сѧ затворилъ в не** [1, с. 429] – ‘затворился было в нём’ и др. (22 случая, или 1 % по отношению к другим формам прошедшего времени [9, с. 57]);

д) в сослагательном наклонении:

– **да выхѡмъ сѧ востати ꙗко злыѣ дѣла**. [1, с. 222] – ‘мы воздержались бы от злых дел’ и др.

е) в настоящем времени:

– **не единъ ни два спѣсѧсѧ** [1, с. 120] – ‘не один, не два спасаются’ и др.

ж) в неспрягаемых формах:

– **надѣюще же сѧ на силу погани поидоша**. [1, с. 360] – ‘надеющиеся на силу поганы пошли’; **противащимъ же сѧ Торкомъ и крѣпко борющимсѧ**. [1, с. 221] – ‘противащимся же и крепко борющимся торком’; **а погыбе тѣломъ и дшею предавсѧ дьяволу**. [1, с. 181] – ‘погиб телом и душой, предавшись дьяволу’; **но того не створи Бѧ сѧ оубо-павъ**. [1, с. 304] – ‘но этого не сделал, Бога боясь’ и мн. др.;

Во многих приведённых (пкт. «а») – «ж») и выше) примерах обращает на себя внимание, безусловно, контактная препозиция **сѧ** по отношению к «своему» глаголу, обусловленность её употребления интонационным рисунком фразы и контекстуальным (логическим) ударением, неслучайность именно такого, а не иного, употребления раздельно написанного **сѧ**. Поэтому полностью мы не можем согласиться с нижеследующим утверждением Л.А. Булаховского: «Уже в древнейшем славянском **сѧ** не представляло возвратного местоимения в строгом смысле слова, а скорее – частицу, выполнявшую определенные формальные функции: по крайней мере во всех славянских языках мы найдем образования типа *боюсь, молюсь* и под., где *-ся, -сь* не равняется “себя”, а образует с глаголом нерасторжимое смысловое единство, или же модифицирует значение глагола, который может быть и самостоятельным, в том или другом значении формально-залоговом» [4, с. 163]. Более того, в тексте Летописи, отражающей особенности древнерусского языка, очень свободно и естественно, кроме возвратной энклитики **сѧ** функционируют энклитические формы других местоимений, личных: **сѧ сестрою вашею крѣтъ мѧ**. [1, с. 110] – ‘с сестрою вашею крестить меня’; **а за тѧ битисѧ може** [1, с. 268] – ‘а за тебя биться можем’; **аще придутъ на тѧ Русскыѣ князи**. [1, с. 269] – ‘если придут на тебя русские князи’; **и страхъ нападе на нѧ и трепетъ**. [1, с. 278] – ‘и страх напал на них, и трепет’; **ископавъ яму впаде сѧ в ню**. [1, с. 356] – ‘выкопав яму, упал в неё’; **и за гордость ихъ наведе на нѧ**. [1, с. 362] – ‘и за гордость их навёл на них’; **оукраси ю. иконами безцѣнными**. [1, с. 278] – ‘украсил её иконами бесценными’; **такъ пожениши тѧ гнѣвомъ твоимъ**. [1, с. 384] – ‘преследуешь их гневом твоим’.

В Летописи встречаются также случаи употребления **сѧ** между двумя глаголами, например: **и не совкупѧша сѧ бити ѡбон. за мѣсь**. [1, с. 384] – ‘и не собрались оба биться за месяц [в течение месяца]’; **начаша сѧ гнѣвати на нь**. [1, с. 401] – ‘[они] начали гневаться на него’ и др. В польскоязычных текстах в подобных случаях возникает вопрос о сегментации данного отрезка фразы, поскольку требуется выяснять, аппликатом какого глагола является возвратная морфема *się* и какой моделью описывается целевой глагол: «**V + się**» или «**się + V**»? В польских текстах, например, это выглядит так: *dać się nakłonić, by nie brać więcej* [7, с. 217] – ‘позволить уговорить себя, чтобы не брать больше’; *Tessio nie dał się uciszyć* [7, с. 430] – ‘Тессо не дал себя успокоить’. К таким эпизодам в польскоязычных текстах следует подходить внимательно, как правило, руководствуясь словарями. В случае же древнерусских текстов достаточно принять во внимание тот факт, что раздельное написание **сѧ** от аористовых форм **совкупѧша сѧ бити** или **начаша сѧ гнѣвати** свидетельствует о своей принадлежности к инфинитиву, поскольку, как мы видели выше в примерах, если **сѧ** выступает в контактной постпозиции к «своему» глаголу, то оно непременно агглютинируется (за исключением редчайших случаев, см. п. 7. «Контактная постпозиция типа «**V + сѧ**»»). Впрочем, что до сочетания **совкупѧша сѧ бити**, здесь возможен и старинный супин со значением намерения (**совкупѧша бити сѧ** ‘собрались бить себя’).

Лексический материал Летописи свидетельствует также и об отсутствии в тогдашнем русском словообразовании тенденции к возникновению отглагольных существительных среднего рода, образованных от возвратных глаголов с сохранением **сѧ** при них. Современный же польский язык изобилует подобного рода примерами в текстах различных стилей и жанров: *przemieszczanie się pilotów samolotów* [10, с.12] – ‘перемещение пилотов самолётов’; *zmaganie się z chorobami* [10, с. 34] – ‘борьба с болезнями’; *traktuje o zagubieniu i odnalezieniu się w różnych okolicznościach* [10, с. 81] – ‘рассказывает о *потере* и *обретении себя* в разных обстоятельствах’; *nie mógł przetrwać bez posługiwania się bronią* [10, с. 107] – ‘не мог выжить без *применения* оружия’.

Отсутствие подобного явления в языке русской письменности XIV в. свидетельствует о том, что и вербоиды в польском языке (в нашем случае – отглагольные существительные с *się*, сохраняющие семантику действия) возникли несколько позже и, скорее всего, проникли в устную речь поляков из литературных произведений. К такому выводу подталкивает рассуждение академика Ф.П. Филина (1908–1982) о происхождении слов на *-ание, -ение, -ние, -тие, -ствие, -ие*. Учёный утверждал следующее: «слов с указанными суффиксами в современном русском литературном языке оказалось 7755, т. е. около 6 % словарного состава. Следует тут же оговориться, что многие из этих слов, отмеченных в словарях, имеют искусственный характер, не подтверждаются никакими цитатами и переписываются из словаря в словарь. Особенно много их в Словаре В.И. Даля. Это объясняется тем, что особенно многочисленные слова с *-ание, -ение, -ние* теоретически можно образовать почти от каждого глагола, кроме глаголов совершенного вида реального значения, что вводило и вводит в соблазн даже опытных лексикографов создавать новые слова с этими суффиксами и даже снабжать их собственными предложениями, стоящими на грани комического (ср., например, *загрызание крысы кошкой*). На самом деле реально существующих слов с указанными суффиксами в современном общеупотребительном литературном языке значительно меньше приведённой выше цифры» [11, с. 33–34]. Далее академик утверждает следующее: «В дописменном праславянском языке, как и в дописменном языке восточных славян, потребность в образовании отглагольных имён существительных со значением действия (по природе своей более или менее абстрактного) несомненно была ниже, чем в языке письменном» [11, с. 35].

Таким образом, исходя из структуры синтаксических моделей Летописи, содержащих возвратные глаголы, обозначим градицию контекстуальной нагрузки **сѧ** от местоименной самостоятельности до явно аффиксальной маркированности:

позиция сѧ	модель	пример
Наиболее сильная (с предлогом)	« на сѧ + V»	но на сѧ переѧ печаль братню . [1, с. 203] – ‘но на себя принял печаль брата’
Сильная (книжный тип)	« сѧ + V»	не могоша сѧ бити . [1, с. 311] – ‘не могли биться’
Умеренная	« сѧ + п¹ + V»	ѧ сѧ сѧѧ боѧлѧ [1, с. 267] – ‘я сам боялся’
	«V + п¹ + сѧ »	ѡблѧче бо сѧ во власѧниѧ . [1, с. 192] – ‘ибо облѧк себя во власѧниѧ’
Слабая	«V + сѧ »	не мори сѧ голодомѧ с дружиною . [1, с. 402] – ‘не мори себя с дружиной голодом’
	слитное написание	и прозвашѧ имени свѧими [1, с. 6] – ‘и прозвались именами своими’
Самая слабая	под титлом	и ѡубоѧшѧ Греци [1, с. 30] – ‘и испугались греки’

Итак, даже после распада восточнославянского языкового единства (XIII в.) долгое время (вплоть до XVII в.) **сѧ** продолжало восприниматься как самостоятельное местоимение. Устойчивое функционирование той или иной возвратной модели обуславливалось структурой фразы, организующей ролью ритмического отрезка, завершающегося дыхательной паузой, в конце которой современная пунктуация требовала бы соответствующего знака препинания.

Разнообразие возвратных моделей свидетельствует о развитом языковом сознании славян того времени. Ф.П. Филин, определяя понятие «языковое сознание», говорил так: «Это осознанное представление владеющих литературным языком о том, что в языке (письменном и устном) правильно или неправильно, возможно или невозможно, предпочтительно или менее предпочтительно, нейтрально или стилистически маркировано, допустимо или недопустимо. Такое представление опирается на знание объективно существующих в данное время норм языка (кодифицированных и некодифицированных, так как всё бесконечное многообразие языковых явлений, например, всех возможных сочетаний слов, кодифицировать практически нельзя)» [11, с. 138]. Следовательно, все те факты возвратных конструкций, которые стали объектом нашего внимания в Летописи, являют собой именно то, что было тогда возможно, допустимо, правильно и предпочтительно в плане выбора места для местоимения-энклитики-аффикса **сѧ** в структуре древнерусского предложения. Наша же задача – найти объяснение этим предпочтениям и закономерностям, предназначавшим в конце концов ту роль для **сѧ**, какую оно скромно исполняет в современных восточнославянских языках.

Литература

1. Полное собрание русских летописей. – 2-е изд., репр. воспр. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись / предисл. Б. М. Клосса. – 733 с., разд. паг. (Е-N, VIII).
2. Черных, П. Я. Историческая грамматика русского языка : краткий очерк : пособие для педагогических институтов / П. Я. Черных. – Изд. 2-е. – М. : Учпедгиз, 1954. – 336 с., 2 карты.
3. Шахматов, А. А. История русского летописания / А.А. Шахматов. – СПб. : Наука, 2002. – Т. 1 : Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды, кн. 1 : Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – 484 с., [1] л. портр. – (Русская библиотека).
4. Булаховский, Л. А. Исторический комментарий к литературному русскому языку / Л. А. Булаховский. – Киев : Радянська школа, 1939. – 332 с.
5. Кузнецов, П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология / под ред. Р. И. Аванесова. – М. : Издательство Московского университета, 1953. – 306 с.
6. Сериков, Г. В. Об одном старинном исследовании значений «дательного самостоятельного» / Г. В. Сериков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2011. – № 2 (65). – С. 75–77.
7. Puzo, M. Ojciec Chrzestny / M. Puzo ; z angielskiego B. Zielińskiego. – Warszawa : Albatros, 2017. – 479 s.
8. Klemensiewicz, Z. Historia języka polskiego / Z. Klemensiewicz. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1980. – 796 s.
9. Сими́на, Г. Я. К вопросу об употреблении глагольных форм прошедшего времени в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку / Г. Я. Сими́на // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. – 1959. – № 277, вып. 55. – С. 42–59.
10. Strączek, K. Ryszard Kapuściński, autoportret reportera / K. Strączek. – Kraków : Znak, 2003. – 145 s.
11. Филин, Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф. П. Филин. – М., 1981. – 326 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 08.09.2022

Онимикон произведений из сборника повестей и рассказов «Великий Гусляр» Кира Булычёва

А.В. СОБКО

В статье проводится многоаспектный анализ онимов, встречающихся в цикле произведений о Великом Гусляре, что позволяет группировать языковой материал, обосновывая базовые приемы построения и создания ономаσιологического портрета персонажа. При этом систематизация всех номинаций происходит по следующим ономаσιологическим уровням: событийному, прагматическому и коммуникативному. Только таким путём можно получить общее содержательное представление о героях литературного произведения.

Ключевые слова: оним, онимикон, антропоним, антропонимика, художественное произведение, антропонимикон.

The article provides a multidimensional analysis of onyms found in the cycle of works about the Great Guslar, which makes it possible to group the language material, substantiating the basic techniques for constructing and creating an onomasiological portrait of the character. At the same time, the systematization of all the nominations takes place on the following onomasiological levels: event, pragmatic, and communicative. Only in this way, one can get a meaningful idea of the characters of a literary work.

Keywords: onym, onymicon, anthroponym, anthroponymy, literary work, anthroponymicon.

Номинации лица в русском языке по праву занимают ведущие места в системе лексикона благодаря разнообразию своих грамматических, фонетических и семантических форм. Таким образом, ономаσιологическое портретирование персонажа литературного произведения требует глубокого анализа языкового материала на морфологическом, лексическом, синтаксическом и функциональном уровнях. Ономастика, в целом, тесно связана со стилистическо-поэтической спецификой, т. к. онимы являются существенным элементом в словарном запасе любых художественных произведений. Писатели выбирают их из реально существующего лексикона или создают новые собственные имена.

В художественных произведениях современных авторов часто сохраняется тенденция обращения к ономаσιологическому аспекту при описании образа героя художественного произведения. Эта тенденция берёт своё начало ещё в старинных фольклорных произведениях и ярко прослеживается в наши дни. Так, например, в российском мультфильме «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», вышедшем на экраны в 2006 г., один из персонажей, желая стать настоящим героем ради любви царской дочери, просит называть его Елисеєм Силивичем. Другой персонаж мультфильма, говорящий конь, называет себя Юлием, в честь прославленного Юлия Цезаря, для того, чтобы подчеркнуть свою грамотность и наличие большого ума, а герои мультфильма 1975 г. выпуска «Ох и Ах» носят говорящие имена-междометия, которые являются своего рода символами оптимизма и пессимизма.

Говоря о детской фантастике, следует отметить тот факт, что она занимает промежуточное место между научной фантастикой и фэнтэзи. На страницах такого рода произведений читатель встречается с «облегченной» наукой, сочетающейся с разного рода сказочными элементами. Чтение фантастических произведений, написанных, в первую очередь, для детей, не требует от читателя фундаментальных знаний в области биологии, зоологии, физики, химии, астрономии и других наук. Одним из мастеров жанра детской фантастики является Кир Булычёв. Известный цикл произведений Кира Булычёва называется «Великий Гусляр». Главными героями этого сборника повестей и рассказов являются жители вымышленного города Великий Гусляр, чьи приключения происходят не только в самом городе, но и за пределами Солнечной системы. Произведения насыщены персонажами, каждый из которых имеет свое имя. Специфика художественного фантастического текста, написанного для детей, связана с изображаемой реальностью. Именно поэтому антропонимическая лексика дет-

ской литературы наиболее близка к настоящей антропонимике. Мир вокруг героев рассказов К. Булычева показан через антропонимы, основная масса которых взята из общей системы имен, так называемого реального антропонимикона, т. к. пространство художественной реальности создаётся по аналогии с действительностью. Таким образом, реальность нашего мира проникает во вторичную реальность, т. е. реальный мир отражается в идеальном мире художественной реальности [1, с. 128].

Тексты произведений про Великого Гусляра Кира Булычёва, в основном, полны антропонимов, однако среди них совсем немного «говорящих» или характерных имён. Есть имена, соответствующие реальному антропонимикону: Максим, Ксения, Александр, Никита, Елена и др. Все они опосредованно характеризуются, что соответствует тенденции к сближению литературной и реальной антропонимики. При этом агоронимы (группа онимов, обозначающих названия площадей), андронимы (группа онимов, обозначающих личные имена (фамилии) женщин, произведённые от имён (фамилий) мужей), археонимы (группа онимов, обозначающих наименования необитаемых городов или устаревшие собственные имена ныне существующих понятий, наименования объектов), астионимы (группа онимов, обозначающих названия городов), астронимы (группа онимов, обозначающих названия космических объектов, небесных тел, отдельных небесных светил, комет, малых планет, или астероидов, карликовых планет, звёзд), карабонимы (группа онимов, обозначающих собственные имена кораблей, судов, катеров, ледоколов, атомоходов) выступают в качестве локализаторов эпизодов. Названия книг, песен, музеев, журналов, ресторанов, гостиниц, имена литературных персонажей и другие реалии в повестях и рассказах К. Булычёва обозначают объекты восприятия реальных мест. Наиболее часто используемые в цикле о Великом Гусляре антропонимы являются средствами спецификации: Миша, Саша, Ванда, Корнелий, Николай и др., с помощью них создается достоверная картина реальности.

Время и место действия также определяют выбор правильных имен. Так, в повести «Марсианское зелье», одного из персонажей, который родился в 1603 г., зовут Алмаз Федотович. Вот как о своём имени говорит сам герой: «...ныне имя редкое и неизвестное» [2, с. 53]. Свою же кличку, Битый, а затем и фамилию, Битов, он получил, когда хозяин его, купец Томила Перфирьевич, сильно побил Алмаза. Автор заимствует часть антропонимов у реальных ономастик, для того, чтобы передать атмосферу того временного исторического промежутка, о котором идёт речь в повести. Интерес представляет рассказ Алмаза о былых временах. Рассказывая о прошлых столетиях, Алмаз упоминает имена людей, с которыми ему случалось общаться: Ивашка Брюховецкий, Порфирий Оловенников (подъячий тайного приказа), Прозоровский (астраханский воевода), старец Сергей (сам Алмаз), князь Самойла Шайсупов, дьяк Данило Полянский. Герой произведения вспоминает исторических личностей: царя Алексея Михайловича, патриарха Никона, Стеньку Разина (Степан Тимофеевич) и Фрола Разина. В повести «Марсианское зелье» упоминается и имя разведчика Лоурэнса: «Скатерть опустилась ему на его голову и сделала его похожим на бедуина или английского разведчика Лоурэнса» [2, с. 38].

Повести «Нужна свободная планета», «Съезд Обыкновенных Существ», «О любви к бессловесным тварям», «Паровоз для царя», «Космический десант», в которых основное действие разворачивается в космосе, на далёких планетах или же при встречах с инопланетянами, имеют большое количество онимов, которые придумал сам писатель: имена инопланетных существ (Гнец-18, Тримбукаулн-пру, Вусц, Кавалия Чух), названия планет (Силярия, Просидора, Сапур, Кэ, планета в секторе 5689-бис, Вапраксила, Круписа, Прекрупичан). При этом писатель использует и реально существующие, известные многим, названия космических объектов, чтобы сохранять необходимую атмосферу реальности происходящего с героями своих художественных произведений (Альдебаран, Сириус, Земля).

Таким образом, с помощью собственных имён писатель создает уникальные миры, отражающие эстетические идеи, наряду с другими средствами художественной выразительности. Ономастикон литературных произведений Кира Булычёва органично вплетается в структурное полотно текста. Его тексты строятся на оси ономастики, которая становится ориентиром для читателей в пространстве произведения.

Особый интерес представляют слова, которые не взяты писателем из реально существующего ономастического состава языка, а созданы им по действующим словообразовательным моделям в языковой среде с помощью фантазии самого автора произведения. Так, перечисляя многочисленных инопланетных представителей, прибывших на Съезд Обыкновенных Существ, наряду с альдебаранцами и сирианцами, автор пишет о дескасийцах, тори-тори, прули, кофкриавфеях, 45\67-цах, молчаливых испужниках, вегианах, плётчиках, моосадерах, антропоидных локах, порниках, апрет-тт-воинейцах, ярыках. Наравне с космическими драконами упоминаются и такие фантастические существа, как гниры.

Для номинации персонажей произведений Булычёва из цикла «Великий Гусляр» часто используются неполные имена, их сокращенные варианты, имена с суффиксами субъективной оценки. Уменьшительно-ласкательные формы имён собственных используются в речи героями произведений цикла в случае обращения к близким и дорогим сердцу людям, да и в целом к тем, кто вызывает в них симпатию. Так, Корнелия Ивановича Удалова жена Ксения называет Корнюшей, а он её Ксаночкой или Ксюшей. Их сын Максим чаще всего именуется Максимкой. Вундеркинда Лёню из рассказа «Лёничка-Леонардо» баба Даша и её муж Николай Иванович Ложкин называют Лёничкой, при этом отец Борис Щегол с женой Кларой просят их называть своего ребёнка Леонардо, обращаясь к нему Леонардик. Провизор Никита Савич со своей женой Вандой Казимировной обращаются друг к другу в момент прилива чувств Никитушка и Вандочка. Положительное отношение участников сюжетной линии к героям произведения проявляется в таких именах как Мишенька (при обращении к молодому литсотруднику Мише Стендалю), Сашенька (при обращении к Саше Грубину, заведующему вторсырья у рынка), Шурочка. Интересно, что Шурочку Родионову никто не называет как-то иначе. Елену Сергеевну Кастельскую, руководительницу исторического кружка, Никита Савич называет Леночкой, чтобы подчеркнуть то, что пламя любви к ней в его сердце ещё не угасло и чувства молодости ещё не поздно вернуть. В свою очередь Елена Кастельская называет своего внука только Ванечкой. С первых страниц рассказа «Поступили в продажу золотые рыбки» читатель знакомится с Зиной и Верой Яковлевной, которые работают продавщицами. Благодаря уменьшительно-ласкательной форме имени Зинаида, читателю сразу становится ясно, что первая является молодой привлекательной девушкой, а вторая – дамой в возрасте.

Присутствуют в цикле произведений «Великий Гусляр» и говорящие имена. Так, в повести «Глубокоуважаемый микроб» карлика-предсказателя зовут Острадам. Это имя даёт прямую отсылку ко всемирно известному Нострадамусу. Кир Булычёв выражает своё отношение к гадалкам и предсказателям через образ Острадама, которому удавалось предсказывать события будущего благодаря увиденному им в водовороте времени, в котором он застрял на некоторое время. Те события, которые ему удалось запомнить, он и предсказывал. Таким образом, не обладая даром предвидения, карлик смог снискать себе славу провидца и стать уважаемым человеком. Фамилия Саши Грубина является также говорящей. Так, автор пишет о нём «...превосходивший Корнелия ростом на три головы, шагал размашисто, мотал нечёсаной шевелюрой, посмеивался и громко рассуждал» [2, с. 56], «...изобретатель и неудавшийся человек» [2, с. 364]. Ложкин о Грубине отзывался как о «пустяковом человеке».

Одной из главных героинь повести «Марсианское зелье» является Милица Федоровна Бакшт, персидская княжна. Имя Милица также является говорящим. Это красивая женщина, которая кружила головы мужчин на протяжении нескольких веков. Соответственно, имя Милица имеет одинаковый корень со словом «милый» или словосочетанием «милое лицо». Провизор Никита Савич, в свою очередь, показан в повести человеком не очень решительным, он мечется между женой и любовью своей юности. При этом, его жена, зная об увлечении мужа другой женщиной, с которой у него был роман в юности и которую сам же Савич и оставил, пресекает все попытки мужа возобновить былые отношения. Жена Савича – директор магазина, женщина масштабная и решительная. Её имя, Ванда Казимировна, звучит достаточно властно и солидно. Заместитель Ванды, Римма Ивановна, также является серьёзной и проницательной женщиной, умеющей добиться своего. Фамилия главного редактора газеты Малюжкина говорит нам о том, что этот человек не может принимать какие-либо радикальные меры для разрешения глобальных споров и конфликтов, равно как и глубоко вни-

кать в серьезные вопросы мирового масштаба. Есть что-то несерьезное, детское, в самом звучании фамилии главного редактора. Тем временем, персонаж с именем Белосельский Николай занимает руководящий пост.

В рассказе «Ретрогенетика» профессора зовут Лев Христофорович Минц, а имя зоотехника, смелого, рискованного, заведующего фермой жителя Гусляра – Иван Сидорович Хата. Имя, фамилия и отчество первого говорят читателю о благородстве кровей, наличии ума, незаурядности личности. В свою очередь, имя второго внушает нам чувство защищенности, стабильности, основательности поступков и суждений. Интерес вызывает имя Фомка, которым назван птеродактиль. Животное с таким именем не внушает нам страх и ужас, а, наоборот, говорит о добродушии и покладистом нраве существа. Возможно, что автор желал сделать своего рода отсылку к известному филину Фомке, который стал символом популярной на территории бывшего СССР игры «Что? Где? Когда?».

В сборнике повестей и рассказов Кира Булычёва «Великий Гусляр» читатель встречается с героинями, которые носят такие имена как Талия, Кавалия, Леокадия. Данные имена созвучны с некоторыми распространенными несколько десятков лет назад в англоязычных странах именами: Джулия, София, Глория, Амалия, Дарсия, Оливия, Сесилия. В одном из произведений вышеупомянутого сборника имя Кавалия носит певица, без искусства которой не могла жить целая планета. Каждый житель планеты в секторе 5689-бис не мог жить без творчества Кавалии. Из-за чего вся деятельность жителей планеты останавливалась, т.к. все слушали песни Кавалии дни и ночи напролёт. Талия – имя прекрасной девушки, которая очаровала своей красотой главного героя произведения. А имя Леокадия принадлежит дочери главного героя рассказа «Родимые пятна». Можно предположить, что автор произведений из цикла «Великий Гусляр» дал благозвучные не русскоязычные имена представительницам женского пола, которые были способны очаровать и вскружить головы многих. Необычные имена делают образы героинь ещё более запоминающимися и привлекательными для читателя, т.к. они фигурируют в рассказах и повестях Кира Булычёва вместе с такими достаточно распространенными русскими антропонимами как Иванович, Удалов, Вася, Валентин, Гавриловы, Ложкины, Миша, Степан.

На фоне необычных антропонимов выделяется имя одного из героев рассказа «Марсианское зелье» Степана Степаныча Степанова. Жизнь этого персонажа, который являлся пушкиноведом, заключалась в ожидании Пушкинской сенсации. Таким образом, заурядность его жизни передаётся и через фамилию, имя и отчество персонажа.

В рассказе «Нужна свободная планета» генерала с четвёртой планеты Удалов, главный герой цикла произведений о городе Великий Гусляр, условно назвал Артуром. Безусловно, многим известно имя легендарного короля Артура, вождя бриттов, разгромившего завоевателей-саксов. Король Артур является главным героем британского эпоса и многочисленных рыцарских романов. Таким образом, имя для генерала, который не был готов проигрывать в войне или уступать в чём-либо противнику было выбрано не случайно. Военачальник с таким именем не может представляться читателем каким-то немощным или трусливым человеком. Напротив, в представлении читателя возникает образ смелого, целеустремлённого, отважного и мужественного воина, готового отстаивать свои идеи и принципы до конца.

В рассказе «Космический десант» писатель Кир Булычёв юмористически пишет о любви некогда жившего в описываемой местности человека ко всему английскому. Герой произведения Николай Ложкин пригласил своих соседей Удалова и Минца на озеро Копенгаген. Название озера объясняется просто. Когда-то там стояла усадьба помещика Гуля (Гулькина), большого англomана, который полагал, что Копенгаген – английский адмирал. Очевидно, что это указывает на невежественность помещика и на его поверхностные знания. Видимо, он лишь хотел казаться англomаном, но не обладал настоящими и глубокими знаниями. Название прижилось из-за странного для окрестных жителей звучания [2, с. 427]. Известно, что Копенгаген – это название города, столицы Дании. Данное название появилось под влиянием не английской, а немецкой формы названия Copenhagen. Также слово «копенгаген» является шутовым жаргонизмом, который используется в значении «компетентный, разбирающийся в чём-либо человек» [3, с. 237]. Тут имеет место ироническая игра слов «компетентный» и «Копенгаген». Таким образом, использование писателем топонима, который имеет ещё и

шутливый подтекст настраивает читателя на определённый лад, т. к. сам рассказ представляет собой своего рода юмористический скетч о неудавшемся заселении и без того густо населённой Земли инопланетной формой жизни.

Одного из персонажей рассказа «Поступили в продажу золотые рыбки» зовут Эрик. Он бывший пожарный, который стал инвалидом после очередной спасательной операции. Данное имя не является типичным для представителей славянской культуры, поэтому такого рода антропоним сразу хорошо запоминается читателю. Писатель делает своего рода акцент на персонаже, который появляется лишь несколько раз по ходу повествования, но при этом в самом конце произведения он играет решающую и ключевую роль. Имя собственное Эрик не является типично английским, т. к. это имя северогерманское или составное скандинавское. Иногда вариантом данного имени называют Фредерик, которое считается шведским вариантом немецкого имени Фридрих. Пожалуй, Эрик – самое распространённое шведское имя, ведь в народном шведском календаре самым важным днём считается День Святого Эрика.

Итак, изучение цикла произведений Кира Булычёва о Великом Гусляре подтвердило тот факт, что ономастическое пространство произведений детской художественной литературы в большей степени состоит из антропонимов, которые в тексте составляют более половины всех собственных имен [4, с. 40]. Реалистическая картина окружающего мира и культурного фона персонажей в произведениях писателя создается с помощью литературных онимов, которые участвуют в передаче авторской идеи, способствуют формированию структуры произведения, взаимодействуют с другими компонентами литературного текста [5, с. 109]. Основная функция онимов в произведениях Булычёва состоит в том, чтобы читатели смогли «погрузиться» в атмосферу фантастического авторского мира, будь то Земля будущего, планеты в космосе или путешествия во времени. Благодаря авторским номинациям для тех или иных не существующих в реальном мире предметов, явлений и других объектов создается общее впечатление о них, читатели на основе онимов формируют в своем сознании яркие и живописные картины фантастического мира.

При этом автор активно использует объекты, которые существуют в реальности, а также многие его герои носят реальные имена. Это позволяет не просто создать знакомую читателю атмосферу действительности, но и в совокупности с фантастическим антуражем заставить читателей поверить в «реальность» происходящего. Смешивание реального и фантастического играет важную роль в формировании читательского внимания, интереса и оценки произведения и сюжетной линии.

Таким образом можно сделать вывод, что онимы в произведениях фантастической литературы, в частности, в цикле повестей и рассказов про Великого Гусляра, играют важную роль, помогая реализовывать авторский замысел в формировании концепции своего собственного, уникального фантастического пространства, наполняя его псевдореальными объектами и предметами, с которыми активно взаимодействуют герои произведений.

Литература

1. Почанина, Н. М. Функции онимов на примере произведений Кира Булычева / Н. М. Почанина, З. М. Дударева // Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, магистрантов, студентов и школьников, Стерлитамак, 12 марта 2021 г. – Уфа, 2021. – Т. 1., ч. 1. – С. 127–132.
2. Булычев, К. Великий Гусляр : повести, рассказы : для сред. и ст. шк. возраста / К. Булычев. – Минск : Юнацтва, 1995. – 464 с.
3. Карпенко, М. В. Русская антропонимика : конспект лекций спецкурса / М. В. Карпенко. – Одесса : Изд-во Одес. ун-та, 1970. – 42 с.
4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – 269 с.
5. Азнаурова, Э. С. Прагматика художественного слова / Э. С. Азнаурова. – Ташкент : Фан, 1998. – 119 с.

Метафарычнае мадэляванне вобраза чалавека ў беларускіх народных загадках

А.А. СТАНКЕВІЧ

Артыкул прысвечаны апісанню метафарычнага мадэлявання вобраза чалавека ў дыскурсе беларускіх народных загадак. У артыкуле адзначаецца, што асновай структурна-семантычнага мадэлявання загадак пра чалавека з'яўляецца метафарызацыя іх семантыкі, якая ўключае разнастайныя коды – антрапаморфны, зааморфны, арнітаморфны, фітаморфны і рэчыўны, што садзейнічаюць стварэнню маляўнічасці, выяўленчай выразнасці і экспрэсіўнасці выкладу зместу загадкі. Іншасказальныя вобразы, якія выкарыстоўваюцца ў дыскурсе беларускіх народных загадак пра чалавека і з'яўляюцца семантычнымі эквівалентамі, субстытутамі зашыфраванага дэнатата, даволі разнастайныя і ўзяты з паўсядзённага народнага жыцця.

Ключавыя словы: загадка, дэнатат, іншасказальны вобраз, семантычны эквівалент, субстытут, рэпрэзентант, вербалізацыя, метафарычнае мадэляванне, антрапаморфны, зааморфны, арнітаморфны, фітаморфны і рэчыўны коды.

The article is devoted to the description of the metaphorical modeling of the human image in the discourse of Belarusian folk riddles. The article notes that the basis of structural and semantic modeling of riddles about a person is the metaphorization of their semantics, including various codes – anthropomorphic, zoomorphic, ornithomorphic, phytomorphic and reification, which contribute to the creation of picturesqueness, visual expressiveness and expressiveness of the presentation of the content of the riddles. The allegorical images used in the discourse of Belarusian folk riddles about man are semantic equivalents, substitutes for the encrypted denotation, quite diverse and taken from everyday folk life.

Keywords: riddle, denotation, allegorical image, semantic equivalent, substitute, representative, verbalization, metaphorical modeling, anthropomorphic, zoomorphic, ornithomorphic, phytomorphic code and reification.

Народныя загадкі, паводле меркавання фалькларыстаў, адносяцца да аднаго з самых старажытных малых жанраў вуснай народна-паэтычнай творчасці. Як адзначаюць даследчыкі, «загадка <...> пабудавана на іншасказанні, метафары, алегорыі, апісанні прадметаў, з'яў, жывых істот у мудрагелістай пыталнай або сцвярдзальна-канстатуючай форме і патрабуе разгадкі, адказу, расшыфроўкі спецыяльна закадзіраванай інфармацыі» [1, с. 77].

У аснове загадкі, як і любога мастацкага вобраза, ляжыць супастаўленне розных рэалій, прадметаў, з'яў і дзеянняў паводле падобных або блізкіх знешніх ці ўнутраных якасцей і ўласцівасцей. Семантычную структуру народнай загадкі, як лічаць даследчыкі, можна разглядаць з пазіцыі ўзаемасувязі трох яе кампанентаў: загаданага аб'екта, або *дэнатата*; аб'екта, які замяшчае, ці кадзіруе дэнатат – *субстытута*, *замяшчальніка*, *рэпрэзентанта*, і так званага «*вобраза*», апісання, прымяняльнага да абодвух аб'ектаў [2, с. 198].

Тэматычны дыяпазон беларускіх народных загадак даволі шырокі, ён ахоплівае прадметы і з'явы аб'ектыўнай рэчаіснасці, разнастайныя рэаліі жыцця іх стваральнікаў. У цэнтры яго знаходзяцца загадкі пра прыроду, у якіх адлюстраваліся назіранні людзей за станам прыроды і яе зменамі на працягу года. Значная група загадак прысвечана прыладам і прыстасаванням сельскагаспадарчай працы, прадметам паўсядзённага побыту. Вызначаецца таксама тэматычная група загадак пра чалавека.

Аб'ектам аналізу ў дадзеным артыкуле з'яўляюцца беларускія народныя загадкі, змешчаныя ў зборніку «Загадкі» (серыя «Беларуская народная творчасць») [3], мэтай – апісанне тыпаў і спосабаў метафарычнага мадэлявання вобраза чалавека ў беларускіх народных загадках, якія яшчэ не былі прадметам лінгвістычнага аналізу.

Многія даследчыкі фальклору адзначаюць высокае паэтычнае майстэрства стваральнікаў народных загадак. Як заўважае А.І. Гурскі, «загадкі вызначаюцца трапнасцю выразаў, афарыстычнасцю і сцісласцю формы. <...> У іх знайшлі выражэнне творчай фантазія, кемлівасць, дасціпны гумар народа, яго паэтычныя здольнасці» [4, с. 10]; «З усіх

жанраў беларускага фальклору загадкі найлепшым чынам ілюструюць і пацвярджаюць незвычайныя моватворчыя здольнасці народа» [5, с. 210]. Адзначаныя якасці робяць актуальным, на наш погляд, даследаванне лінгвапаэтычных адметнасцей народных загадак.

У сістэме сродкаў выяўленчай выразнасці дыскурсу народных загадак першаступеннае месца, па агульным меркаванні, займае метафара. «Метафара – душа загадкі. Зразумець метафару – значыць зразумець саму загадку, раскрыць яе сутнасць, вызначыць яе жанравыя адметнасці» [6].

Іншасказальныя вобразы народных загадак вельмі разнастайныя і, як правіла, узяты з паўсядзённага народнага жыцця.

Паколькі загадкі маюць завуалёваную форму выкладу інфармацыі, а іх структурна-семантычныя мадэлі заснаваны на супастаўленні загаданага прадмета з яго семантычным эквівалентам на аснове падобных або блізкіх знешніх ці ўнутраных якасцей і ўласцівасцей, стану і дзеянняў, то слоўна-вобразныя сродкі ў іх адыгрываюць, акрамя выяўленча-выразнай, яшчэ і пазнавальную ролю – з'яўляюцца свайго роду падказкамі ў разгадванні, ствараючы своеасаблівы алгарытм разгадкі загаданага прадмета.

Агульнай адметнасцю беларускіх народных загадак пра чалавека з'яўляецца комплекснае, складанае металагічнае апісанне загаданага дэнатата – антрапаморфнага вобраза. У большасці выпадкаў метафарычнае мадэляванне вобраза чалавека ўключае зашыфраваны пералік важнейшых частак цела чалавека, якія ўвасабляюцца ў форме прадметаў, пабудов, прыродных з'яў: «*На хадулях дзве махалкі, над махалкамі зявалка, над зявалкай два калодзезі, над калодзесямі дзве міргалкі, над міргалкамі рошча, за рошчай чыстае поле, за полем лес. Чалавек*» [3, № 831]. У дадзенай загадцы ланцужок метафар увасабляе вобраз чалавека у выглядзе іншасказальна названых частак цела чалавека – тулава: ногі, рукі; галава: рот, нос, вочы, бровы, лоб, валасы. Прычым, семантычныя эквіваленты загаданых дэнататаў матываваны выконваемым імі дзеяннем: *хадулі* – ад хадзіць, *махалкі* – махаць, *міргалкі* – міргаць або асацыяцый (падабенствам) з некаторымі аб'ектамі: *калодзезі* – сімвалізуюць вільготнасць носа, *поле* – гладкі характар ілба, *рошча* і *лес* – густату валасоў.

Блізкай да папярэдняй па структуры з'яўляецца загадка «*Стаяць вілы, на вілах шатун, на шатуне сапун, на сапуне глядун, на глядуне булава, на булавe драмучы лес. Чалавек*» [3, № 833], у якой схема метафарычнага мадэлявання зашыфраванага дэнатата ўключае субстытуты, заснаваныя як на знешнім: *вілы* – ногі, *булава* – лоб, *драмучы лес* – валасы, так і ўнутраным (функцыянальным) падабенстве: *шатун* – шатацца, хістацца, *сапун* – сапець, дыхаць, *глядун* – глядзець.

У некаторых загадках рэпрэзентантамі завуалёванага дэнатата з'яўляюцца назвы пэўных пабудов і іх частак: «*Стаіць стоўб, а на тым стаўбу хата. Чалавек*» [3, № 830]; да якіх могуць дадавацца фітаморфныя і зааморфныя намінацыі: «*Стаіць дуб, на дубу клуб, на клубу лозы, на лозах козы. Чалавек*» [3, № 829].

Працэс нараджэння чалавека і яго росту вобразна паказаны ў загадцы «*Сорак нядзель у турме сядзіць, тры гады вісіць і так на свет выходзіць. Чалавек*» [3, № 825]. Розныя стадыі ў жыцці чадавека – дзіцячы, дарослы і пажылы ўзросцы адлюстроўваюцца ў загадцы «*Хто ходзіць зранку на чатырох, днём – на дзвюх, а вечарам – на трох нагах? Чалавек у розным узросце*» [3, № 820]. Прычым, гэтыя тры асноўныя этапы ў жыцці чадавека метафарычна вербалізуюцца ў паняццях *зранку* – у раннім дзіцячым узросце, *днём* – у дарослым, сталым стане, *вечарам* – у старасці.

Асноўная маса народных загадак пра чалавека вербалізуе ў якасці дэнатата саматычную лексіку – назвы частак цела чалавека. У большасці з іх загаданым аб'ектам з'яўляецца галава, што падкрэслівае важнасць гэтай часткі цела. У асацыятыўна-сэнсавыя блокі пры метафарычным мадэляванні вобраза галавы ў народных загадках уключаюцца назвы канкрэтных прадметаў паўсядзённага народнага побыту: «*У адным клубочку ды сем дырачак. Галава*» [3, № 841]; «*У адну пуньку ды сем варот. Галава*» [3, № 843] «*Гаршчочак вумён, сем дырачак у ём. Галава*» [3, № 839]. У алгарытм разгадкі ўключаецца колькасны паказчык – *сем дырачак, сем варот* і ўласцівасць чалавека – *вумён*.

Некаторыя загадкі пра галаву з'яўляюцца комплекснымі, у іх прысутнічае некалькі дэнататаў і адпаведна столькі ж іншасказальных эквівалентаў: «*А на гары гай, пад гаем маргай, пад маргаем шмаргай, пад шмаргалам хапай*. Галава і валасы, вочы, нос і рот» [3, № 845]; «*Адзін голасна чытае, двое ў кніжку паглядае, двое трэціх слухае, а чацвёрты нюхае*. Рот, вочы, вушы і нос» [3, № 849]. Пры гэтым увага акцэнтуюцца пераважна на дзеянні зашыфраваных прадметаў. У асобных загадках пра галаву спалучаецца характарыстыка загаданых прадметаў з указаннем на іх дзеянне: «*Густы лес, чыста поле, две лятаркі, адзін звон, два шнуркі бялізны*. Воласы, лоб, вочы, нос, зубы» [3, № 850].

Сустрэкаюцца і адмоўныя загадкі пра галаву: «*Стаіць качан – не качан, ельнік – не ельнік, ні з'есць, ні ссеч, ні прайсціся*. Галава» [3, № 848].

У загадках пра валасы акцэнтуюцца квантытатыўная прыкмета дэнатата: «*Жыву, жыву, а ліку іх не знаю. Што гэта такое? Валасы*» [3, № 854], якая можа дапаўняцца лакатыўнай характарыстыкай: «*Сто малайцоў на адным безгалоўі спяць*. Валасы» [3, № 852]; «*Як над намі – дагары нагамі*. Валасы» [3, № 853].

Асаблівай вобразнасцю і выразнасцю вызначаюцца загадкі пра язык. У іх актыўна выкарыстоўваюцца зааморфныя метафары: «*За саначкамі, за белым бярэзнічкам у сваёй бярозе мядзведзь ляжыць*. Язык» [3, № 879]; «*За сцяною касцяною талалай брэша*. Язык» [3, № 859]; «*Паміж белымі бярозамі скакунец скача*. Язык» [3, № 877]; «*За белым бярэзнічкам тарарай жыве*. Язык» [3, № 871]; арнітаморфныя: «*За сцяною касцяною салавейка шчабеча*. Язык» [3, № 856]; «*За сцяною касцяной цецярук балбоха*. Язык» [3, № 858]; метафарычнымі эквівалентамі загаданага прадмета могуць выступаць таксама канкрэтныя прадметы: «*Ляжыць калода пасярод балота: не гніе, не сохне*. Язык» [3, № 880]; «*Пад печку плашка ляжыць*. Язык» [3, № 884]; «*За сцяною касцяною балалайка іграе*. Язык» [3, № 861]. Метафарычнае мадэляванне ў загадках пра язык суправаджаецца арэчаўленнем, апрадмечваннем, якое дадаткова «зашыфроўвае» асяроддзе, у якім знаходзіцца дэнатат: *белыя бярозы, белы бярэзнічак, касцяная сцяна* = зубы; *саначкі* = сківіцы; *бярога, печ, балота* = рот. У некаторых загадках пра язык характарыстыка зашыфраванага прадмета спалучаецца з указаннем на яго дзеянне: «*Маленькі, красненькі, кароценькі, а пусці, то забрэша*. Язык» [3, № 887].

Сустрэкаюцца загадкі пра язык, у якіх прысутнічаюць два дэнататы, вербалізаваныя ў зааморфных вобразах: «*Поўны хлявец белых авец, а пасярэдзіне мархалец*. Язык і зубы» [3, № 893]; «*Поўны хлёў авец і адзін баран бляець*. Язык за зубамі» [3, № 894]; «*Поўны хлявец авец, а пасярэдзіне чырвоны баран*. Зубы і язык» [3, № 897]. Пры гэтым метафарычна адзначаецца лакатыўная прыкмета, месца знаходжання загаданага дэнатата (хлявец) і яго функцыянальная роля (бляець).

Арнітаморфны і зааморфны коды актыўна выкарыстоўваюцца ў асобных загадках пра зубы: «*Повен хлявец белых авец*. Зубы» [3, № 899]; «*Поўны падпечак белых авечак*. Зубы ў роце» [3, № 902]; «*Поўны рот белых галубоў*. Зубы» [3, № 904]; «*Поўна хата вераб'ёў*. Зубы» [3, № 906]; «*З-пад печкі куры белыя глядзяць*. Зубы» [3, № 915]; «*Каля прарубы стаяць белы галубы*. Зубы» [3, № 919]. Ролю лакалізацыі зашыфраванага прадмета тут выконваюць метафарызаваныя намінацыі *хлявец, падпечак, хата, праруба*, якія спрыяюць разгорнутай дэскрыпцыі дэнатата.

Пры метафарычным мадэляванні зместу некаторых загадак пра вочы выкарыстоўваецца антрапаморфны код: «*Цераз дарогу два браты жывуць і адзін аднаго не бачаць*. Вочы» [3, № 932]; «*Цераз мяжу дзве сястры жывуць, а адна к другой у госці не ходзяць*. Вочы» [3, № 940]. Для падкрэслівання істотнай характарыстыкі дэнатата – адасобленасць (не сутыкаюцца) – у гэтых загадках у якасці субстытутаў загаданага аб'екта называюцца блізкароднасныя асобы – *брат, сястра*, якія тым не менш не могуць сустрэцца. У іншых загадках пра вочы апісваецца іх памер, форма і здольнасць успрымаць знешні свет на вялікай адлегласці: «*Маленькае, кругленькае да неба дакінеш (дакіне)*. Вока» [3, № 944]; «*Маленькі, кругленькі, як махне, дык да неба дамахне*. Вока» [3, № 949], адлюстроўваецца структура вока: «*Чорны з чорным стыкаюцца, а голы ў сярэдзіну хаваецца*. Вока» [3, № 955]; паказваецца адна з яго функцый – слёзавыдзяленне: «*Кругла, гарбата, навокал махната, прыйдзе бяда – пацячэ вада*. Вока» [3, № 963].

Арыгінальнай з'яўляецца загадка пра вуха, у якой выкарыстоўваецца метафарычнае апрадмечванне гэтага органа слыху і апісваецца яго знешняя будова: «*Плоскенька дошчачка, на краях абишывачка, ды пасярэдзіне дзірачка. Вуха*» [3, № 966] і загадка пра нос, што даволі вобразна падкрэслівае яго размяшчэнне на твары: «*Між двух свяціл я пасярэдзіне адзін. Нос*» [3, № 967].

Антрапаморфныя метафары і колькасная характарыстыка загаданага прадмета характэрны для загадак пра пальцы на руках і нагах чалавека: «*Дзве маткі маюць пяць сыноў, а кожны з іх аднаго імя. Рукі і пальцы*» [3, № 977]; «*Пяць братоў у адну ноч нарадзіліся, а ростам не роўны. Пальцы*» [3, № 975]. Антрапаморфныя метафары ў загадках пра ногі падкрэсліваюць таксама знешні выгляд і пазіцыю зашыфраванага дэнатата: «*Што за жывіна: ззаду жывот, а спераду спіна. Нага*» [3, № 986]; «*Прышоў госьць ды пад лаву шусь. Ногі*» [3, № 988]. Некалькі нечаканай з'яўляецца плеанастычная асацыяцыя ў загадцы пра рукі: «*У кішэню жывое мяса кладуць. Рука*» [3, № 985].

Падабенства знешняга выгляду, формы і размяшчэнне зашыфраванага дэнатата ўласціва для загадкі пра пуп: «*Сярод балота чарка. Пуп*» [3, № 972].

Асобныя загадкі прысвечаны ўнутраным органам чалавека. У іх таксама выкарыстоўваецца антрапаморфны код: «*Маленькі работнік шмат гадоў працаваў, ніколі не спаў, толькі адзін раз працаваць перастаў – і навек прапаў. Сэрца*» [3, № 968]; каламбурна абыгрываецца мнагазначнасць слова: «*Без агню, а варыць. Страўнік*» [3, № 970].

У прааналізаваных загадках пра чалавека даволі часта ўжываюцца аказіяналізмы, якія надаюць выказванню арыгінальную манеру выражэння думкі, «ажыўляюць» унутраную форму слова, ствараюць разнастайныя асацыяцыі і выконваюць ролю своеасаблівай падказкі для разгадкі.

Аказіяналізмы ў загадках пра чалавека з'яўляюцца субстантыўнымі аддзеяслоўнымі суфіксальнымі дэрыватамі. Яны ствараюць метафарычныя вобразы, якія ўвасабляюць загаданы прадмет паводле выконваемага ім дзеяння: *хадулі* (ногі), *махалкі* (рукі), *зьявалка*, *хапай* (рот), *міргалкі*, *лятаркі*, *глядун*, *маргай* (вочы), *шатун* (галава), *сапун*, *шмаргай* (нос). Асобныя субстантыўныя аказіяналізмы ўтвораны ад гукапераймальных слоў: *талалай*, *тарарай*.

Такім чынам, беларускія загадкі, прысвечаныя вобразу чалавека, займаюць адметнае месца ў агульнай сістэме народных загадак. Яны маюць арыгінальную слоўна-вобразную форму выражэння зместу, вызначаюцца яскравай выяўленчай выразнасцю і экспрэсіўнасцю. Асновай структурна-семантычнага мадэлявання загадак пра чалавека з'яўляецца метафарызацыя іх семантыкі, якая ўключае разнастайныя коды – антрапаморфны, зааморфны, арнітаморфны, фітаморфны і рэчыўны. Іншасказальныя вобразы, якія выкарыстоўваюцца ў дыскурсе беларускіх народных загадак пра чалавека і з'яўляюцца семантычнымі эквівалентамі, субстытутамі зашыфраванага дэнатата, даволі разнастайныя і ўзяты з паўсядзённага народнага жыцця. Слоўна-вобразныя сродкі ў загадках адыгрываюць, акрамя выяўленча-выразнай, пазнавальную ролю – з'яўляюцца свайго роду падказкамі ў разгадванні.

Літаратура

1. Восточнославянский фольклор : Словарь научной и народной терминологии / Редкол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Наука і тэхніка, 1993. – 478 с.
2. Титова, Н. Г. История и изучение народных загадок в отечественном и зарубежном языкознании / Н. Г. Титова // Современная филология : материалы Междунар. науч. конф., Уфа, апрель 2011 г. – Уфа : Лето, 2011. – С. 197–203.
3. Загадкі / А. С. Фядосік (рэд.) ; АН БССР. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Беларус. нар. творчасць. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 448 с.
4. Гурскі, А. І. Беларускія народныя загадкі / А. І. Гурскі // Загадкі / А. С. Фядосік (рэд.). – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – С. 5–20.
5. Беларуская мова : Энцыклапедыя / пад рэд. А. Я. Міхневіча ; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1994. – 657 с.
6. Лазутин, С. Г. Поэтика русского фольклора : учеб. пособ. для филол. фак. ун-тов и пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит-ра» / С. Г. Лазутин – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1989. – 208 с.

Поликодовые газетные заглавия в русскоязычной прессе Китая

А.Л. СТРИЖАК

Статья посвящена исследованию заглавий русскоязычной версии ведущей китайской газеты «Жэньминь жибао» в структурном и прагматическом аспектах. Определён основной принцип организации компонентов поликодового текста – отношения взаимодополнения; выделено пять ведущих функций, которые реализуются визуальными компонентами креолизованных текстов в газете «Жэньминь жибао» (аттрактивная, информативная, экспрессивная, эстетическая, людическая). Установлены основные модели взаимодействия вербального и графического элементов поликодового заголовка: дублирование смыслов, дополнение смысла, столкновение смыслов, отношения неполной денотативной соотнесенности и ассоциативной корреляции.

Ключевые слова: заголовочный комплекс, креолизованный текст, функция, структурно-семантический аспект, прагматический аспект, паралингвистические средства.

The article is devoted to the study of the headlines of the Russian-language version of the leading Chinese newspaper «Zhen'min' zhibao» in the structural and pragmatic aspects. The basic principle of organizing the components of a polycode text is determined – the relationship of complementarity; five leading functions are identified that are implemented by the visual components of creolized texts in the «Zhen'min' zhibao» newspaper (attractive, informative, expressive, aesthetic, ludic). The main models of interaction between verbal and graphic elements of the creolized text are established: duplication of meanings, addition of meaning, clash of meanings, relations of incomplete denotative correlation and associative correlation.

Keywords: headline complex, creolized text, function, structural and semantic aspect, pragmatic aspect, paralinguistic means.

Предметом нашего исследования станут заголовочные комплексы русскоязычной версии центральной китайской газеты «Жэньминь жибао». Газета выходит ежедневным тиражом около 3,2 млн экземпляров и является самым влиятельным изданием в Китае; с 1997 г. имеет онлайн-версию, более 70 корреспондентских пунктов в мире, доступна на языках народов Китая и русском, английском, французском, испанском, японском, арабском и других языках [1]. В 2001 г. газета, представляющая собой важнейший элемент печатно-сетевых СМИ КНР, которые издаются на русском языке и способствуют формированию позитивного медиаобраза Китая среди русскоязычных читателей, начала издаваться в онлайн-формате.

Цель данной работы заключается в выявлении языковых особенностей русскоязычных материалов газеты «Жэньминь жибао», установлении взаимосвязи между структурой заголовочного комплекса и характером представляемой информации, раскрытии роли невербального компонента газетной публикации в реализации коммуникативной установки адресанта.

В настоящее время внимание российских и зарубежных лингвистов всё чаще привлекает проблема визуализации текстовой информации, своего рода «эскалации изображения» в сфере речевой коммуникации: «Иллюстрирование ныне всё шире становится элементом текстообразования. Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и электронных изданий весьма высок» [2, с. 152]. В качестве номинации такого рода гетерогенных образований многими лингвистами используется термин *креолизованные тексты* (КТ) – «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык))» [3, с. 114]. Однако нами в качестве рабочего определения будет использоваться дефиниция А.А. Бернацкой, предлагающей рассматривать понятие «поликодовый текст» как родовое понятие для всех типов паралингвистических текстов. Термин «креолизованный текст», предложенный Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым [3], используется для обозначения степени участия элементов различных знаковых систем в создании единого информационного образования [4, с. 105].

По степени креолизации Е.Е. Анисимова распределяет все поликодовые тексты на три основные группы: тексты с нулевой креолизацией; тексты с частичной креолизацией; тексты с полной креолизацией. Тексты с нулевой креолизацией оформлены исключительно с ис-

пользованием вербальных средств. Для текстов с частичной креолизацией характерны отношения взаимодополнения (автосемантические), предполагающие, что вербальная часть может существовать самостоятельно и быть понятной без невербального компонента. Текстам с полной креолизацией свойственны отношения взаимозависимости (синсемантические) – они устанавливаются, когда текстовая часть не может существовать автономно, отдельно от изображения, так как может быть неясна или неправильно истолкована [5, с. 65].

Анализ собранного материала показал, что все имеющиеся в нашем распоряжении поликодовые тексты организованы по принципу отношений взаимодополнения, однако иллюстрирующая часть газетной публикации, как правило, размещается в тексте не для информирования, а содержит дополнительные коннотативные смыслы. Визуальные компоненты газетных материалов актуализируют читательское внимание, побуждая адресата вступить в невербальный, имплицитный диалог с автором публикации: «Такие элементы, во-первых, позволяют наглядно передать образное авторское восприятие ситуации; во-вторых, дают символически значимое изображение, раскрывающее главную мысль текста; в-третьих, выражают авторскую оценку событий» [6, с. 15].

Рассмотрим несколько фрагментов поликодовых текстов, элементы которых вступают в автосемантические отношения. В следующем газетном материале фотоиллюстрация не соотносится напрямую с информацией, содержащейся в подзаголовке. Напротив, изображение здесь стимулирует построение ассоциативной последовательности: американский солдат в боевой амуниции, берущий воду с торгового лотка в отсутствие продавца, является воплощением действий с позиций силы и символизирует поведение правительства своей страны на международной арене (см. рисунок 1).

Рисунок 1 – Солдат в боевой амуниции

Афганский народ: действия США – «чистый грабёж». На днях в Кабуле несколько афганских неправительственных организаций провели митинг против захвата США национальных активов Афганистана. Протестующие потребовали Соединенные Штаты вернуть их (ЖЖ, апр. 2022).

Фотография, сопровождающая приведённый ниже газетный материал, имеет опосредованную денотативную соотнесенность с текстом, поскольку выражает авторскую оценку описываемой ситуации через комплекс коннотативно отмеченных символов: здание Белого дома, где размещается исполнительная власть США, занимает значительную площадь иллюстрации; Белый дом запечатлён на фоне мрачно-серого неба, вызывающего гнетущие ассоциации; наконец, важнейший невербальный элемент текста – решётка, словно скрывающая, отделяющая здание от остального мира. Названный элемент (решётка) может трактоваться читателем и как символ отсутствия единства власти и народа в США, и как намёк на притеснение населения со стороны собственного правительства (см. рисунок 2).

Рисунок 2 – Белый дом

США должны задуматься о ситуации с правами человека в своей стране. 12 апреля Государственный департамент США опубликовал так называемый «Доклад о правах человека в других странах в 2021 году». Документ полон лжи и предубеждений, США игнорируют реальность ухудшения ситуации с правами человека в своей стране (ЖЖ, апр. 2022).

Функциональная нагрузка визуальных компонентов в поликодовых текстах современных массмедиа очень высока – исследователями выделяются от двух до семи функций изображений. Нам близка классификация Л.А. Нефёдовой, выделяющей четыре функции иллюстраций креолизованного текста: *аттрактивная* функция заключается в привлечении внимания адресата, когда изображение участвует в организации визуального восприятия текста.

Назначение *информативной* функции заключается в том, что изображение визуализирует информацию, содержащуюся в тексте. *Экспрессивная* функция изображения реализуется через выражение коммуникативной позиции автора с помощью различных экспрессивно-оценочных средств, т. е. посредством воздействия на адресата. *Эстетическая* функция изображения состоит в том, чтобы в наглядных, чувственно воспринимаемых образах реализовать художественный замысел, воздействовать на эстетические чувства адресата [7].

Примером реализации *аттрактивной функции* в онлайн-варианте газеты «Жэньминь жибао» может служить следующий заголовочный комплекс, где представлена прямая корреляция между информацией заглавия и ее образным воплощением (см. рисунок 3).

Рисунок 3 – Реклама мобильных игр

Пользователи со всего мира потратили 22 млрд долл. США на мобильные игры в первом квартале этого года. В первом квартале 2022 года пользователи со всего мира потратили на мобильные игры из магазинов приложений Google Play и App Store 22 млрд долл. США, что на 42 проц. больше, чем за аналогичный период 2020 года (ЖЖ, апр. 2022).

Главное отличие между информативной и аттрактивной функциями, на наш взгляд, заключается в характере взаимодействия заголовочного комплекса и невербального компонента газетного материала: если информативная функция предполагает устойчивую денотативную соотносённость (прямую или опосредованную) между всеми компонентами заголовочного комплекса, то аттрактивная функция, напротив, ориентирована на актуализацию читательского внимания через возбуждение его зрительных центров: мышление человека преимущественно образное, поэтому настолько эффективной оказывается аудиовизуальная составляющая современных СМИ, которые, согласно представлениям М. Маклюэна, заменяют субъективные переживания и представления человека искусственными. При этом образная информация воспринимается на бессознательном уровне, комплексно, становясь акциональным побудителем к действию [8].

В газетном фрагменте, представленном ниже, фотоиллюстрация ориентирована на актуализацию образного мышления читателя благодаря использованию метонимического переноса и также реализует аттрактивную функцию (см. рисунок 4).

Рисунок 4 – Инициативы по глобальному развитию

Китай и инициатива по глобальному развитию. 21 сентября 2021 года председатель КНР Си Цзиньпин впервые выдвинул инициативу по глобальному развитию на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, призывая международное сообщество поместить развитие на передовую позицию в рамках глобальной макроэкономической политики (ЖЖ, апр. 2022).

Примером реализации *информативной функции* поликодовых газетных материалов может служить следующий заголовочный комплекс, где происходит непосредственная визуализация объекта, оказавшегося в центре внимания журналиста (см. рисунок 5).

Рисунок 5 – Мост Аньхайвань

Успешно завершено соединение трансморского моста Аньхайвань для высокоскоростного железнодорожного сообщения. 6 апреля было успешно завершено соединение частей пролетного строения моста Аньхайвань на высокоскоростной железной дороге, связывающей города Фучжоу и Сямэнь (ЖЖ, апр. 2022).

Экспрессивно-оценочная функция визуальных компонентов заглавий русскоязычной версии газеты «Жэньминь жибао» наиболее рельефно представлена в материалах, касающихся Соединенных Штатов Америки (см. рисунок 6).

Рисунок 6 – Расовая дискриминация в США

Ситуация с правами человека в США: попустительство в отношении расовой дискриминации усиливает социальную несправедливость. 28 февраля Китай опубликовал «Доклад о нарушениях прав человека в США в 2021 году». В документе отмечается, что глубоко укоренившийся в США расистский «вирус» распространяется вместе с новым типом коронавируса, усилились антиазиатские настроения и дискриминация в отношении мусульман, продолжаются расовые преследования коренных жителей (ЖЖ, апр. 2022).

На лексическом уровне в приведённом материале происходит дальнейшее развитие и закрепление в сознании читателя когнитивного образа, возникшего после «считывания» информации заглавия и невербального компонента: чётко выраженная бинарная оппозиция «позиция Китая – позиция США», построенная по принципу «свой – чужой» формируется посредством тщательного отбора языковых средств выразительности.

Основное назначение *эстетической функции* газетных материалов – ориентация читателя на чувственное восприятие объекта описания (см. рисунок 7).

Рисунок 7 – Паралимпийские игры в Пекине

Си Цзиньпин: яркие зимние Олимпийские и Паралимпийские игры в Пекине получили глобальное признание. Яркие зимние Олимпийские и Паралимпийские игры 2022 года в Пекине получили положительную оценку мирового сообщества за достигнутые на них выдающиеся результаты, отметил председатель КНР Си Цзиньпин (ЖЖ, апр. 2022).

Анализ собранного материала убеждает нас в целесообразности выделения ещё одной функции, реализуемой при участии визуального компонента газетных публикаций, которая регулярно фиксируется в материалах газеты «Жэньминь жибао», – это *людическая (игровая) функция*: «Люди часто играют словами, языком. Такая игра привлекает доступностью, но вместе с тем позволяет выразить определённые эмоции» [9, с. 371] (см. рисунок 8).

Рисунок 8 – Рост пищевой промышленности в КНР

Китайская пищевая промышленность демонстрирует устойчивый рост производства и продаж. В первые два месяца этого года в пищевой промышленности Китая наблюдался стабильный рост производства и продаж, свидетельствуют данные Министерства промышленности и информатизации КНР (ЖЖ, апр. 2022).

Визуальный компонент, сопровождающий настоящий газетный материал, ориентирован на реализацию игровой коммуникативной установки автора, поскольку для установления корреляции между смыслом заглавия и изображения необходимо построение логической цепочки: рассада овощных культур, показанная на фото, символизирует рост, развитие → большое количество рассады пищевых культур – это символ устойчивости, надёжности → символическое воплощение устойчивого роста китайской пищевой промышленности.

Игровая направленность следующего заглавия достигается через соотнесение его содержания с информацией невербального компонента. На иллюстрации показаны пожилые женщины, которые под руководством сотрудницы банка осваивают технологию осуществления онлайн-платежей. Тем самым автор, используя аллюзию на известную поговорку *век живи – век учись*, выражает уверенность в успешности проводимой государственной политики – даже пожилые люди стремятся к приобретению новых знаний в финансовой сфере (см. рисунок 9).

Рисунок 9 – Обучение безналичным платежам

Объём безналичных платежей в Китае превысил 4000 трлн юаней в 2021 году. Объём безналичных платежей, обрабатываемых китайскими банками, продолжал неуклонно расти в 2021 году, а мобильные платежи сохраняли динамику роста (ЖЖ, апр. 2022).

В аспекте смыслового взаимодействия визуального и вербального компонентов поликодового текста лингвистами выделяются следующие разновидности: «дублирование смыслов вербального и визуального элементов; дополнение смысла одного элемента креолизованного текста за счёт другого; неразрывное взаимодействие вербальных и визуальных элементов, когда их нельзя полноценно воспринимать по отдельности; столкновение смыслов вербального и визуального элементов; композиционно-графическое выделение важного фрагмента информации с помощью вербального или визуального элемента» [6, с. 18].

Анализ собранного материала показал, что в русскоязычной онлайн-версии газеты «Жэньминь жибао» взаимодействие лингвистического и графического элементов креолизованного текста реализовано тремя разновидностями, к первой из которых можно отнести *дублирование смыслов вербальной и визуальной составляющей* (см. рисунок 10).

Рисунок 10 – Приземление корабля «Союз МС-19»

Спускаемый аппарат корабля «Союз МС-19» приземлился в Казахстане. Спускаемый аппарат корабля «Союз МС-19» совершил посадку в степи Казахстана, на Землю с Международной космической станции вернулись россияне Антон Шкаплеров и Петр Дубров вместе с американцем Марком Ванде Хаем. Посадка произошла в 147 километрах юго-восточнее города Жезказган в степи Казахстана (ЖЖ, апр. 2022).

Вторая разновидность взаимодействия компонентов поликодового текста – *дополнение смысла одного элемента креолизованного текста за счёт другого* (см. рисунок 11).

Рисунок 11 – Сохранение окружающей среды в КНР

Си Цзиньпин: окружающая среда – это средство существования народа. Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что окружающая среда – это средство существования народа. Со времени проведения 18-го Всекитайского съезда КПК, под руководством ЦК КПК во главе с товарищем Си Цзиньпином Китай с беспрецедентной интенсивностью объявил войну загрязнению воздуха (ЖЖ, апр. 2022).

Газетный материал, посвящённый успешной борьбе с загрязнением воздуха в КНР, дополнен фотоиллюстрацией, где на фоне ясного и чистого неба запечатлён спортивный объект рядом с огромной промышленной градирней. Вероятно, данный кадр, по мысли автора, дол-

жен продемонстрировать гармоничное развитие различных сфер: спортивные объекты могут размещаться рядом с промышленными гигантами, поскольку в Китае охране окружающей среды уделяется первостепенное значение.

Третья разновидность – *столкновение смыслов вербального и визуального элементов поликодового текста* реализуется в следующей газетной статье (см. рисунок 12):

Рисунок 12 – Популярность подержанных электромобилей

Почему повысился спрос на подержанные электромобили? В последнее время появились две проблемы, которые вызывают у людей, готовящихся покупать автомобиль, головную боль: резкий рост цен на нефть и наплыв автомобилей с электрическим приводом (ЖЖ, апр. 2022).

В данной публикации изображение не дает однозначного ответа на поставленный в заглавии вопрос, позволяя лишь предположить, что человек, изучающий информацию о новом автомобиле в салоне, не удовлетворён какими-то характеристиками товара. Иными словами, в статье возникает эффект обманутого ожидания – надежда читателя узнать ответ не оправдывается, что вынуждает его строить собственные предположения.

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволил дополнить рассматриваемую классификацию двумя новыми разновидностями. К первой из них мы относим отношения *неполной денотативной соотнесенности*, когда происходит частичная смысловая корреляция – изображение иллюстрирует заглавие лишь опосредованно либо соотносится с другой частью газетной статьи (см. рисунок 13):

Рисунок 13 – Церемония открытия нового моста

Построенный при поддержке Китая мост открыт в столице Филиппин. Президент Филиппин Родриго Дутерте сегодня провёл церемонию открытия знакового моста, построенного при поддержке Китая, который соединяет два оживленных района Манилы (ЖЖ, апр. 2022).

Вторая выделенная нами разновидность взаимодействия вербального и графического элементов поликодового текста получила название *ассоциативной корреляции* (см. рисунок 14).

Рисунок 14 – Рост инвестиций в КНР

По итогам первого квартала 2022 года в Китае ожидается стабильный рост инвестиций. Несмотря на воздействие эпидемии COVID-19, по итогам первого квартала текущего года в Китае ожидается сохранение стабильного роста инвестиций, заявили в пятницу в Государственном комитете по делам развития и реформ КНР (ЖЖ, апр. 2022).

На фото, сопровождающем данный газетный материал, представлена разветвленная дорожная сеть, причем одна из дорог уходит за горизонт, что может быть истолковано как символ постоянного, непрекращающегося движения, развития.

Таким образом, анализ материалов газеты «Жэньминь жибао» показал, что все имеющиеся в нашем распоряжении поликодовые тексты организованы по принципу отношений взаимодополнения, когда иллюстрирующая часть газетной публикации размещается в тексте

не столько для информирования, сколько для сообщения дополнительных коннотативных смыслов. Наряду с четырьмя основными функциями, которые реализуются визуальным компонентом креолизованного текста газеты «Жэньминь жибао» (аттрактивная, информативная, экспрессивная и эстетическая), нами выделена также людическая (игровая) функция, получившая достаточно широкое распространение в паралингвистически активных текстах данного издания. Установлено, что в контексте взаимодействия вербального и графического элементов креолизованного текста материалы газеты организованы по трём основным моделям – дублирование смыслов вербального и визуального элементов, дополнение смысла, столкновение смыслов; нами были предложены две дополнительные модели – неполной денотативной соотнесенности и ассоциативной корреляции.

Литература

1. Ли, Мэйци Метафорическое моделирование образа Китая в современном политическом дискурсе / Мэйци Ли, О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2 (86). – С. 98–105.
2. Березин, В. М. Массовая коммуникация : сущность, каналы, действия / В. М. Березин. – М. : РИП-холдинг, 2003. – 174 с.
3. Сорокин, Ю. А. Оптимизация речевого воздействия / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М., 1990. – 240 с.
4. Бернацкая, А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение: специализированный вестник. – 2000. – Вып. 3 (11). – С. 104–110.
5. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
6. Корда, О. А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ : структурно-функциональные характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. А. Корда ; Уральский федер. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 20 с.
7. Нефедова, Л. А. Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста / Л. А. Нефедова // Вестник ЮУрГУ. – 2010. – Вып. 10, № 1 (177). – С. 4–10.
8. Маклюэн, М. Понимание медиа : внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. : Кучково поле, 2003. – 464 с.
9. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

Нанкинский университет
информационных наук и технологий,
Институт гуманитарных наук
(г. Нанкин, Китайская Народная Республика)

Поступила в редакцию 15.07.2022

УДК 811.161.3'42'367.622.22:398.91(=[161.3])

Дэмінутывы ў беларускіх народных прыказках і прымаўках

К.Л. ХАЗАНАВА

У артыкуле даследуюцца стылістычныя функцыі дэмінутывных утварэнняў у беларускіх народных прыказках і прымаўках. Паводле граматычнага выражэння сярод дэмінутываў прыказак пераважаюць назоўнікі. Дэмінутывы ў беларускіх парэміях маюць разгалінаваную лексіка-семантычную дыферэнцыяцыю. Самая пашыраная лексіка-семантычная група субстантываў у беларускіх прыказках і прымаўках – гэта назвы прыродных з’яў. У большасці выпадкаў дэмінутывы валодаюць, акрамя дэнататывага, канататывным цяжарам, адлюстроўваюць эмацыянальна-экспрэсіўны бок выказвання. Дэмінутывы спрыяюць эмацыянальнасці і экспрэсіўнасці беларускага правербіяльнага дыскурсу, бо адлюстроўваюць багатую гаму пачуццяў.

Ключавыя словы: фальклор, прыказка, прымаўка, дэмінутыв, назоўнік, афіксацыя, эмацыянальнасць, экспрэсіўнасць.

The article researches the stylistic functions of diminutive forms in Belarusian folk proverbs and sayings. The nouns predominate among the diminutives of proverbs. Diminutives in Belarusian proverbs have a branched lexical-semantic differentiation. The most extensive lexico-semantic group of nouns in Belarusian proverbs and sayings are the names of natural phenomena. In most cases, diminutives have, in addition to denotative, a connotative load, and reflect the emotional and expressive side of the phrase. Diminutives contribute to the emotionality and expressiveness of the Belarusian proverbial discourse, as they reflect a rich range of feelings.

Keywords: folklore, proverb, saying, diminutive, noun, affixation, emotionality, expressiveness.

Беларускі фальклор багаты на жанры, разнастайныя і дыферэнцаваныя па стылявых асаблівасцях і моўных рысах. Каляндарная і сямейная абрадавая творчасць, пазаабрадавыя песні і, безумоўна, малыя фальклорныя жанры маюць яскравыя адметнасці, што вызначаюць кожны жанр асобнай стылявой разнавіднасцю беларускай народна-паэтычнай творчасці.

Прыказкі і прымаўкі з’яўляюцца асаблівым жанрам народнай творчасці. Парэміі адлюстроўваюць шматвяковую народную мудрасць і ўяўляюць сабой моўныя і фальклорныя адзінкі, якія выдзяляюцца сярод іншых частотнасцю ўжывання і актыўнасцю функцыянавання.

Мова беларускіх народных выслоўяў павучальна-дыдактычнага характару, як часта называюць прыказкі і прымаўкі, часта становіцца аб’ектам навуковага даследавання. Пры гэтым лінгвісты і фалькларысты фіксавалі этналінгвістычныя рысы парэмій, выяўленых у беларускай вусна-народнай творчасці [1]–[3], аналізавалі асаблівасці прыказак і прымавак ва ўсходнеславянскім кантэксце [4], [5] і супастаўлялі лексічны кантэнт беларускіх народных парэмій з лексікай устойлівых выслоўяў няроднасных моў [6], [7], а таксама звярталіся да метадычных аспектаў, адзначаючы спосабы выкарыстання фальклорнага тэксту прыказак і прымавак у навучальным працэсе [8]. Адметнай даследчыцкай увагі заслугоўваюць дэмінутывныя формы, якія ў дастатковай колькасці фіксуюцца ў мове беларускіх народных прыказак і прымавак.

Дэмінутывныя, або памяншальныя ці памяншальна-ласкальныя, формы рэпрэзентуюць эматыўны аспект мовы і адлюстроўваюць выпрацаваныя ў моўным асяроддзі эмоцыі і ацэнкі, звязаныя з рэаліяй, абазначанай адпаведным словам. Дэмінутывныя формы адносяцца да моўных асаблівасцей, якія знаходзяць колькаснае адлюстраванне ў творах большасці жанраў беларускага фальклору.

Мэта артыкула – ахарактарызаваць стылістычныя адметнасці функцыянавання дэмінутывных формаў у мове беларускіх народных прыказак і прымавак.

Дэмінутывы ў беларускіх народных парэміях адлюстроўваюць спрадвечныя адносіны людзей да рэалій, што складаюць чалавечае асяроддзе, да разнастайных з’яў і прадметаў. З гэтай прычыны паводле граматычнага выражэння колькасна пераважаюць памяншальна-ласкальныя формы назоўнікаў.

Самай пашыранай групай субстантываў у беларускіх народных прыказках і прымаўках з’яўляюцца намінацыі прыродных з’яў як сведчанне спрадвечных паважлівых адносін чалавека да прыроды. У першую чаргу адзначым выкарыстанне дэмінітыўных назоўнікаў, што адлюстроўваюць павагу да зямлі, што заўсёды насычала людзей, даючы харчаванне: *Зямелька нас корміць, а сама есці просіць* [9, с. 51]. Выразы назіральна паказваюць прычыны павагі да зямлі: *Зямелька – матка наша: і корміць, і поіць, і адзяваець нас* [9, с. 51]; *Бедная зямелька лепей за багатага мужыка: багаты дасць і квоту возьме, а бедная зямелька што ні зародзіць – усё наша: нашы вярхушкі, нашы і камлюшкі* [9, с. 117].

Пашана да названай рэаліі выражаецца ў разнастайнасці выкарыстання ў беларускіх прыказках дэмінітыўных суфіксальных утварэнняў: *Па чорнай зямельцы жыта сеюць, а на белай сабакі бегаюць* [9, с. 115]; *Угноім зямліцу – знімем пшаніцу* [9, с. 121]; *Калі хоч хлеб меці, то трэба зямліцы глядзеці* [9, с. 116]. У выразях дэмінітыўныя найменні зямлі не маюць у сваім семантычным нападзенні семы ‘малы’, дэмінітыўная суфіксацыя мае на мэце перадаць прыязнасць, добразычлівасць. У некаторых выпадках дэмінітыўная суфіксальная сінанімія адлюстроўвае адрозненні ў інтэнсіўнасці становаўчай азначнасці: *Слабая ніўка дасць больш, чым багаты гаспадар* [9, с. 117]; *Хто аддае ніўцы, што яна родзіць, той да суседа за хлебам не ходзіць* [9, с. 122]; *На нівачку гнаёк, а на мяне – лаёк* [9, с. 123]. Пры выкарыстанні дэмінітыўных формаў найменняў зямельных участкаў у беларускіх народных выслоўях у большасці выпадкаў захоўваецца становаўчая канатацыя: *На ранняй ралліцы родзіць жыта ды пшаніца* [9, с. 124]; *Малая пашэнька, ды ўбяры харашэнька* [9, с. 121].

Надзвычайная прыязнасць і замілаванасць старажытных стваральнікаў фальклорных тэкстаў выяўляецца і да іншых прыродных з’яў, што знаходзіць фармальнае выражэнне менавіта ў выкарыстанні дэмінітыўных найменняў: *Зарадзіла мяцеліца, хлеба паловіца* [9, с. 56]; *Марозік крэпне – лёд таўсее* [9, с. 56]; *Лецічка не ўлежна, дак уежна* [9, с. 83]; *Хто халадку шукае, той узімку галадае* [9, с. 83]; *Хто ўлетку цяньку шукае, той узімку галадае* [9, с. 84]; *Усе тучкі сабраліся да аднае кучкі* [9, с. 53]. Пашыранасць выкарыстання дэмінітыўных абазначэнняў прыродных стыхій тлумачыцца адсутнасцю ў старажытнасці дакладных навуковых дадзеных і ведаў пра прычыны і падставы асобных прыродных з’яў, што стала крыніцай спрадвечнага імкнення людзей «задобрыць» прыродныя сілы.

У прыказках выяўляюцца паважлівыя адносіны да сонца: *Дождж намачыў, а сонейка высушыць* [9, с. 55]; *І сонейка ўсіх не сагрэе* [9, с. 428]. Сонца здаўна шанавалася славянамі. Сонца давала цеплыню, а такім чынам – магчымасць росту раслінам і добры ўраджай, што з’яўлялася галоўнай каштоўнасцю землепрацаў: *Узышло сонейка – уставай жнейка* [9, с. 134]; *Як слонка на неба, то мы на ногі* [9, с. 175].

Сонцу славяне прысвячалі старажытныя каляндарныя святы, напрыклад, Масленіцу. У гонар сонца форма традыцыйнай абрадавай стравы славян – круглы блін. Для славянскай моўнай культуры ўласцівыя пяхчотныя звароткі да блізкага чалавека, заснаваныя на вобразна-метафарычным ужыванні наймення: «*Сонейка! Сонца маё!*». Цікава заўважыць, што ў моўна-культурных прэферэнцыях іншых народаў падобнай метафарызацыі не адзначаецца. Так, у раманскіх мовах пяхчоту перадае зваротак «*Неба!*» (напрыклад, іспанскае і італьянскае *Cielo!*, французскае *Ciel!*), а ў цюркскіх мовах – «*Месяц!*» (туркменскае *Aý*). Дэмінітыўныя найменні сонца ў беларускіх прыказках і прымаўках маюць варыянтнае выражэнне праз лексему заходнеславянскага паходжання: *Сонейка гарыць, кроў кіпіць, ды няма чаго варыць* [9, с. 223]; *Як слонка выгрэе, то аж сэрцу мілее* [9, с. 51]; *Усякаму чалавеку адно тое самае слонка свеціць* [9, с. 52]. Лексема *слонка* ўяўляе сабой вытворны дэмінітыў ад польскага *słońce* ‘сонца’, утвораны пры дапамозе агульнаславянскага суфікса -к-.

Выкарыстання ў правербіальным тэксце дэмінітыўныя ўтварэнні асобных найменняў прыродных з’яў часам у сваім канататыўным змесце разам з памяншальнасцю маюць эмацыянальную афарбоўку негатыўнага характару і перадаюць адмоўную азначнасць, грэблівыя адносіны: *Які ні дажджышка, а людзям аддышка* [9, с. 55].

Становаўчая канатацыя характарызуе многія найменні з памяншальна-ласкавымі суфіксамі, якія ў беларускіх народных парэміях адлюстроўваюць адносіны да раслін: *Майская травіца нібы маладая дзявіца* [9, с. 81]; *Па адной травіцы – стог* [9, с. 133]; *Па капельцы – мора, па травіцы – стог* [9, с. 133]. Пры гэтым з дэмінітыўнымі афіксамі часцей ужываюцца

батанічныя назвы рэалій, надзвычай блізкіх народу, з якімі штодзённа сутыкаліся старажытныя стваральнікі фальклору: *Блізкая саломка лети за далёкае сенца* [9, с. 133]; *У добрага гаспадара сенца, бы іскарка* [9, с. 133]. Не забываюцца ў прыказках назвы збожжавых культур: *На белай зямлі сабакі касцяць, на чорнай пшанічку расцяць* [9, с. 52]; *Ранні пар родзіць пшанічку, а позні – мятлічку* [9, с. 124]; *У гліне зярнятка не гіне* [9, с. 123]. Звяртаюцца народныя выразы і да звязаных разам каласоў: *Красна восень снапкамі, а зіма ўмалотам* [9, с. 88]. Сноп у славянскіх традыцыях рэпрэзентуе вегетатыўную сілу травы і сімвалізуе ўрадлівасць і багатую гаспадарку, таму заканамерная разнастайнасць варыянтных дэмінітуўных утварэнняў: *Снапочак к снапочку, дык цялая копка* [9, с. 136].

Шляхам выкарыстання дэмінітуўных афіксаў у беларускіх прыказках і прымаўках павага аддаецца грыбам і ягадам: *Грыбок на бок – баравік едзе* [9, с. 70]; *Ягадка да ягадкі – і поўны збан* [9, с. 71]. Дарэчы тут прыгадаць так званае ціхае паляванне – збіранне ягад і грыбоў – спрадвечна папулярнае ў беларусаў. Фіксуецца дэмінітуўныя найменні садавіны: *Добра яблычка к Існасу* [10, с. 180]. І, канешне, славіцца славянскае дрэва не застаецца па-за ўвагай: *Мокры год будзе, калі вольха раней распусцілася за бярозку* [9, с. 82].

Часта ў беларускай народнай прыказкавай скарбонцы знаходзяцца выразы з дэмінітуўнымі назвамі птушак, жывёл, рыб, насякомых. Як і ў выпадку з раслінамі, праз дэмінітувы народ перадаў пяшчоту і трапяткія адносіны да істот, што заўсёды займалі значнае месца ў гаспадарцы: *Цалаваў каршун курачку да апошняга пёрушка* [9, с. 67]; *Павел у Пятра кароўку ўкраў* [9, с. 104]; *Калі год сухі, купляй пчолку, а калі мокры – кароўку* [9, с. 84]; *Што мне адходзіць: свінку забіў, а кабанчык ходзіць* [9, с. 202]; *Не вінна свінка, да вінна дзірка* [9, с. 203]; *Унадзілася свінка ў ніўку: ці ніўку сажні, ці свінку забі* [9, с. 203]; *Былі б свінні, парасяткі будуць* [9, с. 201]; *Вады не засіліш не паварушыўшыся, рыбікі не зловіш не памачыўшыся* [10, с. 108].

Шляхам узгадвання памяншальна-ласкальных назваў адзначаюцца ў прыказках і традыцыйна не надта прыемныя жывёлы: *І да мышкі сонца загляне* [9, с. 52].

Найменні сельскагаспадарчых прылад і назвы посуду ўжываюцца ў прыказках беларусаў даволі актыўна, бо адпаведныя прадметы ўваходзілі ў побыт і складалі значную частку жыцця людзей. Праз дэмінітувы ў прыказках і прымаўках народ адлюстравваў чулівыя адносіны да штодзённых побытавых памочнікаў: *У сошкі залатыя рожкі* [9, с. 118]; *За сошку трымайся і ліха не лякайся* [9, с. 119]; *Кузьма да Дамян – два ліцвіны, прынеслі гаршочак бацвінні* [9, с. 112].

У дэмінітуўнай форме ў шматлікіх беларускіх прыказках і прымаўках функцыянуе назва надзвычай папулярнай традыцыйнай усходнеславянскай стравы: *Смачная кашка, ды малая чашка* [10, с. 486]; *Маўчы, язычку, кашкі дам* [10, с. 321]; *Без працы з неба кашка не будзе сыпацца* [9, с. 166]; *Смачна кашка, ды рабіць цяжка* [9, с. 225]; *Любая кашка з маслам смашина* [9, с. 225]. Чаканымі неабходна лічыць адзначаныя ў парэміях дэмінітуўныя ўтварэнні найменняў іншых страў і напояў традыцыйнай беларускай кулінарыі: *Калі з баразны ідзе пылок, будзе на патэльні грэцкі блінок* [9, с. 119]; *І кваску не зробіш з пяску* [9, с. 226].

Асобная лексіка-тэматычная група дэмінітуваў у беларускіх народных прыказках і прымаўках – тэмпаральная лексіка. У памяншальна-ласкальнай форме выступаюць у выразах агульныя назвы прамежкаў часу: *Гадзінка на гадзінку не выпадае* [9, с. 90]; *Зімняя ночка – дзеткам сарочка* [9, с. 91]; *Гнаёк ды лубінок – хлеба і на другі гадок* [9, с. 123].

У беларускіх парэміях часта сустракаюцца дэмінітуўныя назвы каляндарна-абрадавых свят: *Калядкі – добрыя святкі: бліны ды аладкі* [9, с. 94]. Прыязнасць да адпаведных з’яў і паняццяў выражаюць дэмінітуўныя ўтварэнні назваў свят абрадавага календара, якія трывала замацаваліся ў народным ўжыванні: *Будзе Масленка, будзе ля пупа красенька* [9, с. 96]; *Масленка, палізуха, працягніся, Масленка, хоць да духа* [9, с. 96]; *Прышоў Пятрок – адарваў лісток* [9, с. 104].

Семантычная дыферэнцыяцыя дэмінітуўных субстантываў, выяўленых у прыказках і прымаўках, дазваляе выдзеліць групу найменняў роднасці і сваяцтва. Звяртаюць на сябе ўвагу назвы, якія перадаюць пяшчоту і ласкавасць да самых блізкіх родзічаў – маці, дзяцей, таты: *Зіма – свякруха, лета – матачка* [9, с. 73]; *На Івана прасіце, дзеткі, у Бога дажджу, а пасля Івана я і адзін упрашу* [9, с. 110]; *Ад крупені дзеці падурнелі, а не стала круп – і сам татка зрабіўся глуп* [9, с. 224]; *Мой татка нікому не вінен: у аднаго пазычыць, другому аддасць* [9, с. 490].

Падобныя дэмінутывы выражаюць толькі станоўчыя эмоцыі і не паказваюць, як і іншыя названыя вышэй, на памяншальнасць. Таксама адбываецца і са стылістычным функцыяналам дэмінутыўных назваў частак і органаў цела: *Што ўлетку ножкай коп, то зімой ручкай хоп* [9, с. 83]; *Пакуль вочкі – дык свет, пакуль ручкі – дык хлеб* [9, с. 168]. Нездарма многія прыказкі маюць варыянты з адпаведнымі недэмінутыўнымі ўтварэннямі ў складзе: *Што ўлетку нагою падкінеш, то зімою рукою падымеш* [9, с. 83]; *Пакуль вочы – патуль свет, пакуль рукі – патуль хлеб* [9, с. 168].

У памяншальна-ласкальнай форме ў беларускіх парэміях адзначаюцца найменні натуральнай уласцівасці чалавека: *Якая пташка, такі і галасок* [9, с. 65]. Чулівыя адносіны народных аўтараў перадаў дэмінутыў наймення папулярнага жанру народнай творчасці: *Нужда скача, нужда пляшыць, нужда песенькі пець* [9, с. 409]. Не абышлося ў народных выразах без узгадвання дэмінутыўнага варыянта абстрактнага назоўніка, што абазначае пашыраны ў фальклору вобраз: *Як прыдзе ліханька, не ўседзіш ціхенька* [9, с. 452].

Прыведзеныя беларускія народныя прыказкі і прымаўкі сведчаць пра частае выкарыстанне ў малых жанрах беларускага фальклору памяншальна-ласкальных формаў назоўнікаў. Дэмінутыўныя субстантывы ў парэміях беларусаў вызначаюцца багаццем і разнастайнасцю словаўтваральных афіксаў, найбольш пашыраныя з якіх суфіксы *-к-* і *-ок-*.

Дэмінутыўныя субстантывы ў парэміях маюць разгалінаваную лексіка-семантычную дыферэнцыяцыю. Самая пашыраная лексіка-семантычная група субстантываў у беларускіх прыказках і прымаўках – гэта назвы прыродных з’яў. Тлумачыцца гэта старажытнай блізкасцю і сувяззю чалавека з прыродным светам, спрадвечнай надзвычайнай залежнасцю чалавека ад сіл прыроды. Даследаваныя формы адрозніваюцца структурнай разнастайнасцю і могуць выступаць у словаўтваральных варыянтах з адрознымі сінанімічнымі суфіксамі (*зямелька – зямліца, травінка – травіца, снапок – снапочак*).

Акрамя дэмінутыўных субстантываў, у даследаваных прыказкавых выразах сустракаюцца памяншальна-ласкальныя ўтварэнні, што паводле граматычнай выражанасці адносяцца да іншых часцін мовы. Відавочна частымі з’яўляюцца прыметнікі: *У тоненькай сарочачцы гуляй, гуляй да й хочацца; у зрэбнай, у прастой гуляй, гуляй, ды пастой* [9, с. 267]; *Грош маленькі, да вялікае дзела робіць* [9, с. 475].

Дэмінутыўныя ад’ектывы ў беларускіх прыказках і прымаўках ужываюцца як у прэпазіцыі, так і ў постпазіцыйным становішча адносна азначаемага слова, выражанага звычайна назоўнікам. Аднак пераважае постпазіцыя дэмінутыва: *Святы Юрай халодненькі, святы Пятрок галодненькі, а святое Ілья хорошае й багатае* [9, с. 99]; *Ешце, дзеткі, крупеня тлусценькая: два яечкі варыліся* [9, с. 223]; *Конік маленькі, але дарогенькі* [9, с. 201].

Сустракаюцца ў прыказкавых тэкстах і кароткія формы дэмінутыўных прыметнікаў, якія з’яўляюцца больш старажытнымі ў параўнанні з поўнымі: *Як зіма марозна, а вясна цяпленька, то й азіміна і ярына хараішэнька* [9, с. 73]. Кароткія ад’ектывы дэмінутывы, як і кароткія недэмінутыўныя прыметнікі, ужываюцца ў постпазіцыі да паяснёнага слова і выконваюць сінтаксічную функцыю выказніка.

Дэмінутыўная форма прыметнікаў стварае надзвычайную эмацыянальнасць мовы прыказак і прымавак. У большасці выпадкаў падобныя ўтварэнні адлюстроўваюць станоўчую ацэначнасць. Экспрэсіўнасць правербіяльнага дыскурсу больш узмацняецца, калі ў тэсце прапануюцца дэмінутыўныя спалучэнні назоўнікаў і прыметнікаў: *Кароўка чорненькая, ды малачко беленькае* [9, с. 198]. Неабходна заўважыць, што ў беларускіх парэміях сустракаюцца словазлучэнні-дапасаванні тыпу *прыметнік + назоўнік* (*Ад поліўкі ножкі тоненькі* [9, с. 256]; *За бальшым барышом не ганісь, і маленькі барышок – кладзі яго ў мяшок* [9, с. 472]), а таксама спалучанае выкарыстанне ў адным тэксце дэмінутыўных формаў прыметніка і назоўніка, што не з’яўляюцца словазлучэннем: *Як гарох сеяны з сявенькі, дык і вырасце маленькі* [9, с. 127].

Мове беларускіх прыказак і прымавак уласцівае ўжыванне дэмінутыўных прыслоўяў: *Прышоў Багач – кідай рагач, бяры сявеньку, сей памаленьку* [9, с. 110]. Прыслоўныя ўтварэнні з дэмінутыўнымі суфіксамі не з’яўляюцца пашыранымі ў літаратурнай мове. Часцей яны ўжываюцца ў штодзённым размоўным маўленні з прагматычнымі мэтамі, прапануючы фармальнае выражэнне эмацыянальна-экспрэсіўнай характарыстыкі гаворачым

прыкметы дзеяння. Падобныя стылістычныя функцыі мае выкарыстанне дэмінітуўных прыслоўяў у беларускіх парэміях: *Будзе масленка, будзе ля пупа красенька* [9, с. 96]; *Ілля блізка: гніся, баба, нізка, уставай раненька, ды жні да пазенька* [9, с. 106]. Як і дэмінітуўныя прыметнікі, дэмінітуўныя прыслоўі ў народных выразях часта ўжываюцца з дэмінітуўнымі назоўнікамі: *Як прыдзе ліханька, не ўседзіш ціхенька* [9, с. 452]; *Малая папшэнька, ды ўбярэ харапшэнька* [9, с. 121].

Прыведзеныя вынікі назіранняў за дэмінітувамі, выяўленымі ў тэкстах беларускіх народных прыказак і прымавак, сведчаць, што формы з памяншальна-ласкавымі афіксамі ў правэрбіяльным дыскурсе пераважна маюць станоўчую ацэначнасць і перадаюць павагу, шанаванне, пяшчоту. Паводле марфалагічнай характарыстыкі сярод дэмінітуваў вызначаюцца назоўнікі, прыметнікі і прыслоўі. У большасці выпадкаў дэмінітувы ў тэкстах беларускіх прыказак і прымавак не маюць семы 'малы', а валодаюць толькі канататыўным цяжарам, адлюстроўваючы эмацыянальна-экспрэсіўны бок выказвання і служачы фармальным выяўленнем адносін гаворачага да названых рэалій. Дэмінітувы спрыяюць эмацыянальнасці і экспрэсіўнасці беларускага правэрбіяльнага дыскурсу, бо адлюстроўваюць багатую гаму пачуццяў.

Літаратура

1. Хазанава, К. Л. Зааморфныя вобразы ў беларускіх прыказках і прымаўках / К. Л. Хазанава // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2019. – Вып. 26. – С. 327–332.
2. Хазанава, К. Л. Граматычныя асаблівасці параўнальных канструкцый у беларускіх прыказках і прымаўках / К. Л. Хазанава // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2020. – № 1 (118). – С. 155–159.
3. Хазанава, К. Л. Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі з нутрыцыялагічнай лексікай / К. Л. Хазанава // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2021. – № 4 (127). – С. 166–170.
4. Хазанава, К. Л. Рефлексы древнего языка восточных славян в белорусских и украинских паремиях / К. Л. Хазанава // Мова і культура (Навуковий журнал). – 2019. – Вип. 22, т. II (197). – С. 238–241.
5. Хазанава, К. Л. Арнітаморфныя вобразы ў беларускіх і ўкраінскіх прыказках і прымаўках / К. Л. Хазанава // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. Пам'яті академіка Леоніда Булаховського : зб. наук. праць. – Київ, 2019. – Вип. 35. – С. 132–139.
6. Хазанава, К. Л. Прыродны свет у беларускіх і кітайскіх парэміях / К. Л. Хазанава // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов : сб. науч. ст. ; редкол.: В. И. Коваль (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – Вып. 2. – С. 225–230.
7. Хазанава, К. Л. Найменні прадуктаў харчавання ў беларускіх і кітайскіх фальклорных выразях / К. Л. Хазанава // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов : сб. науч. ст. ; редкол.: В. И. Коваль (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : БелГУТ, 2021. – Вып. 3. – С. 178–183.
8. Хазанава, К. Л. Да пытання плённага выкарыстання фальклорнага тэксту ў навучальным працэсе / К. Л. Хазанава // Актуальные вопросы научно-методической и учебно-организационной работы : современная система общего среднего и высшего образования как исторический фактор единства и устойчивого развития общества [Электронный ресурс] : сб. матер. Респуб. науч.-метод. конф., Гомель, 16–17 марта 2022 г. ; редкол.: И. В. Семченко (гл. ред.) [и др.]. – Электрон. текст. данные (объем 5,43 МБ). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – Системные требования : IE от 11 версии и выше или любой другой актуальный браузер, скорость доступа от 56 кбит. – Режим доступа : <http://conference.gsu.by>.
9. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / А. С. Фядосік (рэд.). – Мінск, 1976. – Кн. 1. – 560 с.
10. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.

Функцыянаванне паняцця «мастацкі характар» у савецкім і сучасным літаратуразнаўстве

А.М. ЧАРНАВОКАЯ

Разглядаецца праблема суаднесенасці зместу і аб'ёму паняцця «мастацкі характар» у літаратуразнаўстве савецкай эпохі і пачатку XXI ст. Матэрыялам даследавання з'яўляюцца беларускія і расійскія вучэбныя, навуковыя, даведачныя выданні. Аб'ектам даследавання паўстае не толькі норма, але і прафесійны ўзус, азначаны разнастайнасцю падыходаў да вылучэння вобразаў-характараў у канкрэтных творах. Звяртаецца ўвага на карэляцыю паняццяў «мастацкі характар», «тып», «тыповас» ў працах 1960–1980-х гг. Працы беларускіх навукоўцаў В. Каваленкі, Д. Гальмакова, А. Пяткевіча дазваляюць зрабіць выснову, што ў савецкую эпоху аб'ём паняцця «мастацкі характар» быў больш шырокі, чым у сучасным літаратуразнаўстве. Аднак, адназначна, аднясенне некаторых персанажаў да гэтага класа з'яўляецца спрэчным з сённяшняга пункту гледжання.

Ключавыя словы: персанаж, тып, характар літаратурны, савецкае літаратуразнаўства, беларускае літаратуразнаўства, расійскае літаратуразнаўства.

The article deals with the problem of correlation of the content and scope of the concept «literary character» in literary studies of the Soviet epoch and the beginning of the XXI century. Belarusian and Russian educational, scientific, reference editions are analyzed. The object of the study is not only a norm, but also a scientific usage, signified by various approaches to the identification of characters in specific prose works. The correlation of the concepts of «literary character», «type», «typical» in the works of the 1960s–1980s is considered. The works of Belarusian researchers V. Kovalenko, D. Galmakov, A. Petkevich make it possible to conclude, that in the Soviet epoch the scope of the concept «literary character» was broader than in modern literary studies. So, the attribution of some personages to this class is disputable now.

Keywords: personage, type, literary character, Soviet literary criticism, Belarusian literary criticism, Russian literary criticism.

Сучасныя даследчыкі неаднойчы звярталі ўвагу на праблемы ў галіне літаратуразнаўчай тэрміналогіі [1, с. 6], [2, с. 80], [3, с. 8]. Адной з актуальных задач гэтай дысцыпліны з'яўляецца «ўдакладненне і ўпарадкаванне літаратуразнаўчай тэрміналогіі і распрацоўка норм як увядзення новых, так і ўжывання ўсіх існых тэрмінаў» [4, с. 75]. У гэтым артыкуле ўвага будзе прысвечана функцыянаванню паняцця «мастацкі характар» у савецкім і сучасным літаратуразнаўстве.

У навуковых працах можна сустрэць меркаванне, што «катэгорыя “характар” займае ў літаратуразнаўстве асаблівае месца: наколькі часта выкарыстоўваецца дадзены тэрмін, настолькі няпэўным застаецца яго нападзенне» [5, с. 30]. У вялікай ступені гэта тлумачыцца спецыфікай паняцця «мастацкі характар», якое не з'яўлялася ідэнтычным у розныя гістарычныя эпохі. «Мастацкі характар» адносіцца да групы тэрмінаў, якія «абазначаюць паняцці, змест якіх гістарычна змяняўся» [4, с. 77], і ў даведачнай літаратуры яго значэнне часта разглядаецца ў дыяхранічным аспекце. Зыходным пунктам паўстае зварот да «Паэтыкі» Арыстоцеля, дзе слова «характар» ужо выкарыстоўвалася як тэрмін эстэтыкі [6, с. 1165]. Даследчыкі супастаўлялі значэнне паняцця «характар» у працах розных эпох, аднак праблема суадносін яго зместу і аб'ёму ў літаратуразнаўстве другой паловы XX – пачатку XXI ст. рэдка разглядалася паглыблена. Тым часам у савецкім літаратуразнаўстве назіраліся выразныя адрозненні ў асэнсаванні паняцця «мастацкі характар». Найбольш актуальнымі для сучасных навукоўцаў з'яўляюцца працы М. Бахціна і Л. Гінзбург – аднак погляды гэтых аўтарытэтных аўтараў з вядомых прычын не маглі быць адзіным арыенцірам для іх калег, таму не заўсёды стасуюцца з шырокай тагачаснай практыкай, з падыходамі да вылучэння вобразаў-характараў у канкрэтных творах. Актуальнасць тэмы дадзенага даследавання вызначаецца неабходнасцю суаднясення сучасных тэарэтычных падыходаў з поглядамі савецкіх літаратуразнаўцаў пры аналізе персанажаў мастацкай прозы XX ст.

Погляды даследчыкаў на праблему мастацкага характару, спецыфіка функцыянавання гэтага паняцця ў літаратуразнаўстве другой паловы XX – пачатку XXI ст. разглядалася ў працах Л. Чарнец [2], [3], Т. Камароўскай [7], М. Даўгіевай [8]. У публікацыях Л. Чарнец

супастаўляюцца паняцці «вобраз», «характар», «тып», асноўная ўвага прысвечана паняццям «тып» і «тыповы характар», праблеме тыпалогіі літаратурных персанажаў. Т. Камароўская ў манаграфіі, прысвечанай паэтыцы гістарычнага рамана, звярнулася да прац расійскіх даследчыкаў Б. Сучкова, С. Бачарова, Н. Вараб'ёвай, якія распрацоўвалі праблему мастацкага характару, і надавала значную ўвагу спецыфіцы вобраза героя гістарычнага рамана. У артыкуле М. Даўгіевай прыводзяцца погляды сучасных расійскіх і замежных даследчыкаў на праблему канструявання характару, аднак адсутнічае крытычнае супастаўленне іх пазіцый.

Н. Тамарчанка, В. Халізеў, А. Андрэеў, Л. Чарнец разглядалі дынаміку паняцця «мастацкі характар» на старонках вучэбных дапаможнікаў і даведачных выданняў, у якіх выразна выявілася аўтарская пазіцыя, індывідуальны падыход да асэнсавання літаратуразнаўчых праблем. Аднак пытанне суаднесенасці зместу і аб'ёму гэтага паняцця, яго ўжывання ў сучасным і савецкім літаратуразнаўстве закраналася часткова і патрабуе больш грунтоўнага разгляду. Выяўленне праблемных момантаў мае тэарэтыка-практычную значнасць у межах даследавання мастацкай антрапалогіі, можа быць карысным для ўдакладнення паняцця «мастацкі характар» пры падрыхтоўцы даведачных выданняў.

Паводле С. Белакуравай, літаратурны характар – «мастацкі вобраз чалавека, у якім, у адрозненні ад тыпа, пераважаюць індывідуальныя рысы, сацыяльная, побытавая, псіхалагічная абумоўленасць якасцей асобы, якія выяўляюцца ў тых ці іншых абставінах, прычым індывідуальнае можа раскрывацца на фоне тыповага і наадварот» [9, с. 192]. Абавязковыя рысы вобраза-характару – паглыбленая псіхалагічная распрацоўка, дэтэрмінаванасць сацыяльна-гістарычнымі абставінамі канкрэтнай эпохі [9, с. 192], [7, с. 51–52], [10, с. 33], [11, с. 78]. Паводле Н. Тамарчанкі, характарам у літаратуры варта лічыць «асобу, якая вызначаецца, абірае ўласную ролю і ў жыцці, і ў якасці ўдзельніка асобнай падзеі. Такое самавызначэнне, незалежна ад таго, ці ўваходзіць яно ў сюжэт у якасці падзеі або ўключана ў перадагісторыю, заўсёды звязана з сістэмай каштоўнасцей, якую падзяляе персанаж і з гэтай прычыны з'яўляецца не проста стэрэатыпам паводзін, а суаднесенай з ім і ў той ці іншай ступені ўсвядомленай жыццёвай пазіцыяй» [12, с. 253]. Даследчык вылучыў такія абавязковыя ўласцівасці вобраза-характара, як высокая ступень самавызначэння, асэнсаванасць дзеянняў і ўчынкаў, наяўнасць пэўнай жыццёвай пазіцыі.

Аднак не ўсе даследчыкі маюць такія строгія крытэрыі для ідэнтыфікацыі вобразаў-характараў. Так, у артыкуле М. Даўгіевай размяжоўваюцца «простыя» і «складаныя» характары: «просты характар адрозніваецца цэльнасцю, статычнасцю, а таксама надзелены пэўным абмежаваным наборам каштоўнасцей арыенціраў, якія ярка і адназначна дэманструюць, з'яўляецца той ці іншы характар станоўчым або адмоўным. Складаны характар звычайна праяўляецца ў дынаміцы, неадназначнасці, унутранай эвалюцыі. У ім выяўляецца шматграннасць духоўнага жыцця асобы. У складаным характары аўтарам не толькі “закладаюцца” перадумовы для дэградацыі чалавека, але і вызначаюцца патэнцыйныя магчымасці яго будучага ператварэння і ратавання, што з'яўляецца праявай дынамічнага прынцыпу пабудовы характару» [8, с. 253].

Атрымліваецца, што герой, які з пункту гледжання Н. Тамарчанкі не з'яўляецца характарам, можа лічыцца простым характарам паводле М. Даўгіевай. Такім чынам, паняцце «мастацкі характар» адрозніваецца ў сучасных даследчыкаў шырынёй зместу і, адпаведна, сваім аб'ёмам. Вызначэнне, пададзенае С. Белакуравай, можна лічыць «сярэдным арыфметычным» для літаратуразнаўства, тым часам як змест паняцця «мастацкі характар» паводле Н. Тамарчанкі паўстае значна вузейшым, а паводле М. Даўгіевай – найбольш шырокім.

Яшчэ большая розніца выяўляецца пры супастаўленні падыходаў сучасных і савецкіх даследчыкаў, пры разглядзе манаграфій, дзе аналізуюцца канкрэтныя творы. У азначэнні тэрміна «літаратурны характар», прапанаваным В. Цюпой у «Кароткай літаратурнай энцыклапедыі» і прадстаўленым у шэрагу іншых даведачных выданняў, адзначалася, што праз літаратурны характар раскрываецца як «абумоўлены дадзенай грамадска-гістарычнай сітуацыяй тып паводзін (учынкаў, думак, перажыванняў, маўленчай дзейнасці), так і ўласцівая аўтару маральна-эстэтычная канцэпцыя чалавечага існавання» [13, с. 215]. Разам з тым, гэта азначэнне прадугледжвала пэўны суб'ектывізм пры вызначэнні той ступені «паўнаты і індывідуальнай канкрэтыкі» [13, с. 215], якая дазваляе аднесці вобраз да катэгорыі «літаратурны характар».

Ці можна следам за літаратуразнаўцамі савецкай эпохі лічыць характарамі канкрэтных персанажаў? У якасці прыкладу прафесійнага узусу прапануецца разгледзець працы беларускіх літаратуразнаўцаў 1960–1980-х гг. У многіх з іх ужыванне паняцця «літаратурны характар» не выклікае пытанняў з сённяшняга пункту гледжання. Аднак асобныя даследаванні сведчаць пра адрозненні ў разуменні гэтага паняцця ў савецкім і сучасным літаратуразнаўстве.

Так, В. Каваленка лічыў прыкладам «строга рэалістычнага характару» [14, с. 94] гераіню апавядання З. Бядулі «Гора ўдавы Сымоніхі», называў характарамі герояў апавядання З. Бядулі «На балоце» [14, с. 147]. Д. Гальмакоў згадваў сярод характараў коласаўскіх апавяданняў Сцяпана Ляўшуна («Бунт») [15, с. 44], Андрэя Плева і Максіма Зарубу («Малады дубок») [15, с. 48–49], пана Зыгмуса і пані Даміцэлю («Хатка над балотцам») [15, с. 98]. Пералічаныя героі, безумоўна, надзелены яскравымі індывідуальнымі якасцямі. Аднак не кожны герой з адметным характарам распрацаваны ў творы на ўзроўні мастацкага характару.

Можна пагадзіцца, што Андрэй Плев і Максім Заруба з апавядання «Малады дубок» сапраўды з’яўляюцца мастацкімі характарамі, бо надзелены індывідуальнымі рысамі, падзяляюць пэўную сістэму каштоўнасцей, маюць магчымасць патэнцыяльнага развіцця. Гэтыя вобразы суадносяцца з канкрэтнай эпохай – і важна мець на ўвазе, што калі Я. Колас у 1913 г. ствараў вобразы сялян, якія пачынаюць асэнсоўваць сацыяльныя праблемы, то імкнуўся найперш да рэалістычнасці, мастацкай дакладнасці. Письменнік не ставіў мэту даць паглыбленую псіхалагічную распрацоўку персанажаў з тонкай нюансіроўкай пачуццяў, бо рэальныя сяляне ў пераважнай большасці думалі проста і шырока і не былі схільныя да ўскладненага ўспрымання жыцця.

Што тычыцца іншых вышэйзгаданых персанажаў, то іх аднясенне да гэтай катэгорыі выглядае сумніўным.

Вобраз Сымоніхі з апавядання З. Бядулі адметны, каларытны, індывідуалізаваны – але ў творы не выўляецца жыццёвая пазіцыя гераіні, яе каштоўнасць арыенціры. Сымоніха – адзін з жаночых вобразаў, за якімі як бы праглядаецца іншы стан асобы, у дачыненні да якога непісьменная сялянка – прыклад чалавека несфармаванага, не развітага інтэлектуальна, пазбаўленага магчымасці выбару свайго жыццёвага шляху.

Вобраз пані Даміцэлі пададзены Я. Коласам эскізна, у параўнанні з вобразам пана Зыгмуса ён значна менш распрацаваны псіхалагічна. Гераіня падобная да мужа хітрасцю, ліслівасцю, здольнасцю да прыстасаванства, але адзіная запамінальная, адметная яе рыса – гэта любоў да спеваў (як рамансаў, так і каталіцкіх малітв).

А. Пяткевіч у манаграфіі «Сюжэт. Кампазіцыя. Характар» разглядаў у якасці мастацкага характару вобраз Галены з рамана К. Чорнага «Ідзі, ідзі» [16, с. 62]. Гэты персанаж сапраўды індывідуалізаваны, аўтар імкнуўся паказаць адмысловае ўспрыманне жыцця гераіняй новага тыпу – савецкай дзяўчынай-доктарам. Аднак сфера матывацыі гераіні распрацавана недастаткова, ідэалагічная зададзенасць гэтага вобраза – не вельмі пераканаўчага і рэалістычнага – не дазваляе сёння лічыць яго мастацкім характарам. Вобраз Галены і іншых згаданых жаночых персанажаў складана суаднесці з развагамі Л. Гінзбург пра мастацкі характар як «дынамічную, шматмерную сістэму» [17, с. 125], «індывідуальную канфігурацыю якасцей» [17, с. 88], суадносіны паміж якімі з’яўляюцца супярэчлівымі і дынамічнымі [17, с. 71].

У дачыненні да літаратуры другой паловы XX ст. аўтарытэтных чытачы таксама нярэдка мелі розныя меркаванні пра тое, якія вобразы можна лічыць характарамі. Так, паэт П. Панчанка прапаноўваў разглядаць 15 персанажаў з твораў В. Быкава ў якасці «глыбокіх народных характараў» [18, с. 180], а літаратуразнаўца Я. Лецка меркаваў, што «да “Знака Бяды” ў пісьменніка ўвогуле не было яшчэ цэласнага і арганічнага народнага характару» [18, с. 180]. Народны характар можна лічыць асобным паняццем савецкага літаратуразнаўства, аднак прыведзены прыклад з кнігі Д. Бугаёва дэманструе яскравыя адрозненні ў аднясенні персанажаў да таго ці іншага класу.

Пералік прыкладаў можна працягваць, але ўжо прыведзеныя цытаты сведчаць, што аб’ём паняцця «мастацкі характар» у савецкім літаратуразнаўстве быў больш шырокім, чым у пачатку XXI ст. У вялікай ступені гэта тлумачыцца высокай ацэнкай вобразаў-характараў, пра што сведчаць працы айчынных навукоўцаў.

Так, В. Жураўлёў сцвярджаў «карэнную, ключавую функцыю чалавечага характару, ад якога ідуць і да якога сыходзяцца ўсе цэнтрабежныя і цэнтраімклівыя сілы твора» [19, с. 223]. А. Матрунёнак акцэнтаваў важнасць характару як «галоўнай, цэнтральнай праблемы літаратуры» [20, с. 201]. «Ад характару або сістэмы характараў, паказаных у

творы, мы прыходзім да разумення яго ідэйна-тэматычнай асновы, ідэйнай накіраванасці», – адзначаў даследчык [20, с. 202]. Сцвярджаючы, што «мастацкае пазнанне жыцця дасягаецца ў творы перш за ўсё праз паказ чалавека, праз раскрыццё вобразаў-характараў» [16, с. 3], можна лічыць адным з *locus communis* савецкага літаратуразнаўства. Паводле В. Халізева, паняцце характару як сацыяльна-гістарычнай канкрэтыкі чалавечага быцця было адным з апорных для марксісцкага літаратуразнаўства [11, с. 202]. Безумоўна, гэты падыход грунтаваўся на меркаваннях аўтарытэтных аўтараў – напрыклад, М. Горкага, які называў мастацкую літаратуру чалавеказнаўствам, «мастацтвам стварэння характараў» [13, с. 216].

Яшчэ адной ключавой цытатай для савецкага літаратуразнаўства было меркаванне Ф. Энгельса: «На мой погляд, рэалізм прадугледжвае, акрамя праўдзівасці дэталей, праўдзівае ўзнаўленне тыповых характараў у тыповых абставінах» [21, с. 440]. Адпаведна, у «Літаратурным энцыклапедычным слоўніку» адзначалася, што «менавіта ў тыповых характарах, у іх сувязі з абставінамі ўвасабляецца мастацкае спасціжэнне канкрэтных суадносін асобы і грамадства» [21, с. 440]. У савецкі час тыповае пазіцыянавалася як адна з галоўных эстэтычных катэгорый, якая «з’яўляецца ўвасабленнем пазнавальнай прыроды мастацтва і мае першачарговае значэнне для літаратуры» [21, с. 440]. Паняцці «тып», «тыповае», «тыпізацыя» актыўна выкарыстоўваліся даследчыкамі. Спецыфіка іх асэнсавання вынікала з вызначэння прыроды літаратурнай творчасці як адлюстравання жыцця, у межах якога мае месца асваенне, адбор, тыпізацыя характараў, жыццёвых з’яў і падзей [22, с. 66], што бачыцца спрэчным з пазіцыяй сучаснага разумення псіхалогіі творчасці. Яскравым прыкладам з’яўляецца падручнік Я. Азіміцеля «Тэорыя літаратуры» [22], дзе паняцце «тыпізацыя» выкарыстоўваецца надзвычай часта.

Вялікае значэнне, якое надавалася катэгорыі тыповага ў савецкай культуры, не магло не ўплываць на змест і аб’ём іншых паняццяў. Азначэнні тэрміна «мастацкі характар» яскрава дэманструюць, што характар з аднаго боку супрацьпастаўляецца тыпу, з іншага боку можа быць надзелены тыповымі якасцямі. І ў савецкі час ухіл быў зроблены ў бок тыповага. Так, паводле вытлумачэння Г. Паспелава, характар паўстае фактычна тоесным тыпу: «“характар” – гэта навуковы тэрмін, які абазначае не асабовыя ўласцівасці персанажа твора, але праяўленне ў яго асабовых уласцівасцях, ва ўсёй яго індывідуальнасці пэўных грамадска-гістарычных асаблівасцей – сутнасных уласцівасцей жыцця таго ці іншага сацыяльнага асяроддзя, эпохі, нацыянальнасці...» [23, с. 45].

Вызначальнай тэндэнцыяй савецкага літаратуразнаўства было ўвядзенне і шырокае ўжыванне паняцця «тыповы характар», якое патрабуе ўдакладнення на сучасным этапе. Калі лічыць, што мастацкі характар – гэта максімальна індывідуалізаваны персанаж, «ядро чалавечай індывідуальнасці, праяўленае яскрава і буйна» [10, с. 33], то паняцце «тыповы характар» можа падацца аксюмаранам, спалучэннем неспалучальнага. У тым выпадку, калі мастацкі характар – гэта адметны, непаўторны мастацкі вобраз, навіна, «абвясчэнне новай праўды пра чалавека» [10, с. 66], ён не можа быць тыповым для літаратуры, бо ўзнаўленне створанага раней мастацкага характару – гэта ўзнаўленне ўжо вядомага, а значыць распрацоўка літаратурнага тыпу. Магчыма, найлепш прасвятляе гэта пытанне трактоўка У. Фёдарова: тыповы характар – гэта «адлюстраванне ў мастацкай свядомасці рэальнага аб’ектыўнага працэсу фарміравання новага гістарычнага тыпу чалавека» [24, с. 70]. Такім чынам, мастацкі характар ідэнтыфікуецца як тыповы з пункту гледжання не літаратуры, а сацыяльна-гістарычнай сітуацыі, слова «тыповы» выкарыстоўваецца тут у агульнаўжывальным значэнні.

Катэгорыя тыповага, паняцце «тыповы характар» застаюцца запатрабаванымі ў сучасным літаратуразнаўстве і на тэарэтычным узроўні распрацоўваюцца і ўдакладняюцца Л. Чарнец, А. Данілавай, Т. Сярдзюк і інш. Што ж тычыцца літаратуразнаўчай практыкі і прафесійнага ўзусу савецкай эпохі, то своеасаблівае збліжэнне паняццяў «характар», «тып», «тыповае» спрашчала для даследчыкаў пытанне аднясення персанажаў да катэгорыі мастацкіх характараў. Як сведчаць прыведзеныя прыклады з прац В. Каваленкі, Д. Гальмакова і А. Пяткевіча, у якасці літаратурных характараў маглі разглядацца персанажы менш індывідуалізаваныя і псіхалагічна распрацаваныя, чым гэта бачыцца неабходным з сучаснага пункту гледжання, з пазіцыяй Н. Тамарчанкі, В. Халізева і іншых навукоўцаў.

Праведзенае даследаванне дазваляе зрабіць выснову, што асэнсаванне паняцця «мастацкі характар» вызначаецца культурна-гістарычным кантэкстам, знаходзіцца ў складанай суаднесенасці з іншымі паняццямі літаратуразнаўства і эстэтыкі. У савецкім літаратуразнаўстве аб’ём паняцця «мастацкі характар» быў больш шырокім, чым у пачатку ХХІ ст., і гэта ў значнай ступені тлумачыцца пазіцыяваннем тыповага як ключавой катэгорыі савецкай эстэтыкі,

збліжэннем паняццяў «характар», «тып», «тыповае». Адпаведна, вылучэнне асобных персанажаў у якасці мастацкіх характараў у працах 1960–1980-х гг. паўстае палемічным з сучаснага пункту гледжання. Функцыянаванне шэрагу літаратуразнаўчых паняццяў (сярод якіх і «мастацкі характар») у савецкую эпоху мела сваю спецыфіку, што патрабуе далейшага вывучэння і мае быць адлюстравана ў даведачных выданнях.

Літаратура

1. Тamarченко, Н. Д. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / Н. Д. Тamarченко (гл. науч. ред.). – М. : Изд. Кулагиной ; Intrada, 2008. – 358 с.
2. Чернец, Л. В. О типологическом изучении литературных персонажей / Л. В. Чернец // Stephanos. – 2016. – № 1 (15). – С. 80–90.
3. Чернец, Л. В. Тип персонажа и его эволюция / Л. В. Чернец // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2016. – Т. 24, № 4. – С. 8–16.
4. Курилов, В. В. Литературоведческое терминоведение / В. В. Курилов // Stephanos. – 2016. – № 1 (15). – С. 74–79.
5. Белая, А. І. Чалавек у плыні часу : Мастацкая канцэпцыя асобы і тыпалогія характараў у беларускай прозе першай трэці XX стагоддзя / А. І. Белая. – Баранавічы : РВА БарДУ, 2009. – 408 с.
6. Николукин, А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А. Н. Николукин (гл. ред.) [и др.] ; РАН, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М. : Интелвак, 2001. – 1596 с.
7. Комаровская, Т. Е. Проблема поэтики исторического романа США XX века / Т. Е. Комаровская. – Минск : УО «Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка», 2004. – 124 с.
8. Долгиева, М. Б. К вопросу о динамике понятий «характер» и «характеросложение» в отечественном и зарубежном литературоведении / М. Б. Долгиева // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 153–157.
9. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб., 2007. – 314 с.
10. Грехнев, В. А. Словесный образ и литературное произведение / В. А. Грехнев. – Нижний Новгород : Нижегородский гуманитарный центр, 1997. – 200 с.
11. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник для студ. высш. учеб. заведений / В. Е. Хализев. – М. : Изд. центр «Академия», 2009. – 432 с.
12. Тamarченко, Н. Д. Теория литературы: учеб. пособ. : в 2 т. / Н. Д. Тamarченко. – М. : Изд. центр «Академия», 2004. – Т. 1 : Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. – 512 с.
13. Тюпа, В. И. Характер художественный / В. И. Тюпа // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. – М. : Советская Энциклопедия, 1975. – Т. 8 – С. 215–219.
14. Каваленка, В. А. Пошукі і здзяйсненні : творчасць Змітрака Бядулі / В. А. Каваленка. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1963. – 210 с.
15. Гальмакоў, Д. І. Стыль прозы Якуба Коласа / Д. І. Гальмакоў. – Мінск : Выд. БДУ, 1973. – 221 с.
16. Пяткевіч, А. М. Сюжэт. Кампазіцыя. Характар : аб прозе Кузьмы Чорнага / А. М. Пяткевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1981. – 157 с.
17. Гинзбург, Л. Я. О литературном герое / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград : Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1979. – 222 с.
18. Бугаёў, Д. Я. Васіль Быкаў / Д. Я. Бугаёў. – Мінск : Народная асвета, 1987. – 205 с.
19. Жураўлёў, В. П. Сюжэт і рэчаіснасць / В. Жураўлёў // Проблемы современной белорусской прозы / П. К. Дзюбайла, В. П. Жураўлёў, М. П. Луфераў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – С. 183 – 277.
20. Матрунёнак, А. Праблема характару ў літаратуры сацыялістычнага рэалізму / А. П. Матрунёнак // Нараджэнне новага мастацтва / Л. Гаранін, А. Яскевіч, А. Матрунёнак. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 328 с.
21. Кожинов, В. В. Типическое / В. В. Кожинов // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Советская Энциклопедия, 1987. – С. 440.
22. Озимитель, Е. К. Теория литературы : учеб. пособ. / Е. К. Озимитель. – Фрунзе, 1987. – 169 с.
23. Поспелов, Г. Н. Теория литературы : учебник для филол. спец. ун-тов / Г. Н. Поспелов. – М. : Высшая школа, 1978. – 351 с.
24. Федоров, В. В. Поэтический мир / В. В. Федоров // Теория литературы : в 4 т. – М. : ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2005. – Т. 1. – С. 28–96.

Философия

УДК 111.7:13:004

От виртуального эскапизма до цифрового слабоумия: проблемы человека в информационном мире

А.А. ГАБИНСКАЯ

В статье речь идет о негативном влиянии интернет-технологий на ментальные структуры современного социума. В центре рассматривается идея о глубоких изменениях в таких антропологических конструкциях как память, мышление, речь. Обращено внимание на негативные моменты влияния информационных технологий на современного человека, а именно: виртуальный эскапизм, информационная интоксикация, клиповое сознание, сетевая аддикция, «эффект присутствия», цифровое слабоумие и т.д. Делается вывод о том, что в настоящее время необходимо философское осмысление бытия человека в информационном мире.

Ключевые слова: виртуальный эскапизм, информационные технологии, информационная интоксикация, интернет-пространство, сетевая аддикция, клиповое сознание, цифровое слабоумие.

The article refers to the negative impact of the Internet technologies on the mental structures of modern society. The central idea is the deep changes in anthropological constructions such as memory, thinking, speech. The attention is drawn to the negative moments of the influence of information technology on a modern person: virtual escapism, information intoxication, clip consciousness, network addiction, «presence effect», digital dementia, etc. The conclusion is made that the philosophical understanding of a human being in the information world is currently necessary.

Keywords: virtual escapism, information technology, information intoxication, Internet space, network addiction, clip consciousness, digital dementia.

Введение. В течение тысячелетий человечество медленным темпом накапливало объем знаний об окружающем мире. Но сегодня мы живем в эпоху информационного взрыва, когда объем информации удваивается примерно каждые два–три месяца.

Наиболее продуктивным и востребованным источником информации в последние десятилетия является Интернет – своеобразный мотор, способный снабжать «информационной энергией» практически любые сферы жизнедеятельности общества [1]. В настоящее время интернет-пространство интегрирует огромное количество субъектов его пользования в единую сеть. Аналитики говорят о том, что к началу 2023 г. количество пользователей глобальной сети достигнет отметки более 5 миллиардов, несмотря на то, что до сих пор существуют регионы, в которых нет доступа к Интернету.

Проникая во все сферы социума, информационные технологии оказывают значительное воздействие на его существование. Отдельные аспекты интенсификации информационных процессов представлены в работах Л.В. Астаховой [2], А. Белла [3], С.В. Бондаренко [4], М.А. Грекова [5], Э. Ласло [6], М. Кастельса [1], К.К. Колина [7], Г.И. Колесникова [8], Н.В. Кутузовой [9], Л.Н. Рыбакова [10] Э. Тоффлера [11], Э. Фромма [12], в которых, рассматриваются как ряд позитивных моментов внедрения интернет-технологий в общественную жизнь (развитие экономики знаний, создание новых форм и организаций труда, ускорение коммуникаций, онлайн-обучение и т. д.), так и обращается внимание на негативные моменты информатизации общества (цифровой разрыв, массовое потребление мозаичной культуры, широкомасштабное манипулирование общественным сознанием, отрицательное влияние информационно-коммуникативных технологий на психологическое и физическое здоровье человека, утрату контроля над социальными процессами, трансформацию взаимоотношений и т. д.). Последнее актуализирует проблему бытия человека в информационном мире, его реальное положение.

Основная часть. Как ранее уже было отмечено, интернет-технологии не только проникают сферы жизнедеятельности общества, изменяя их формы и содержание, но и создают серьезную угрозу трансформации ментальных структур современного социума. Не беспоч-

венно интернет-пространство все чаще приравнивают к негативному образу «кровожадного паука», пытающегося овладеть человеком. В частности, в социокультурной сфере общества наибольшую опасность представляют угрозы, связанные не только с огромным количеством сцен насилия и жестокости в интернет-пространстве, но и с пропагандой в киберпространстве потребительского образа жизни. Например, Л.Н. Рыбакова замечает, что современное общество представляет собой своеобразную толпу, демонстрирующую личный уровень потребления – машины, одежду, аксессуары, чужие услуги. Создается впечатление, что духовные «скрепы» общества формируются и диктуются гламурным сообществом: заморская вилла, иностранные учебные заведения, заграничный шопинг, песни на чужом языке, голливудские «иконы стиля» и культовые произведения, импортные секс-символы и т. п. [10, с. 234].

Интенсификация интернет-технологий становится катализатором трансформации взаимоотношений человека не только с материальным, но и духовным миром. В настоящее время происходит общее духовно-нравственное, эмоциональное оскудение человека, его «измельчание», выражающееся в утрате ориентиров в духовной сфере и размывании идентичности. Последнее связано с отставанием развития духовности от технологического процесса в обществе потребления.

Ежедневно соприкасаясь с большим потоком информации без особого смысла (развлекательные передачи, ток-шоу, гороскопы, викторины), а также сценами физического и психологического насилия, современный человек культивирует в себе не высшие духовные ценности (гуманность, ответственность, честность, добропорядочность), а негативные чувства и установки (эгоизм, потребительское отношение, безответственность, неосознанные страхи и агрессию). Такая всеядность культурной индустрии впоследствии сказывается на мировоззрении, образе жизни, мотивации поступков современного человека.

Важно и то, что избыток поглощаемой информации приводит к информационной интоксикации – специфическое состояние человека, связанное с перегрузкой его мозга излишком информацией. Симптомами информационной интоксикации являются: головная боль, нарушение сна, снижение памяти и работоспособности. Крайним проявлением информационной интоксикации выступает «синдром информационной усталости» – термин, который ввел немецкий социолог Георг Зиммель более 100 лет назад. Под данным термином автор рассматривал неспособность человека адекватно реагировать на критическую ситуацию, связанную, в первую очередь, с излишком эмоций, которые не соответствовали возможностям и функциям головного мозга их переработать. Нередко такое психологическое состояние приводило к аналитическому коллапсу, ложным умозаключениям, мешающим человеку принять логическое решение в сложных обстоятельствах. Схожее состояние можно наблюдать и при информационной интоксикации, когда ресурсы головного мозга не могут справиться с огромным потоком информации.

Кроме того, посредством чрезмерного количества бесконтрольной информации происходит не только информационная интоксикация, при которой мозг человека отказывается воспринимать и анализировать информацию извне, но и реализуется информационный прессинг (информационное давление на получателя информации), а также осуществляется манипуляция общественным сознанием (навязывание получателю информации, искаженной или недостоверной информации, подмена истинной информации ложными сведениями – «постправда» и т. д.).

Действительность такова, что молодежь, которую все чаще называют «людьми экрана», в настоящее время не может решать сложные жизненные задачи, так как конкретное мышление доминирует над абстрактным. Отсутствие единого контекста в сознании молодежи не позволяет получить целостную картинку. Сознание молодых ориентировано на переработку цифровой информации короткими порциями – «клиповое мышление», отображающее множество свойств и специфики связей объекта, характеризующееся неоднородностью, фрагментарностью информационного потока.

Одним из побочных эффектов «клипового мышления» является снижение способности длительной концентрации на каком-либо объекте. (Модальность восприятия однотипной информации у подрастающего поколения крайне низка, около 15–20 секунд, что, изменяет мнемонические процессы, тормозит развитие аналитических навыков, снижает способность к обучению). Дело в том, что появляющиеся в течение короткого времени мысли и образы либо исчезают, либо заменяются новыми, так называемый «блуждающий разум», выключаящий человека из реальности. И, несмотря на то, что информация поступает короткими новостями, отдельными фрагментами – клипами, она в целом, представляет калейдоскоп чередующейся информации, переварить, систематизировать, а тем более, осознать ее весьма проблематично. По разумению Н.В. Кутузовой, человек с клиповым мышлением не способен выявлять причинно-

следственные связи, его сознание соткано из несвязанных между собой отрывков. Глубокий мыслительный процесс здесь уступает место сменяющимся визуальным раздражителям – процесс, схожий с неоднократным переключением пультом телевизионных каналов [9].

«Клипное мышление» можно определить, как «пассивное», так как у пользователя Интернета вместо глубокого мыслительного процесса вырабатывается навык к быстрому перелистыванию клипов – «серфинг в киберпространстве», цель которого не фильтрация и осмысление информации, а соблюдение определенного шаблона в получении порции новой информации. Таким образом, освоение новой информации в киберпространстве осуществляется не вглубь, а поверхностно, что сказывается на целостности картины мира у субъекта глобальной сети.

Вместе с тем, само киберпространство, раздвигая пространственно-временные характеристики, дает возможность индивиду погрузиться в увлекательный виртуальный мир. При этом существенным источником привлечения внимания сознания человека к индустрии интерактивных развлечений и игровых продуктов является «эффект присутствия». Дело в том, что, погружаясь в сконструированное бытие, человек получает возможность погрузиться в иномирию – виртуальный мир с привлекательными образами и соблазнами. А вот здесь появляется существенная угроза достигнуть «точки невозврата», которая лишит человека возможности вернуться в реальную действительность, так называемый виртуальный эскапизм.

Причиной виртуального эскапизма в массовых масштабах, по мнению М.А. Грекова, является как усиление потребительской составляющей в культуре, так и возникновение медиасреды, комплексно интегрирующей информационные технологии в ткань социокультурного пространства [5, с. 5].

По сути длительное времяпровождения человека в интернет-пространстве приводит к такой достаточно распространенной форме виртуального эскапизма, как развитие сетевой аддикции (тяга индивида к постоянному присутствию в киберпространстве), а также способствует появлению интернет-фобий (иррациональные страхи, не поддающийся полному логическому объяснению и обостряющиеся во время взаимодействия индивида с интернет-пространством).

На сегодняшний день выделяют следующие формы интернет-фобий:

- номофобия (страх лишиться мобильной связи);
- игнорофобия (страх быть игнорированным);
- имоджефобия (страх поставить неправильный смайл);
- пунктофобия (страх получить сообщение с точкой в завершении текста);
- реттерофобия (страх не заметить ошибку или автозамену в словах);
- хронофобия (страх неэффективно проводить время в сети);
- фильтрофобия (страх увязнуть на переходном экране);
- фейкофобия (страх опубликовать информацию из ненадежных источников);
- энэзофобия (страх индивидуальной слежки в социальных сетях);
- троллофобия (страх попасть в статус «тролля»);
- дуолюминафобия (страх ошибиться чатом или оставить ненужное сообщение);
- уэйбэкофобия (страх огласки своего прошлого в сети);
- аглифобия (страх отметки личного фото в ненужном чате);
- экспирафобия (страх неуплаты за свой домен);
- лайкофобия (страх собрать малое количество лайков);
- селфифобия (страх сделать неудачное селфи);
- топицифобия (страх не вписаться в информационный контекст).

Подчеркнем, что все формы виртуального эскапизма детерминируют потребности индивида, а также искажают его мировоззрение и психику. Основой данного механизма, как ранее уже было отмечено, является насыщение мозга чрезмерной информацией, а также бегство, уход от действительности («расколдовывание мира» по Э. Гиденсу). Впоследствии это выражается в подавленном состоянии человеческого мозга, так как он (мозг) находится в режиме частого переключения, при котором задействуются только те его области, которые отвечают за краткосрочную память и принятие быстрых решений. По-другому данный феномен называют «цифровое слабоумие» – нарушение работы функций мозга, процесс, схожий с деменцией головного мозга. С точки зрения Л. Стрельниковой «цифровое слабоумие» – это не игра слов и не фигура речи, а диагноз, означающий нарушение когнитивных функций, собственно даже разрушение мозга, благодаря активному использованию цифровых девайсов, прежде всего, смартфонов [13].

Многие специалисты (С. Гринфилд, М. Мид, Д. Коупленд, М. Спитцер, А. Курпатов, Т. Черниговская) считают, что цифровое слабоумие приводит к атрофии мозга, умственному упадку. Более того, по психологическим и физическим симптомам цифровую деменцию сравнивают с зависимостью, например, с алкоголизмом, симптомами которого являются: снижение эмоциональности; сокращение времени сна; спутанность сознания; снижение концентрации внимания; нарушения памяти и динамики мышления; замкнутость, разбитость; беспричинная агрессия; перепады настроения; снижение физической и умственной активности.

Отсюда не только снижение умственных способностей человека, но обострение таких социальных явлений, как иллюзорность восприятия реального мира; широкое распространение наркотических средств; тяга к физическому и психологическому насилию, извращениям; деградация коммуникативных навыков; развитие созависимых отношений; проявление морально-волевой изнеженности; рост числа самоубийств. Учитывая сказанное, необходимо не только тренировать мозговые функции современного человека для осознанного взаимодействия с онлайн- и офлайн-реальностью, но и формировать информационную культуру, важными составляющими которой являются цифровая гигиена (ответственное, безопасное использование интернет-технологий) и цифровой этикет (правила этичной цифровой коммуникации и поведения в социальных сетях).

Заключение. Скорость нарастания влияния интернет-технологий в последние годы становится нечеловекообразной. В связи с этим, разумное осмысление современной действительности становится все более проблематичным на ментальном уровне. В настоящее время жизненно важна социально-психологическая подготовка человека и общества к взаимодействию с киберпространством. Существенную роль в данном процессе будет играть система образования, так как она дает знания об окружающем мире и напрямую связана с процессами социальной адаптации и интеллектуализации подрастающего поколения. Кроме того, принципиально важное значение будет иметь формирование информационной культуры. Именно от уровня развития информационной культуры в обществе будет зависеть осознание роли и назначения человека в современном информационном мире.

Литература

1. Кастельс, М. Галактика Интернет : размышления об интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс ; пер. с англ. А. Матвеева. – Екатеринбург : «У-Фактория», 2004. – 328 с.
2. Астахова, Л. В. Информационное мировоззрение : понятие и уровни / Л. В. Астахова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 4 (40). – С. 9–16.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 1999. – 773 с.
4. Бондаренко, С. В. Культура мобильных телекоммуникаций / С. В. Бондаренко. – Ростов н/Д., 2007. – 352 с.
5. Греков, М. А. Феномен эскапизма в медианасыщенном обществе : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / М. А. Греков ; Омский гос. пед-ий ун-т. – Омск, 2008. – 18 с.
6. Ласло, Э. Век бифуркации : постижение изменяющегося мира / Э. Ласло // Путь. – 1995. – № 1. – С. 3–129.
7. Колин, К. К. Информационная антропология : поколение Next и угроза психологического расслоения человечества в информационном обществе / К. К. Колин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 4 (28). – С. 32–36.
8. Колесникова, Г. И. Социальный механизм манипуляции сознанием личности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Г. И. Колесникова. – Ростов н/Д., 2010. – 54 с.
9. Кутузова, Н. В. «Клипное мышление» как массовое поверхностное восприятие информации [Электронный ресурс] / Н. В. Кутузова. – Режим доступа : <https://moluch.ru/conf/ped/archive/278/14175>. – Дата доступа : 18.03.2022.
10. Рыбакова, Л. Н. Линия жизни молодого человека : ценностные ориентации и копинг-стратегии / Л. Н. Рыбакова // Личность в современном мире : быть или казаться? : матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Дулатовские чтения», Костанай, 11–12 апреля 2014 г. ; отв. ред. П. Ф. Дик. – Костанай, 2014. – С. 233–238.
11. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002. – 776 с.
12. Фромм, Э. Душа человека. Революция надежды / Э. Фромм ; пер. с англ. В. А. Закса, Т. В. Панфиловой. – М. : АСТ, 2014. – 348 с.
13. Стрельникова, Л. Цифровое слабоумие [Электронный ресурс] / Л. Стрельникова. – Режим доступа : <https://hi-j.ru/read/5210/>. – Дата доступа : 14.08.2022.

Закономерность возникновения философии

В.Н. КАЛМЫКОВ

Становление человека и формирование общества длились многие тысячелетия, а философия зародилась лишь в VII–VI вв. до н. э. в Индии, Китае, Греции и стала формой общественного сознания на последующие столетия. Философия как любовь к мудрости возникла не случайно, а опирается на экономические, социальные, политические и духовные основания. К последним относятся миф, религия, искусство и эмпирические знания. Продemonстрирована противоречивость истоков зарождения философии. **Ключевые слова:** бытие, закономерность, знание, искусство, культура, мировоззрение, миф, наука, практика, религия, сознание, человек.

The formation of man and the formation of society lasted for many millennia, while philosophy appeared only in the 7th–6th centuries BC in India, China, Greece and it became a form of public consciousness for the following centuries. Philosophy as a love for wisdom did not arise by chance, but it is based on economic, social, political and spiritual foundations. The latter includes myth, religion, art and empirical knowledge. The inconsistency of the origins of philosophy is demonstrated.

Keywords: being, pattern, knowledge, art, culture, worldview, myth, science, practice, religion, consciousness, man.

По некоторым историческим свидетельствам термин «философ» впервые употребил греческий мыслитель Пифагор (576–496 до н. э.), который выделил три образа жизни – чувственный, практический и созерцательный. Последний образ жизни свойственен философам. Истолкование слова «философия» связано с именем Платона. Он полагал, что «изумление есть начало философии» [1, с. 243]. Изумление (удивление) означает пробуждение сознания, открытие нового в привычных и общепринятых воззрениях. Первую попытку выделить философию как специфическую область теоретического знания, как учение о первопринципах сущего осуществил еще один представитель классического этапа в развитии античной философии Аристотель. Он отмечал: «...наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо через них и на их основе познается все остальное» [2, с. 68].

Философия буквально означает «любовь к мудрости». Гераклит определил мудрость как мысль, которая правит всем во всем. Появление философии не случайно и опирается на определенные предпосылки. Так как философия есть духовный феномен, то мы начнем анализ причин, закономерности возникновения философии с ее духовных истоков.

Одной из самых ранних форм духовной культуры был миф. В нем различные представления о мире увязывались в художественно-образную картину, в которой сочетались естественное и сверхъестественное, реальность и придуманное, знание и вера. В мифе не проводилось различие между природным и социальным мирами, стихийные природные силы и способности человеческой деятельности персонифицировались (так, в греческой мифологии Зевс был олицетворением грома и молнии, Афина – богиня мудрости, покровительница ремесел, Аполлон – бог света, наук и искусств и т. д.).

Для мифов было характерно представление об умирающем и воскрешающем божестве, что связывалось с суточным движением Солнца и Луны. Переход от света к мраку и обратно изображался как следствие борьбы Бога с неким чудовищем. Будучи результатом коллективной переработки видимостей и кажимостей, миф функционировал как социокультурный феномен. Выделяются темы творения (создание мира сверхъестественным существом, Богом) и развития (становление мира из хаоса, воды, яйца и т. д.).

Мифы, как правило, дуалистичны, они описывали мироздание как единство противоположных явлений и символов: свет и тьма, Солнце и Луна, мужское и женское, космос и хаос и т. п. Хаос в мифологической модели мира представлялся как вселенская пустота или аморфное состояние, предшествовавшее творению космоса. Человек в процессе своего существования сталкивался как с созидательными силами природы (космос), так и разрушительными (хаос) и пытался вписаться в универсум, упорядочить его в том числе через систему устойчивых правил, ритуалов, обрядов, церемоний.

Некоторые представления из мифов переключались в философию и стали предметом ее осмысления. В постановке вопроса о первоначале всего сущего проходила мысль о единстве мира, которое скрыто за чувственно воспринимаемым многообразием явлений. Древнегреческая милетская школа первоначально вещей видела в образе некоего элемента материальной стихии (вода, воздух, огонь и т. д.). Эти начала выступали как своего рода метафоры, имеющие и прямое, и символическое значение. Например, для Фалеса таким первоначалом была вода. А.И. Герцен, интерпретируя позицию этого философа, в «Письмах об изучении природы» подметил, что у Фалеса речь шла, скорее, о воде как принципе, как о чем-то текущем. Бытие Вселенной, по Гераклиту, осуществляется на основе извечных превращений огня. Этот философ положил начало осознанию диалектики как философского метода мышления. В качестве первоосновы всего существующего философы называли не только материальные, но и идеальные начала (представители объективного идеализма).

Значение мифологии и затем последующей философской обработки некоторых ее положений состоит в том, что был начат поиск ответов на вопросы о тайнах рождения и умирания, происхождения мира, человека, культурных навыков, о ценностном отношении к сущему и т. д. Аристотель провозгласил: «Тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ» [2, с. 69]. Из предыдущего анализа следует вывод, что в мифе формировались философские предпосылки динамики всего сущего, единства и борьбы противоположных начал. А.Ф. Лосев, яркий представитель «серебряного века» русской культуры и философии, в работе «Диалектика мифа» отстаивал тезис о близости диалектики и древней мифологии. А ведь в качестве ядра философии в отечественной литературе нередко называют именно диалектику, дополненную и усложненную начиная с последней трети прошлого столетия синергетикой.

Опираясь на принцип антиномичности, можно утверждать, что роль мифологии как духовной предпосылки философии и особенно для последующего развития этой дисциплины не следует преувеличивать. Существуют мифы, удовлетворяющие запросы некомпетентной массы людей, опирающиеся на предрассудки, некритическое, несамостоятельное сознание. Миф сопровождает ход не только древней истории, но и более позднего времени. Лосев полагал, что для мифа характерна абсолютизация одной идеи в ущерб другим. Тогда общество в определенных социальных условиях начинает жить по законам мифотворения, а восприятие реальности искажается. В качестве современного примера социальной иллюзии можно привести либеральную идею о всемогуществе рынка, который якобы способен автоматически настроить экономическую жизнь социума без привлечения стратегического государственного управления.

В сознании первобытного человека переплелись стихийно-материалистические элементы, связанные с материальной практикой, и религиозно-идеалистические, выражавшие огромную зависимость человека от природы и социальных сил. Религия, в связи с этим, выполняет роль иллюзорного, а в некоторых случаях и реального компенсатора слабости человека перед противостоящими внешними силами. Философия, считал К. Маркс, «сначала вырабатывается в пределах религиозной формы сознания» [3, с. 23]. Религия возникла тогда, когда общее понятие отделялось от обозначаемого предмета и превращалось в фетиш. С.Л. Франк и Б. Рассел подметили, что у философии и религии имеется родственное – претензии на выработку системы общих воззрений на мир и место в нем человека. У философии и религии наблюдается единая цель – вывести человека из сферы обыденности, придать жизни смысл, открыть путь к сокровенным ценностям, увлечь идеалами.

Ранним формам религиозного воззрения на мир присуща связь и близость с рассмотренным мифологическим мировосприятием. Для более поздних форм религии характерна опора на определенную рационально-понятийную основу. Религия, как и мифология, толкала к налаживанию межличностных отношений, укреплению коллективных форм освоения природы и самосохранения человечества, формировала у людей некие моральные жизненные принципы и социальные отношения – в целом они выполняли функции социализации и культивации человека. У религии и философии наличествует общая направленность – духовно-нравственная. Религия выступает средством социальной регламентации и регуляции, упорядочивания в сохранении нравов, традиций и обычаев, вносит вклад в решение антропологических и экологических проблем. Религия способствовала развитию письменности, книгопечатания, передает накопленное наследие от поколения к поколению. Однако, выступая

за сохранение традиций, религия становилась орудием консерватизма. Церковь стремилась монополизировать духовную жизнь и порой открыто противостояла философии. Антигуманны костры инквизиции, кровавые походы крестоносцев, религиозные войны.

Религия и философия, имея определенное родство, избрали разные пути раскрытия загадок сущего. Религиозное воззрение на мир опирается на религиозную веру, признание чуда, то есть волюнтаристских проявлений Бога, а философия отразила потребность в понимании мира и человека с позиций светского знания, естественного разума. М. Хайдеггер считал, что «философия есть дело разума» [4, с. 114]. Она вере противопоставила логику, догме – сомнение. В целом религия, широко использующая достижения искусства и нормы морали, в значительной части своего содержания выступает как органическая часть культуры и внесла вклад в появление и развитие философии.

Миф был одним из видов древнего искусства. Искусство способствовало зарождению философии через созерцание как первообщение человека с миром. При этом развивались наблюдение, переживание, воображение, чувство сопричастности к Универсуму, моменты образно-метафорического и символического познания. Первые творцы наскальных изображений видели за условными линиями рисунка реальные сюжеты погони, охоты, сражения и т. д. Рисунки древних людей служили целям общения, передачи мысли и чувства, являлись предвестником письменности, без которой философия невозможна.

Человек, не сумевший найти убедительные объяснения явлениям окружающего мира, обратился к магии, разновидности искусства. Магия представляет собой действия и обряды, совершаемые с целью повлиять сверхъестественным способом на явления природы, предметы, людей, животных, богов, ход событий в нужном для человека направлении. Человек ощущал себя единым с магическим Космосом, наполненным таинственными силами, а окружающие человека вещи, предметы представлялись загадочными. Это вызывало стремление к раскрытию тайн бытия, следовательно, к возникновению зачатков философии.

Через танец, еще один вид искусства, первобытный человек осознал силу ритма. Древние танцы (и современные тоже) бывают индивидуальными и коллективными. Синхронные ритмодвижения создавали особое психическое состояние, развивали индивидуальное самовыражение и вместе с тем душевную близость, чувство коллективного единства. Формы движения человеческого тела, как отмечает И.А. Герасимова, воздействовали на глубинные слои сознания. В результате трансформировалось само мышление, обогащаясь способностью к осознанию движений, особенно если речь вести о чувственном мышлении [5, с. 62–63]. Танец был также имитацией некоторых видов практической деятельности.

Искусство все больше становилось воплощением красоты. Оно, по мнению Ф. Шеллинга, – это высшая ступень развития культуры, изображает подлинную сущность в мгновении становления. В искусстве развиваются человек как субъект и объект культуры, его умения, мастерство, деловитость, эстетическое сознание. В дальнейшем представления о гармонии, движении (ритме), коллективном и индивидуальном, объекте и субъекте стали философскими понятиями.

Хранителями и трансляторами элементарного, во многом наивного знания, основанного на опыте, были древние мудрецы. С прогрессом социума отношение между человеком и миром изменилось. Оно потребовало глубокого понимания мира, а не просто накопления сведений и, соответственно, мыслителей нового типа – философов.

Первоначально было совокупное знание древних, именовавшееся философией. Отражая эту ситуацию, Аристотель философию называл «госпожой наук». Постепенно происходила специализация знаний, формировались конкретные науки, отделяясь от совокупного знания. Параллельно шло и дальнейшее углубление философии. Научная картина мира, особенно начиная с XIX в., строилась совместно науками и философией.

Возникновение и развитие философии детерминировано также экономическими, социальными и политическими факторами.

Древнейшими экономическими занятиями были собирательство и охота. Собирательство сопровождалось переходом людей с оскудевших участков на другие. Охота также требовала перемещений в пространстве. Это приводило к расширению кругозора и любознательности. Созерцательность, о которой рассуждал Пифагор, пожалуй, можно выразить как любопытство. Аристотель считал любопытство одной из человеческих особенностей. Любопытство в современном понимании выливается в познание того, что не имеет прямого утилитарного смысла, практического приложения.

Расширение контактов между людьми в процессе хозяйствования, торговли, открытие и освоение новых территорий, свидетельствовало об ошибочности прежних фантастических представлений, которые заменялись реальными образами. На этой основе зарождались философские проблемы соотношения реального мира и его аналогов в сознании, объективной и субъективной диалектики.

Разрушение общинно-родовых форм связей между людьми, появление социальных общностей требовали от индивида выработки самоопределения: ориентации не только на привычку и традицию, но и на собственный рассудок и разум.

Совершенствование орудий труда, обогащение умений, навыков и знаний человека привели к росту производительности труда, позволившей получать «излишки» материальных благ сверх того минимума, который раньше был необходим для выживания здоровых членов рода, племени. Возникла возможность часть людей освободить от физического труда. Отделение умственного труда от физического создало предпосылки для досуга и умственной работы, что позволило отдельным индивидам заниматься теоретизированием, философствованием. Появление механизмов управления, государственности, особенно древнегреческой демократии, вызвало к жизни искусство убеждения, аргументации. Демократическое устройство греческого полиса способствовало формированию свободного творческого мышления.

Отсутствие благоприятных условий приводило к тому, что мысль останавливалась на стадии префилософии. Так, в древних Египте и Вавилоне этому способствовали обстоятельства: а) древневосточная государственность узурпировала власть над большинством подданных, что привело к консервации общинного уклада и связанных с ним традиционных структур мышления; б) жреческая монополия на знание препятствовала развитию внекультовой мысли, выражением которой могла быть философия.

Связь философии с экономическими и социально-политическими процессами несомненна. Б. Рассел отметил: «Философы являются одновременно и следствиями и причинами – следствиями социальных обстоятельств, политики и институтов того времени, к которому они принадлежат, и причинами... убеждений, определявших политику и институты последующих веков» [6, с. 17].

Действительно, человек восприимчив к импульсам, идущим от мира, общества и в то же время он придает этим сигналам, импульсам свой смысл, философское звучание. Человек – продукт обстоятельств, и вместе с тем их философствующий, оценивающий, в той или иной степени, оппонент.

Помимо рассмотренной ранее созерцательности, обращенности философии на себя (определенная отрешенность философии от мира) утверждается тезис об ориентации философии на практику, на вызовы бытия, что подчеркивали многие философы – Т. Гоббс, К. Маркс, В.С. Соловьев, Э. Гуссерль, Н.А. Бердяев, М. Вебер и др. Так, Вебер полагал, что философия разрабатывает «технику овладения жизнью» – как внешними вещами, так и поступками людей, ее «рабочие инструменты» и вырабатывает навыки обращения с ними» [7, с. 729].

Философия не дает готовые решения, а опосредованно влияет на практику через формирование научного мировоззрения, диалектического стиля мышления, культуру поведения и действий людей, что нередко приводит к новым способам познания и жизнедеятельности [8].

Философия не только подытоживает и систематизирует результаты человеческого опыта, но и выступает как открывательница исторической перспективы, порой опережая практику. Так, Т. Гоббс, Б. Спиноза и П. Гольбах рассуждали об инстинкте самосохранения особи, о стремлении человека к выживанию, то есть философы подошли к формулировке фундаментального закона человеческого существования – закона самосохранения человечества, ныне весьма актуального. Этот закон выражается как на общественном, так и индивидуальном уровнях и выражается через различные параметры [9].

Итак, совокупность экономических, социально-политических и духовных оснований привела, преодолевая препятствия, противоречиво, к закономерному возникновению и дальнейшему развитию философии. В целом философия выполняет функции обобщения, синтеза всевозможных знаний, открывает наиболее общие связи во взаимодействии основных подсистем бытия, осуществляет задачи прогноза, формирует первичные гипотезы о природе конкретных явлений, вырабатывает философские подходы к тем или иным природным и общественным реалиям, подготавливая их последующую конкретно-научную проработку.

Литература

1. Платон. Соч. : в 3 т. / Платон. – М. : Мысль, 1970. – Т. 2. – 611 с.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 62–448.
3. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала») / К. Маркс. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1962. – С. 9–426.
4. Хайдеггер, М. Что это такое философия? / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 113–123.
5. Герасимова, И. А. Философское понимание танца / И. А. Герасимова // Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 50–63.
6. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел // Подготовка текста В. В. Целищева. – Новосибирск : Изд. Новосиб. ун-та, 2007. – 992 с.
7. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
8. Калмыков, В. Навстречу жизни. Способна ли философия влиять на практику? / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2008. – № 3. – С. 54–61.
9. Калмыков, В. Закон сохранения человечества / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2010. – № 8. – С. 94–99.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 21.10.2022

Трактовка гуманизма в современной католической церкви: проблема понимания

В.А. ОДИНОЧЕНКО

Актуальность рассмотрения трактовки гуманизма в современной католической церкви обусловлено процессами трансформации, которые происходят в Беларуси. Католичество является второй по числу приверженцев конфессией в нашей стране. Его история неразрывно связана с историей понимания человека в европейской мысли. Необходимо учитывать онтологический аспект трактовки гуманизма в христианстве. Основным в нем является вертикальное измерение, обусловленное трансцендентным характером Откровения.

Ключевые слова: католичество, религия, гуманизм, герменевтика, достоинство, трансформация, человек.

The relevance of considering the interpretation of humanism in the modern Catholic Church is due to the transformation processes that are taking place in Belarus. Catholicism is the second largest denomination in our country. Its history is inextricably linked with the history of human understanding in European thought. It is necessary to take into account the ontological aspect of the interpretation of humanism in Christianity. The main one in it is the vertical dimension, due to the transcendental nature of Revelation.

Keywords: Catholicism, religion, humanism, hermeneutics, dignity, transformation, human being.

Сделаем несколько предварительных замечаний, цель которых – обозначить направленность наших рассуждений. Во-первых, тема гуманизма, даже если брать только европейскую культуру, очень обширна, и имеется богатая и сложная традиция ее изложения. Как правило, его начинают с Возрождения и связывают с переходом от теоцентризма к антропоцентризму и, таким образом, с отходом от исключительно религиозного взгляда на мир, присущего католической церкви, поскольку именно она формировала основы мировоззрения европейцев в это время. Тем не менее, признается, что гуманизм Возрождения основан на проповедуемой католической церковью библейской трактовке человека как созданного по образу и подобию Бога.

С позиций сегодняшнего дня мы можем уверенно говорить о существовании множества видов гуманизма в европейской культуре: возрожденческом, просветительском, кантовском, экзистенциалистском, социалистическом и т. д. Актуальность проблемы гуманизма в XX в. обусловлена социальными процессами. Прежде всего, это возникновение и крах тоталитарных режимов, которые имели открыто античеловеческий характер. В Преамбуле Всеобщей декларации прав человека сказано, что «пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества» [1, с. 5–6]. Подчеркнем, что под «варварскими актами», о которых говорится в Декларации, имеются в виду преступления фашизма. Беларусь относится к числу тех стран, на территории которых эти преступления имели ужасающий характер.

В ситуации постсоветской Беларуси необходимость обсуждения различных трактовок гуманизма вызвана внутренними и внешними причинами. К числу первых относится крах официальной советской идеологии, предлагающей свою трактовку человека. Поэтому понимание природы последнего должно быть построено на иной основе. К числу вторых относится, прежде всего, распространение массовой культуры, приводящей к унификации людей и консьюмеризму. Посредством рекламы происходит формирование человека-потребителя. В этой связи актуальной для нас становится проблема иерархии ценностей, которые могут служить ориентирами для поведения в современном обществе и связанная с ней более общая проблема достоинства человека.

Во-вторых, говоря о трактовке гуманизма в современной католической церкви, следует учитывать, что для Беларуси актуальным является понимание того, что такое современность. В настоящее время в нашем обществе происходит трансформация, частью которой является смена проектов современности. Ранее он связывался с построением коммунизма, сейчас – независимого белорусского государства. Соответственно меняется и понимание гуманизма. В советском обществе его утверждение рассматривалось как результат социальных преобразований, в ходе которых ликвидируется эксплуатация и осуществляется всестороннее развитие человека. Религия же считалась препятствием в этом процессе, поскольку переносила осуществление надежд людей в потусторонний мир и тем самым отвлекала их от борьбы за улуч-

шение реальный условий своей жизни. Она трактовалась как антигуманное явление. Сейчас же религия провозглашается хранительницей традиционных моральных ценностей и, таким образом, одним из факторов формирования духовности.

Ставя проблему понимания, мы вступаем в область современной герменевтики. Она разрабатывалась такими мыслителями, как В. Дильтей, М. Хайдеггер, Х.Г. Гадамер, П. Рикёр и другими. Нам следует учитывать, что в Европе именно они во многом определили проблематику не только современной философии, но и мировосприятия в целом. Как известно, герменевтика прошла путь от методики интерпретации текстов к исследованию проблемы понимания как такового. Данная проблематика, несмотря на свою сложность, имеет не только академический характер. В силу того, что признается разнообразие мира как с точки зрения его истории, так и современного состояния, необходимы усилия для понимания прошлого, иных культур и мировоззрений.

Говоря о современности, следует учитывать, что ее трактовка через указание на разрыв с традицией, является устаревшей. Понятие *современность* в этом случае «обозначает проблемную ситуацию, в которой оказываются общества вследствие подрыва и распада того строя высших ценностей, которые ранее легитимировали их порядки, обеспечивали осмысленность общей «картины мира» у членов этих обществ и воспринимались ими в качестве высшей и объективной «онтологической» реальности (представляемой мифологически, религиозно, в виде универсальных моральных «законов природы» или иначе)» [2, с. 587]. Та современность, в которую входим мы, предполагает актуализацию традиции. В настоящее время в Беларуси растет интерес к истории национального искусства, государственности, религии и т. д. Современность рассматривается как этап в развитии традиции.

Также в современном мире усиливается разнообразие на различных уровнях общественной жизни. В данном процессе можно выделить две взаимосвязанные тенденции. В результате глобализации формируется единый мир, объединяющий представителей различных культур. Возникла проблема понимания между ними и выработки общих схем мировосприятия и поведения. Одним из следствий глобализации является культурная унификация. Но как реакция на нее в ряде стран, в том числе принадлежащих к мировым лидерам, усилилось внимание к особенностям национальной культуры и стремление сохранить ее специфику.

Как правило при этом происходит апелляция к религии как мировоззренческой основе. Растет количество работ, показывающих роль религии в культуре. Импульсом послужила знаменитая «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) М. Вебера. В настоящее время резко возрос интерес исследователей к трактовкам человека в различных религиях.

Следует учитывать, что наиболее показательные изменения в современной Беларуси относятся к религиозной сфере. На государственном уровне официально атеизм сменился доброжелательным отношением к верующим. На этой основе сформировались разнообразные позиции. Между сознательным атеизмом и верой расположились религиозный скептицизм, агностицизм, индифферентность, декларативная религиозность и т. д. Все они предлагают свое понимание гуманизма.

В этой связи встают проблемы осмысления концепций человека в религии. При этом необходимо учитывать два аспекта: мировоззренческие установки, с позиций которых анализируются эти концепции, а также ту религиозную ситуацию, которая является предметом осмысления.

Условно выделим пространственный и временной аспект проблемы понимания гуманизма в современной католической церкви. На территории современной Беларуси в качестве образца религии воспринимается православие. Католичество и протестантство от этого образца отличаются. Но именно они оказали влияние на понимание гуманизма в европейской культуре. Также распространен образ религии как хранительницы традиционных ценностей, считается, что она обеспечивает стабильность и преемственность в развитии общества. Однако, если мы рассматриваем христианство, то само его возникновение знаменовало революционный перелом в культуре. И в настоящее время оно сохранило свой преобразовательный потенциал.

Прежде всего подчеркнем, что для понимания требуются усилия. Сама его проблема возникает тогда, когда мы сталкиваемся с непривычным. Христианство является религией откровения, и многие его положения с точки зрения обыденного сознания имеют парадоксальный характер. Так, например, в Нагорной проповеди, на положениях которой базируется христианская мораль, утверждается: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5, 38–39). Очевидно, что для людей неверующих данное требование непонятно и лишено какого-либо жизненного смысла.

Говоря о проблеме понимания трактовки гуманизма в современной католической церкви, мы считаем необходимым подчеркнуть, что она не может быть проинтерпретирована в понятиях нерелигиозного сознания. Более того продуктивным является указание на отличия. В этой связи приведем замечание одного из признанных классиков современной герменевтики Х.Г. Гадамера, имеющее методологический характер: «В мнимой наивности нашего понимания, с которой мы следуем масштабу понятности, «другое» до такой степени предстает перед нами с точки зрения «своего», что ни «свое», ни «другое» вообще уже не обретает голоса» [3, с. 356].

При рассмотрении трактовки гуманизма в современной католической церкви, следует учитывать, что она исходит из реальности, отличной от повседневной в пространственном и временном плане. Во-первых, признается существование наряду с «этим» миром «иного», имеющего трансцендентный характер. Таким образом, добавляется вертикальное измерение. Во-вторых, жизнь человека не оканчивается с его смертью, но продолжается в вечности. Таким образом, верующий находится в иной реальности, отличной от реальности неверующего. Говоря философским языком, они исходят из различной онтологии, что определяет различия в гносеологии, антропологии, аксиологии, социальных воззрениях и т. д.

Христианское мировоззрение опирается на веру, которую следует рассматривать не как способ познания, но как экзистенциальный феномен. Верующий не просто убежден, что есть сверхъестественное, но воспринимает свою жизнь через его присутствие. Кроме того, «вера предполагает невозможность опираться на что-то внешнее по отношению к ней» [4, с. 48]. Поэтому верующий человек воспринимает себя через свое отношение с тем, что выходит за рамки этого мира.

Гуманизм в современном католичестве рассматривается как «мировоззренческая позиция, утверждающая достоинство человеческой личности» [5, с. 1502]. Специфика заключается в том, как трактуется основание этого достоинства. Говоря упрощенно, оно видится, во-первых, в том, что человек сотворен по образу и подобию Бога, и во-вторых, что ради него Иисус Христос принял смерть на кресте. Причем предполагается, что каждый человек должен ощутить смысл этой искупительной жертвы. Утверждается, что «принимая всерьез человека, ради спасения которого Слово стало плотью (ср. Ин 1, 14), мы не должны, кроме того, отделять откровение и истину от человеческой жизни» [6, с. 17].

Облик современного католичества определяют решения Второго Ватиканского собора (1962–1965 гг.), положившие начало новому этапу в истории католической церкви. Собором был инициирован процесс *адгорнаменто* (итал. *aggiornamento* – *соответствие современности*), суть которого заключалась в установлении диалога с миром и включении в процесс решения его проблем.

Специфика Второго Ватиканского собора заключается в том, что на нем католическая церковь стремилась не возвестить окончательные истины догматического характера, но, скорее, указать на христианские основания для таких истин, дабы задать важные импульсы для будущего развития. Именно в силу этого принятые на нем положения дали возможность развивать богословие в различных направлениях, но при этом сохраняя опору на библейские истины.

Симптоматично то, что в центре решений Собора находится проблема человека: «средоточием всего нашего изложения будет человек в его единстве и полноте, с телом и душой, с сердцем и совестью, с разумом и волей» [7, с. 448]. Это обусловило антропологический поворот в католическом богословии. Человек в современном обществе приобретает особую значимость. С одной стороны, он подвергается многочисленным опасностям, которые несет в себе распространение антигуманных идеологий, а также массовой культуры. Но с другой, именно формирование человека как личности становится одним из необходимых условий развития современного общества.

Новым было и то, что Второй Ватиканский собор подчеркнул ответственность католической церкви за решение проблем гуманистического характера: «Люди ожидают от различных религий ответа на сокровенные загадки человеческого бытия, которые ныне, как и встарь, глубоко тревожат сердца людей: что такое человек, каковы смысл и цель нашей жизни, что добро и что грех, откуда возникает страдание и зачем оно, где путь к обретению истинного счастья» [7, с. 277–278]. Речь идет о проблеме смысла человеческой жизни. Ее характер в XX в. обусловлен в том числе и тем, что у значительной части населения планеты резко повысился уровень благосостояния. Проблема удовлетворения потребностей материального характера утратила свою остроту, и на первый план вышли духовные потребности, а также понимание иерархии потребностей.

В современном обществе резко возросла значимость достоинства человека, поскольку предполагается, что именно он обладает наивысшей ценностью. В решениях собора достоинство челове-

ка непосредственно связывается с распространением свободы: «Растёт число тех, кто требует, чтобы в своей деятельности люди обладали и пользовались собственным разумением и ответственной свободой – не по принуждению, но руководствуясь сознанием собственного долга» [7, с. 336].

В современном обществе актуальной является проблема обеспечения силами государства условий для формирования и развития человеческой личности. Католическая церковь признает, что существуют гуманные и негуманные политические режимы. Безусловно, что последние подлежат осуждению. Однако, согласно христианству, человек имеет трансцендентное измерение, только он сотворен по образу и подобию Бога, поэтому любые надындивидуальные структуры имеют служебный характер и должны быть подчинены интересам человека: «Человеческие же учреждения – как частные, так и общественные – должны стремиться к тому, чтобы служить достоинству и цели человека, деятельно борясь против социального и политического порабощения, охраняя основные права человека при любом политическом строе» [7, с. 475].

Именно отсюда проистекает понимание человеческого достоинства в современной католической церкви. Исходят из того, что оно в равной степени присуще всем людям, осуждаются любые виды дискриминации: в зависимости от национальности, половой принадлежности, социального положения, вероисповедания и т. д. Церковь исходит из того, что они противоречат духу христианства.

Мы привели положения Второго Ватиканского собора, чтобы обозначить, с чем имеем дело, когда говорим о трактовке человека в современной католической церкви. Необходимо подчеркнуть, что эти положения имеют практический характер. Католическая церковь опирается на них в своей деятельности.

На начало 2022 г. в Беларуси зарегистрировано 500 католических общин. Католичество в нашей стране является вторым по численности приверженцев религиозным направлением, оно оказало значительное воздействие на формирование нашей религиозной традиции.

Одной из характерных черт современного общества является наличие мировоззренческого плюрализма. Это предполагает различные трактовки проблемы гуманизма. Однако следует подчеркнуть актуальность данной проблемы и ее практический характер.

Во-первых, она обсуждается учеными. Мы приведем в этой связи положение из работы члена-корреспондента НАН Беларуси Л.Ф. Евменова: «понятие человеческого достоинства *немыслимо без реализации* фундаментальных прав человека, становящихся сегодня в правовых актах ООН, ЮНЕСКО, Международной организации труда основой “*всеобщего законодательства*” (Кант)» [8, с. 118].

Во-вторых, принцип гуманизма в современной Беларуси утверждается на законодательном уровне Согласно второй статье Конституции «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [9].

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека : принята и провозглашена Резолюцией 217 А (III) Ген. Ассамблеи ООН 10 дек. 1948 г. – Минск : Представительство ООН в Республике Беларусь, 2000. – 30 с.
2. Капустин, Б. Г. Современность / Б. Г. Капустин // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / науч.-ред. совет : В. С. Степин [и др.]. – М. : Мысль, 2010. – Т. 3. – С. 587–588.
3. Гадамер, Х. Г. Истина и метод : Основы филос. Герменевтики / Х. Г. Гадамер. – М., 1988. – 704 с.
4. Скола, А. Богословская антропология / А. Скола, Дж. Маренго, Х. Прадес Лопес ; пер. с итал. Ю. Ромашева. – М. : Христианская Россия, 2005. – 383 с.
5. Горелов, А. Гуманизм / А. Горелов // Католическая энциклопедия : в 5 т. ; о. Г. Церох (председатель) [и др.]. – М. : Науч. кн., 2002–2013. – Т. 1 : А–З / С. С. Аверинцев [и др.]. – 2002. – С. 1502–1505.
6. Кнох, В. Бог в поисках человека / В. Кнох. – М. : НПКЦ «Духовная библиотека», 1996 – 328 с.
7. Второй Ватиканский собор : Конституции, Декреты, Декларации. – Брюссель, 1992. – 573 с.
8. Евменов, Л. Ф. Достоинство, права и обязанности – социально-нравственные императивы : опыт современного философского прочтения / Л. Ф. Евменов // Логика достоинства и свободы личности : посвящ. 85-летию Ин-та философии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Бел. навука, 2016. – С. 118–133.
9. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Трансформация системы образования в условиях смены укладов общественной жизни: история и современность

С.З. СЕМЕРНИК

Рассмотрены важнейшие изменения, происходящие в сфере образования. Показана глубинная связь, существующая между образовательной и другими сферами общественного функционирования (экономической, политической, культурной и т. д.), выявляется специфика их взаимодействия. В статье утверждается, что данная проблема требует серьезного философского осмысления, поскольку успехи науки и образования тесно связаны с целями и задачами социально-экономического развития, напрямую затрагивающими культурно-антропологическую составляющую общественной динамики.

Ключевые слова: образование, современное общество, уклад общественной жизни, трансформация социума.

The article discusses the most important changes taking place in the field of education. The deep connection existing between educational and other spheres of social functioning (economic, political, cultural, etc.) is shown, the specifics of their interaction are revealed. The article argues that this problem requires serious philosophical reflection, since the successes of science and education are closely related to the goals and objectives of socio-economic development, directly affecting the cultural and anthropological component of social dynamics.

Keywords: education, modern society, way of social life, transformation of society.

Образовательные вызовы XXI в. ставят перед исследователями задачу переосмысления тех сложных процессов, которые происходят сегодня в системе образования вообще и в высшем образовании в частности. Основные тенденции развития в данной сфере таковы, что вполне определенно можно говорить о глубинной ее трансформации, предполагающей кардинальную смену не только принципов, методов, способов и форм получения образования, но и самой сущности образовательного процесса. Понимание указанных тенденций, выявление их конструктивного и деструктивного потенциалов является императивом развития современного социума. Поскольку образование – не автономная область социального функционирования, но многогранный, многослойный феномен, сопряженный гибкими взаимообратными связями практически со всеми сферами общества, благодаря чему трансформации, происходящие в сфере образования, затрагивают общество в целом. Поэтому сегодня практически невозможно найти человека, которого не волновала бы проблема образования и тех изменений, которые происходят в нём. Таким образом, методологической основой исследования по данному вопросу может выступить холистический подход, предполагающий рассмотрение системы образования как некоторой целостности, находящейся в тесной взаимосвязи с важнейшими сферами общественной жизни.

Исходя из презумпции развития образования как социального института, комплексного тем социально-экономическим, политическим, культурным процессам, которые происходят в обществе в целом, можно предположить, что важнейшими доминантами, определяющими специфику развития образовательной системы, являются:

1. Социально-экономический уклад общества. В этом смысле мы можем говорить об образовании традиционного (доиндустриального), а также техногенного (индустриального, постиндустриального и постпостиндустриального / неоиндустриального) обществ.

2. Тип рациональности, доминирующий на определенном социально-историческом этапе развития социума (стратегии классической, неклассической и постнеклассической рациональности).

3. Наконец, в современном техногенном обществе всевозрастающее значение для развития образования имеет тип технико-технологического уклада, доминирующего в социуме.

Несколько особняком стоит проблема культурно-цивилизационной (национальной, страновой) специфики, влияющей на характер образовательных процессов в социуме. Следуя названному критерию, можно различать, к примеру, западно-европейскую модель образования, ближневосточно-азиатскую, восточную и т. п. Также можно говорить о немецкой, французской, американской, японской, китайской, русской моделях образования. Однако проблема компара-

тивного анализа специфики национальных, обусловленных культурно-цивилизационными различиями систем образования выходит за рамки данного исследования, поэтому остановимся на рассмотрении проблемы образования в контексте обозначенных первых трех позиций.

Развивая тезис о том, что определенный уклад общественного (социально-экономического) развития требует воспроизводства соответствующей своим важнейшим запросам / функциям системы образования, и в этом смысле вполне правомерно разделять типы образования для «доиндустриального» (традиционного), «индустриального», «постиндустриального» и «постпостиндустриального» (как вариант – «неоиндустриального») обществ, можно отметить следующее.

Общая образовательная парадигма традиционного (В. Стёпин) / доиндустриального (Д. Белл) / пре(до)модерновского (А. Дугин) общества преимущественно решала задачу трансляции социокультурного опыта, опираясь на созерцательные способы мироотношения и нравственные императивы. Образование, востребованное в данном типе общества, в первую очередь, демонстрировало ориентацию на воспроизводство культурной традиции, сословный характер получаемых знаний, обеспечение легитимности иерархических отношений в обществе (прежде всего, через жесткую вертикальную идентификацию, строгую дисциплину как образ жизни внутри образовательного пространства) и т. п. В рамках данного общества длительное время обучения / образования как специально организованного процесса не существовало. Личность формировалась в ходе обыденной деятельности в недрах повседневной жизни. Жесткая социальная дифференциация традиционного общества (рабовладение, феодализм) приводила к тому, что воспроизводимые социальные типы личности различались в значительной степени, естественным образом поддерживая ситуацию социального неравенства. Неудивительно поэтому, что, когда в традиционном обществе возникло стремление придать образовательному процессу институциональный характер, оно породило сословную модель образования, основное назначение которой – воспроизводить нормы и способы жизнедеятельности того социального слоя, который человек представлял. Особенно отчетливо данная тенденция прослеживалась в средневековом обществе, для которого в целом характерно стремление как к горизонтальному (корпоративизм), так и вертикальному (сословная иерархия, многоуровневое общество) градуированию социума. Корпоративность и социальная стратификация средневекового общества (классическое феодальное трехчленное деление на воюющих, молящихся и трудящихся) способствовали диверсификации образования – реализации дифференцированного подхода к обучению. Это наглядно демонстрирует литература того времени, авторы которой обращались к вопросам образования и воспитания.

В качестве примера здесь можно привести известные средневековые произведения Винсента из Бове «О наставлении детей знатных горожан» (ок. 1246 г), педагогические наставления Жоффруа де ла Тур Ландри «Книга рыцаря де ла Тура Ландри, написанная в назидание дочерям», педагогический труд Эгидия Римского «О правлении государей» (ок. 1285 г) с разделами, посвященными педагогической проблематике (гл. VII «О том, что дети благородных, и в особенности государей и правителей, должны с самого детства обучаться наукам», гл. VIII «Какие науки должны изучать дети благородных, и в особенности государей и правителей» и т. д.) и другие учительные творения, имеющие прямую отсылку к наследникам знатного происхождения [1]. Как видим, высокое и позднее средневековье отличаются преимущественно «адресной» педагогической литературой, предназначенной, в первую очередь, для детей высших сословий.

Однако более внимательный взгляд на образование доиндустриального общества позволяет увидеть, что оно не только поддерживало традиционные разделительные линии в современном ему обществе, но, во-первых, вынашивало в себе идею соединительных, объединяющих общество начал, во-вторых, способствовало возникновению новых разделительных линий, что в целом предуготовляло социум к серьезным социальным трансформациям (переходу от разрозненных земель к нациям-государствам). В частности, данная тенденция может быть обнаружена в связи с возникновением в Европе университетов, одной из задач которых выступило преодоление узкой спецификации образования, что вело в целом к ослаблению корпоративности, «цехового мышления», базирующихся в значительной степени на профессионально дифференцированных знаниях. Универсализация образования, рекрутирование учащихся университетов из разных сословий (военного, духовенства, аристократии) и разных земель приводило к тому, что к концу многолетнего образования (в среднем шесть–восемь лет) выходцы данных учебных заведений, усвоившие единую картину мира на основе единой системы наук, преподаваемой в университетах, становились общеевропейским слоем интеллектуалов, власть этнических и сословных различий для которых уже не имела столь фатального значения.

Тенденция универсализации знания была комплементарна тем социально-экономическим и политическим процессам, которые происходили в обществе, уверенно вступающем в эпоху модерна. Именно выходцы университетов в большинстве своем стали трубадурами и глашатаями тех революций (буржуазных и политических), которые впоследствии потрясли традиционное общество, приведя к его кардинальным трансформациям. Другими словами, система образования стала тем средством, которое позволило запустить «социальные лифты», размывающие жесткие разделительные линии иерархического по своей сути общества премодекна. «Непросвещенность» стала восприниматься как родовой изъян всякого сословия (от крестьянина до монарха), к устранению которого общество стремилось всеми силами. Рациональность, гносеологический статус образования стали тем Прометеевым огнем, в пожаре которого медленно, но неуклонно испепелялась эпоха премодекна.

Универсализация на уровне образования – размывание сословных и земельных различий участников образовательного процесса – происходила как «сверху», так и «снизу». Русский экономист, естествоиспытатель и философ А.А. Богданов в своей известной работе «Тектология», размышляя об условиях появления в XIX в. нового социального слоя – индустриального пролетариата – отмечал роль универсальной подготовки представителей рабочего класса в этом процессе: «как легко освобождается рабочий-специалист от цеховых предрассудков профессии, как жадно стремятся передовые пролетарии к знанию энциклопедическому, а не узкоспециальному, как охотно они усваивают в своих областях наиболее монистические идеи и теории» [2, с. 75]. Тем не менее, сословная модель образования, являющаяся основой воспроизводства социальных страт традиционного социума, еще долгое время давала о себе знать. К примеру, хорошо известно высказывание министра народного просвещения А.С. Шишова об обучении детей крестьян, произнесенное им на заседании главного управления училищ с критикой Устава ученых заведений, подведомственных университетам в 1804 г: «Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу онаго количество людей, принесло бы более вреда, нежели пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином» [цит. по 3, с. 80].

В новоевропейский период общественного развития, в рамках которого возникла конструкторско-преобразовательная стратегия отношения к миру, социум по-настоящему серьезно стал относиться к проблеме образования, увидев (осознав) в нем важнейший фактор социоэкономического / социокультурного развития, связанный с тем, что система образования способна формировать определенный социальный тип личности, могущий решать те задачи, которые вне соответствующей образовательной подготовки ему не достичь. Образовательная парадигма общества модерна в глубинных своих основаниях призвана была отвечать запросам нарождающегося капиталистического типа социума с его ориентацией на техничность и профессионализм как условие развития промышленного типа накопления капитала. Здесь необходимо вспомнить диалектический метод Гегеля, который указывал в соответствующем законе (двойного отрицания) на преемственность процесса развития, творческий синтез ушедшего и нарождающегося в фактичности новаций. В случае с переходом от премодекна к эпохе модерна мы можем наблюдать следующие особенности развития образования.

Промышленная революция, зародившаяся в Англии, начало которой принято возводить к концу XVIII в., актуализировала рост числа сельскохозяйственных (а не только технических) учебных заведений самого разного типа, как в России, так и за рубежом. Данная ситуация только на первый взгляд кажется противоречивой. Актуализация аграрного образования на фоне осуществляющейся промышленной революции была обусловлена несколькими причинами: *во-первых*, изменился сам взгляд на сельское хозяйство – оно стало рассматриваться не просто как деятельность по жизнеобеспечению общества, но как сфера накопления капитала. Отсюда возникла потребность рационализации сельскохозяйственных работ, организации их таким образом, чтобы не просто покрывать жизненные потребности субъектов общественного развития, но извлекать максимальную прибыль при осуществлении производственной деятельности; *во-вторых*, несмотря на промышленный характер революции, инерция существующего социоэкономического уклада (абсолютное доминирование аграрного типа производства, незначительное количество промышленных предприятий (мануфактур) и т. п.) с очевидностью требовала использовать тот производственный ресурс (труд, земля и капитал), который имелся в наличии.

Как описывает данную ситуацию И.И. Мещерский: «Попытки устроить высшее сельское хозяйственное образование возникли у нас почти в одно и то же время, как и на западе Евро-

пы, т. е. в конце XVIII ст., причем первые 40 лет у нас пошли, можно сказать на отыскание способов или типов такого образования» [4, с. 1]. Обращает на себя внимание также тот факт, что для того, чтобы определиться со «способами и типами» сельскохозяйственного образования лучшие образцы такого образования стали искать в тех странах, где промышленная революция протекала наиболее интенсивно и дала наиболее ощутимые результаты – активное учреждение капиталистического уклада жизни. В частности, когда в 1861 г. Министерство Государственных Имуществ России дало поручение статс-секретарю, члену Государственного Совета В.И. Вешнякову составить обзор иностранных сельскохозяйственных учреждений с подробным описанием основных принципов их работы и организации, для выполнения данной задачи он отправился в такие страны как Англия, Бельгия, Франция, Голландия, Германия и Италия [5]. При этом наибольший интерес у отечественных исследователей вызвали работа немецкого ученого агронома А. Тэра «Организация рационального хозяйства», впервые вышедшая в 1809 г., и принципы работы учрежденного им же в 1804 г. аграрного учебного заведения.

По мере того как отечественное сельское хозяйство попыталось внедрить у себя новейшие достижения агрономической науки и образования, полученные на Западе, многим и ученым, и политикам стали очевидными противоречия между агрономическими новшествами, предпринимательским земледелием и крепостной действительностью России того времени. В частности, об этом писал просветитель-энциклопедист екатерининского времени А.Т. Болотов [6], его последователи И.М. Комов [7], М.Е. Ливанов [8] и другие. Современный российский исследователь А.В. Ефременков пишет: «Непонятно только, какова была цель перевода «Организации рационального хозяйства», если при этом исходилось из незыблемости крепостнических порядков» [9, с. 36].

Таким образом, является очевидным, что образование имеет прямое отношение к тому укладу жизни, который доминирует в обществе. Уклад – сложное понятие, указывающее не только на технико-экономическую составляющую развития общества, но и включающее в себя такие элементы, как политическая система, общественная психология, этика, нормы действующего права, ценности культуры и т. п. Данное понятие близко понятию К. Маркса «общественно-экономическая формация». Поэтому рационализация сельского хозяйства, осуществляемая на ранних этапах эпохи модерна, вне сочетания с соответствующей политической и социокультурной конъюнктурой не достигала искомой задачи по оптимизации аграрного типа производства, извлечения из него максимальной прибыли. Усилия образования и науки в этом вопросе, вне согласования с иными институциональными структурами, не приносили ощутимых результатов.

Однако определенные плоды от развития образовательной системы эпохи модерна в социально-экономическом плане, безусловно, имелись. Прежде всего активно расширялась социальная база участников образовательного процесса. В частности, широкое распространение получили идеи «народного образования». Например, наиболее ярко это проявилось в русской педагогической мысли того периода. После отмены крепостного права происходит всплеск идеи всеобщего, «народного» образования, к концу XIX – началу XX вв. в России публикуется достаточное количество произведений, так или иначе посвященных проблеме образования широких трудящихся масс (К.Д. Ушинский «О народности в общественном воспитании», Л.Н. Толстой «О народном воспитании», Н.И. Ильминский «Беседы о народной школе», Я. Колас «О народном учителе», М.А. Богданович «Каким должен быть народный учитель по завету русской истории», А.Е. Богданович «Педагогические воззрения белорусского народа», «К вопросу о распространении сельскохозяйственных знаний в народе», И.Д. Горачевский «Сельский учитель», Д.А. Сцепуро «Вопросы народного просвещения в периодической печати», А.П. Щапов «Значение естествознания в воспитании детей и образе жизни народа», М.М. Сперанский «О усовершенствовании общего народного воспитания», В.В. Попугаев «О просвещении народном и одного следствиях», И.В. Киреевский «Записка о направлении и методах первоначального образования народа в России» и другие).

Результатом названных процессов явилось широкомасштабное наступление универсалистских подходов на сословную модель образования, ориентирующуюся на воспроизводство и легитимацию иерархического типа социума. В свете универсалистских интенций эпохи Просвещения происходило значительное расширение тех слоев общества, которые вовлекались в процесс обучения. Здесь следует отметить, что универсализация образования эпохи модерна наиболее ярко проявила себя в советской образовательной системе, ориентированной на эгали-

таристские тенденции социальной организации общества и воспроизводство универсального типа личности – советского человека, в эталонном своем варианте чуждого всяких социальных, этнических, экономических различий. Тем не менее в целом в силу процессов социальной инерции сословная модель образования еще долгое время продолжала существовать, сохраняя в рудиментарном виде свои позиции даже в период расцвета универсалистской по своей сути эпохи модерна (например, закрытые элитные школы в странах Запада). Таким образом, можно заключить, что по мере закрепления результатов промышленной революции и распространения машинного производства в индустриальных типах социума активно стала развиваться универсализация как способ жизнедеятельности и мышления, что нашло свое отражение в системе образования в том числе.

Однако, как показывает историческая практика, всякая универсализация *предшествует новой дифференциации*, отличной от предыдущих. Процессы, происходящие в образовании, в этой ситуации являются и маркерами, и способами (средствами) реализации названных процессов. Несмотря на линейно-ригористическую риторику эпохи модерна в отношении социума, доминирование объективистских и универсалистских способов понимания и эталонов развития (отличающийся ориентацией на универсализм проект Просвещения, эгалитаристские идеалы Французской и Октябрьской революций и т. п.), в его недрах рождались основания для возникновения новых разделительных линий, новой корпоративности и тотального неравенства. Поэтому одной из тенденций развития современного общества (общества постмодерна или постиндустриального / неоиндустриального общества) является усиление тенденций неравенства. Соответственно, в модели образования для неоиндустриального общества просматриваются черты, характерные для средневекового общества: сословный характер, воспроизведение статусных различий и социальный контроль. Универсалистские интенции в образовании, рожденные в недрах высокого и позднего средневековья, масштабно развернутые и достигшие пика в эпоху модерна, в постмодерновский период развития социума в значительной степени снизили свой социокультурный потенциал, предоставляя возможность реванша диверсификационным тенденциям в сфере образования. В современном варианте это выражается в том, что тотальная коммерциализация образования снижает возможность доступа к нему со стороны наименее обеспеченных слоев общества, собственно получение образования в качестве первоочередных решает проблему присоединения к некоторому статусу.

При решении вопроса о том, каким быть образованию XXI в., необходимо рассматривать вопрос о соотношении тех субъектов, которые являются наиболее заинтересованными в формировании определенного уклада общественной жизни. Именно данные субъекты и выступают основными заказчиками некоторой образовательной модели нео-(пост) индустриального общества. Сегодня очевидно прослеживается бинарная оппозиция двух крупнейших экономических субъектов – совокупное представительство производственного капитала, широко использующего наследие индустриальной эпохи, и представителей глобального финансового капитала. Каждый из названных субъектов по-своему заинтересован в модели будущих укладов. Их определенной реализации. Обоснование степени влияния и соответственно правообладания возможными доходами от инновационной индустриальной деятельности предлагает, прежде всего, финансовый капитал. Он постулирует возможность инновационного развития через привлечение венчурного бизнеса, обеспечивающего запросы инновационных разработок в капитале, на основании чего делается вывод о праве последнего в определении приоритетов развития образования и науки.

В то же время, если посмотреть на неоиндустриальную стратегию и перспективу участия в инновационном развитии производственного капитала, так или иначе связанного с реальным сектором экономики, то собственно от данного субъекта мирового развития исходит принципиально иной запрос, который касается и сферы образования. Для обеспечения неоиндустриального высокотехнологичного развития необходима актуализация фундаментального, «избыточно-го» академического образования, на базе которого только и возможно получить действительно инновационные, далеко опережающие время разработки, претендующие на глубинную трансформацию реального вещества и энергии. В то же время финансовый капитал как в таковой в фундаментальной науке не нуждается. Его больше интересует инноватика в системе менеджмента: структурно-организационные инновации в сфере перераспределения и присвоения произведенного продукта. И, в частности, если речь идет о системе образования, то инновации в данной сфере интересуют лишь в той части, которая связана с повышением экономической отдачи от системы образования, превращением ее в высокорентабельную сферу бизнеса, а не совершенствованием содержания получаемых знаний и воспитательно-образовательной деятельности.

Подводя итог сказанному, отметим, что современное видение и согласованное обсуждение проблем образования требует прояснения исходных посылок понимания: о каком именно образовании идет речь? Феномен образования в зависимости от контекста, в котором он рассматривается, может пониматься совершенно различным образом: как трансляция социокультурного опыта, сопряженная с поиском, накоплением и тиражированием знаний, как образ жизни, как узкая профессиональная подготовка, как услуга и набор практических навыков, как ценность и т. п. Комплементарность процессов, происходящих в образовании, процессам, разворачивающимся в экономике, культуре, политике, духовной сфере общества очевидны. Поэтому решение проблем образования отсылает к необходимости прояснения вопроса о том, какое общество мы создаем? Каковы цели, задачи и перспективы его развития? Прорисовывающийся в перспективе сегодняшнего дня запрос на отчетливо стратифицированное (двух/трех-уровневое – многоукладное) общество объясняет те разнонаправленные тенденции, которые существуют в современном образовании. С одной стороны, просматривается запрос на фундаментализацию и гиперсложность образования, с другой, наблюдается деинтеллектуализация и прагматизм. На одном полюсе – потребность сохранения человекообразного образования (обеспечивающееся через трансляцию от человека к человеку), с другой, стремление к электронизации, виртуализации, тотализации человеко-машинного взаимодействия и как итог – деантропологизация (дегуманизация) последнего. Дегуманизирующие тенденции прослеживаются и по линии образования «человек–человек», поскольку ранняя дифференциация образовательных стратегий, отделяющая тех, кто обучается во взаимодействии с человеком и тех, кто вовлечен в дистанционно-электронное, виртуальное, способствует нарастанию социального отчуждения, которое по своей сути не может не быть антигуманным.

Одновременное наращивание тенденций универсализации и диверсификации образования свидетельствует о том, что общество находится в ситуации масштабного переформатирования: исчезновения социальной структуры, характерной для общества модерна, и возникновения нового типа социальности с ранее не известными обществу социальными субъектами и стратами. При этом тип образования, возникший в ответ на запросы постиндустриального общества (визитной карточкой которого является Болонская система), может рассматриваться как промежуточный, переходный этап в развитии социума и образования, подготавливающий нас к активно надвигающемуся будущему. Поэтому вопрос о той образовательной системе, которая возобладает сегодня в обществе, по сути, является вопросом о том типе социума, который мы создаем.

Литература

1. Антология педагогической мысли христианского Средневековья : в 2 т. : пособие для уч-ся / сост. В. Г. Безрогов, О. И. Варьяш. – М. : Аспект Пресс, 1994. – Т. 2. – 352 с.
2. Богданов, А. А. Всеобщая организационная наука (Тектология) / А. А. Богданов. – Л., М., 1925. – 300 с.
3. История образования и педагогической мысли : в 3-х ч. / сост. Т. В. Палиева, И. В. Журлова. – Мозырь : МГПУ им. И.П. Шамякина, 2013. – Ч. 2. – 194 с.
4. Мещерский, И. И. Высшее сельскохозяйственное образование в России и за границей / И. И. Мещерский. – СПб. : Типография В. Киршбаума, 1893. – XXIV, 403, XXXVII с.
5. Вешняков, В. И. Обзор сельскохозяйственных учреждений в Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Германии и Италии / В. И. Вешняков. – СПб. : Тип. М-ва Гос. Имуществ, 1866. – 787 с.
6. Болотов, А. Т. Рассуждение о сравнительной выгодности крепостного и вольнонаемного труда [Электронный ресурс] / А. Т. Болотов. – Режим доступа : http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_1764_rassuzhdenie.shtml. – Дата доступа : 12.07.2022.
7. Комов, И. М. О земледелии. О земельных орудиях [Электронный ресурс] / И. М. Комов. – Режим доступа : https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_02000026250?page=1&rotate=0&theme=white. – Дата доступа : 12.07.2022.
8. Ливанов, М. Е. О земледелии, скотоводстве и птицеводстве / М. Е. Ливанов // Сочинение профессора земледелия коллежского ассессора Михайла Ливанова. – Николаев : Тип. Черноморского штурманского училища, 1799. – 279 с.
9. Ефременко, А. В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины / А. В. Ефременко. – Ярославль : Изд. «Ремдер», 2002. – 532 с.

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *Е.Н. Ермакова, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 07.02.2023. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 16,97. Уч.-изд. л. 14,78. Тираж 100 экз. Заказ № 72.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.